

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

На правах рукописи

Кузьмина Луиза Александровна

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЗНАКИ ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ СО СФЕРОЙ-
ИСТОЧНИКОМ «Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ» В СОВРЕМЕННЫХ
МЕДИА**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Елена Николаевна Ремчукова

Москва – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ЧЕРТА СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА	14
1.1. Прецедентность как разновидность интертекстуальности	14
1.2. Взаимодействие художественной литературы и медиа в интертекстуальном пространстве	20
1.3. Виды и жанры современных профессиональных и социальных медиа в аспекте функционирования прецедентных феноменов	30
1.3.1. Особенности современных медиатекстов и научного подхода к их описанию	30
1.3.2. Особенности жанровой классификации медиа и её противоречия... ..	34
1.3.3. Прецедентный культурный знак как поликодовый медиазнак	38
1.3.4. Профессиональные и социальные медиа.....	40
1.4. «Прецедентный мир»: творчество Ф.М. Достоевского в аспекте современной массовой культуры	46
ВЫВОДЫ	61
ГЛАВА 2. ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ	63
2.1. Отражение прецедентного мира Достоевского в Национальном корпусе русского языка	63
2.1.1. Названия художественных произведений как прецедентный феномен	63
2.1.2. Прецедентный антропоним.....	68
2.2. Темы и образы произведений Достоевского как культурные знаки и сферы их функционирования в современном медиапространстве	74
2.3. Функции и жанровые реализации прецедентных культурных знаков в медиатексте	84
2.3.1. Особенности классификации функций прецедентных знаков	84
2.3.2. Функции знаков высокой культуры со сферой-источником «Достоевский» в медиа	89
2.4. Функция оценки	101

2.5. Прецедентные культурные знаки в заголовочном комплексе	106
ВЫВОДЫ	115
ГЛАВА 3. ТИПЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЗНАКОВ И СПОСОБЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ	117
3.1. Трансформация как способ реализации и адаптации культурного знака в медиакультуре	117
3.2. Способы актуализации прецедентных имён	122
3.2.1. Прецедентные антропонимы	124
3.2.2. Названия произведений	133
3.3. Прецедентное высказывание	142
3.4. Вербализованные прецедентные ситуации и прецедентные атрибуты имени	155
3.5. «Цитатное письмо» как форма реализации «прецедентного комплекса»	160
3.6. Прецедентный знак как средство языковой игры в жанре интернет-мема	170
3.6.1. Особенности интернет-мема как жанра социальных медиа	170
3.6.2. Типы интернет-мемов с прецедентными культурными знаками с источником «Достоевский»	172
3.6.3. Способы актуализации прецедентного знака в интернет-меме	178
ВЫВОДЫ	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	186
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	189

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в интертекстуальном пространстве современных медиа хрестоматийные тексты великих русских писателей широко востребованы в качестве объекта «произвольного цитирования», то есть функционируют в медиатекстах в качестве «прецедентных знаков высокой культуры» с источником «русская классическая литература».

В связи с этим в условиях такого массового использования как в профессиональных, так и социальных медиа актуальным является вопрос о сохранении прецедентным знаком русской культуры своей лингвокультурной значимости и семиотической целостности. В диссертационной работе проблема рецепции русской литературы рассматривается на материале сферы-источника «Достоевский» и находится в зоне пересечения интересов таких направлений русистики, как медиалингвистика и медиастилистика, лингвоэтика, лингвопрагматика, лингвистика креатива и лингвокультурология, что и определяет её **актуальность**.

Степень научной разработанности темы: теоретико-методологической основой диссертационного исследования послужили работы учёных о языке, поэтике и философии Ф.М. Достоевского, в том числе нашедшие отражение в лексикографических источниках (М.М. Бахтин, И.Л. Волгин, В.Н. Захаров, Ю.Н. Караулов, Т.А. Касаткина, И.В. Ружицкий, С. Рублёв, Л.И. Сараскина, Б.Н. Тихомиров, Н.Л. Чулкина); труды отечественных и зарубежных учёных в области теории прецедентности (И.В. Высоцкая, Д.Б. Гудков, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, С.Л. Кушнерук, Е.А. Нахимова, И.А. Наумова, Г.Г. Слышкин), теории интертекстуальности (Р. Барт, Ю.А. Кристева, Н.А. Кузьмина, Ю.М. Лотман, Н.А. Фатеева), интертекстуальности и прецедентности в медиадискурсе (О.С. Боярских, Э.В. Будаев, М.Ю. Казак, Н.А. Кузьмина, Е.А. Нахимова, Е.Н. Ремчукова, С.И. Сметанина, А. Graham, G. Kress, P. Lennon); лингвистике креатива (Т.А. Гридина, Е.Н. Ремчукова); труды по

медиалингвистике в целом (И.В. Анненкова, Е.В. Вырощева, Т.Г. Добросклонская, Е.С. Кара-Мурза, А.А. Негрышев, Т.В. Шмелёва, Е.А. Щеглова, А. Bell, J. Corner, T. Flew, C. Fuchs, M. Montgomery) и медиастилистике в частности (Л.Р. Дускаева, М.В. Иванова, Н.И. Клушина, В.И. Коньков, Ю.М. Коняева, О.И. Северская, Н.С. Цветова), языку СМИ (Н.С. Валгина, В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик); лингвокультурологии (В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.Г. Костомаров, В.М. Шаклеин); лингвопрагматике и когнитивной лингвистике (О.В. Врублевская, О.С. Иссерс, Т.Б. Радбиль, И.А. Стернин, А.П. Чудинов); аксиологической лингвистике (В.И. Карасик, Т.В. Маркелова); рецепции художественной литературы, в частности произведений Ф.М. Достоевского, в том числе в аспекте перевода (А.Ж. Ильясова, С.А. Кибальник, С.Е. Трунин, О.С. Чеснокова).

Анализ медиатекстов проводился с опорой на работы Е.Н. Ремчуковой по функционированию в медиа прецедентных знаков высокой культуры с источником «русская литература».

Объектом данного исследования являются прецедентные знаки высокой культуры со сферой-источником «Достоевский» в современном медийном пространстве, а его **предметом** – жанровые, функциональные и структурно-семантические особенности их функционирования в текстах профессиональных и социальных медиа.

Цель диссертационного исследования состоит в описании структурно-семантических и лексико-стилистических особенностей прецедентов с указанной сферой-источником, обусловленных трансформацией исходного культурного знака в различных сферах и жанрах медиа в широком контексте актуальных социально значимых событий.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выделить прецедентные знаки высокой культуры как хрестоматийные культурные знаки, важным источником которых является русская

- классическая литература, показать их роль в русском «лингвокультурном сознании» и в русском языке;
- раскрыть понятие «прецедентного мира» Достоевского, выявить его составляющие, показать их социокультурную значимость;
  - представить современное медиапространство как совокупность профессиональных и социальных медиа, в которых прецедентные знаки высокой культуры со сферой-источником «русская классическая литература» проявляют высокую активность;
  - с помощью методов и базы корпусной лингвистики проанализировать степень активности вербальных прецедентов со сферой-источником «Достоевский» в медиакорпусе Национального корпуса русского языка;
  - рассмотреть обусловленные потенциалом русского языка типы трансформации прецедентных феноменов и их функции;
  - выявить лингвокультурологическую ценность трансформированных прецедентов, их лингвокреативный потенциал, эстетическую значимость и лингвоэтическую «корректность» в аспекте культуры современной русской речи.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней **впервые** проводится комплексное описание прецедентных знаков высокой культуры со сферой-источником «Достоевский» в современном российском медиапространстве как составляющей «прецедентного мира» писателя, в том числе с помощью методов и базы корпусной лингвистики; впервые выделяются разные типы трансформаций прецедентного культурного знака данной сферы-источника и уточняются их функции с учётом дифференциации медиа на профессиональные и социальные; впервые выявлена лингвокультурная и лингвоэстетическая ценность, а также лингвоэтическая корректность прецедентных культурных знаков с источником «Достоевский».

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нём прецедентные знаки высокой культуры данной сферы-источника представлены как часть современных медиа в аспекте их типологии, что

вносит вклад в развитие *медиалингвистики*; возможности описания типов трансформаций с помощью инструментов НКРЯ имеют значение для развития в медиалингвистике методов *корпусной лингвистики*; выделение типов трансформаций прецедентного культурного знака и уточнение их функций с учётом дифференциации социальных и профессиональных медиа, а также расширение терминологического аппарата вносит вклад развитие *теории прецедентности*, а выявление тенденций в области структурно-семантических трансформации прецедентов высокой культуры в современном медиатексте – в развитие *лингвистики креатива* и *линвоэтики*.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в базовых курсах по словообразованию, лексикологии и стилистике речи, синтаксису современного русского языка; в спецкурсах по медиалингвистике, интертекстуальности, прагмастилистике; в корпусной лингвистике, а также в преподавании ряда дисциплин по специальности «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью». Особенности функционирования в современной массовой культуре трансформированных прецедентных феноменов могут быть учтены в практике журналистской работы над текстом публикации. Материал исследования имеет также лингводидактическую ценность и может быть использован в практике преподавания русского языка как неродного.

Материалом исследования послужили выявленные методом сплошной выборки из газетного корпуса НКРЯ и других корпусов, а также дополненные ручной выборкой различные по жанровой принадлежности и общественно-политической окраске медиатексты, опубликованные в российских изданиях «Известия», «Коммерсант», «Новая газета», «Российская газета», «Независимая газета», «Православие.фм», «Эхо Москвы», «Взгляд», lenta.ru и др., а также в социальных сетях и Интернет-блогах. Корпус материала насчитывает более 2000 единиц, проанализировано и описано в работе около 500 контекстов с прецедентными культурными знаками.

Методы исследования: общелингвистические и специальные методы исследования включают традиционные методы лексико-семантического, контекстуального анализа прецедентных феноменов; при выявлении и описании трансформаций прецедентных знаков применялся интертекстуальный анализ, а также метод семантической и прагматической интерпретации. Выявление национально-культурной специфики прецедентных знаков высокой культуры потребовало использования метода лингвокультурологического комментирования. Применение метода корпусной лингвистики связано с использованием материалов Национального корпуса русского языка и других корпусов, а метода контент-анализа – с необходимостью статистического подсчёта собранного материала.

Гипотеза исследования состоит в том, что в использовании прецедентных знаков высокой культуры, в частности со сферой-источником «Достоевский», в современных медиа наблюдается как тенденция обесценивания их культурных и идеологических смыслов, так и тенденция интеллектуально-образного осмысления культурного знака.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для текстов современных медиа характерна апелляция к знакам русской классической литературы. Высокая цитируемость текстов великого русского писателя Ф.М. Достоевского объясняется не только их хрестоматийностью, но и востребованностью проблематики произведений писателя в функции социальной оценки, что подтверждают данные выборки НКРЯ и других корпусов.

2. Прецеденты со сферой-источником «Достоевский» входят в сферу «прецедентного мира» Достоевского как совокупность вербальных и невербальных культурных знаков, вступающих в ассоциативно-смысловое взаимодействие друг с другом и функционирующих не только в медиапространстве, но и в других сферах и видах искусства. Источником прецедентности в медиатексте являются не только произведения

Ф.М. Достоевского, но и факты его биографии, а также идейные, философские и общественные взгляды писателя.

3. Характерное для современных медиа тиражирование образов и сюжетов классической литературы приводит к их деканонизации – десакрализации культурных и идеологических смыслов прецедентных культурных знаков в процессе трансформации, что обусловлено лингвокреативностью современных медиа. Тип и способ трансформации связаны с потенциалом средств современного русского языка на всех уровнях – лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом.

4. Отражение «прецедентного мира» Ф.М. Достоевского в современных масс-медиа позволяет выделить две тенденции: с одной стороны, тенденцию к индивидуально-авторскому трансформированию как смысла, так и структуры прецедентного культурного знака; с другой стороны – тенденцию к стереотипизации определённых типов трансформаций. Актуализация значений прецедентного знака при помощи трансформации может быть связана не только с собственно игровой функцией, но и с более глубокой интеллектуально-образной рефлексией над содержанием произведений.

5. Функции прецедентных культурных знаков со сферой-источником «Достоевский» связаны с типами и жанрами современных российских медиа. В текстах аналитического характера как общественно-политических, так и социальных медиа концентрированное использование прецедентных знаков в контексте «цитатного письма» служит средством развёрнутой аргументации позиции автора медиатекста.

6. Тиражирование прецедентных культурных знаков со сферой-источником «Достоевский» в цифровой медиасреде приводит к обесцениванию их содержания и, как следствие, к клишированию, которое обусловлено использованием их в качестве средства языковой игры в комическом контексте социальных медиа, в частности – в жанре интернет-мема.

Степень достоверности результатов проведенного исследования определяется тем, что представленный в работе анализ базируется на репрезентативном материале медиаконтекстов, включающих в себя прецедентные культурные знаки со сферой-источником «Достоевский», в период с 2000 по 2022 год. В работе использована весомая методологическая и теоретическая база, которую составили научные труды российских и зарубежных учёных по современному русскому языку, медиалингвистике, коммуникативистике, лингвокультурологии.

Апробация работы проводилась в ходе докладов на научных и научно-практических конференциях:

1. Международная конференция «NORDSCI International Conference of Social Sciences» (Болгария, 12–14 октября 2020 г.);
2. XI Всероссийская научно-практическая конференция «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы» (Москва, РУДН, 12 ноября 2020 г.);
3. V Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире» в рамках XIV Международного фестиваля «Великое русское слово» (Ялта, 08–12 июня 2021 г.);
4. V международная научная конференция «Язык в координатах массмедиа» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 30 июня–02 июля 2021 г.);
5. III Международная научная конференция «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее, будущее» (Скопье, Македония, 26 – 28 сентября 2021 г.);
6. II Международная научная конференция, посвящённая 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского «Достоевский в смене эпох и поколений» (Омск, 11–14 ноября 2021 г.);
7. Научно-практический семинар с международным участием «Обучение иностранным языкам в условиях ограниченной языковой среды» (г. Суздаль, 20–21 января 2022 г.);

8. Международная научная конференция «Четвёртые Григорьевские чтения. “Семантические преобразования в художественном тексте”» (ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, Москва, 14–16 марта 2022 г.);

9. Научно-практический семинар с международным участием «Культурологические практики в системе русскоязычного образования иностранцев» (г. Тула, 19–20 апреля 2022 г.);

10. VI международная научная конференция «Язык в координатах массмедиа» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 30 июня–02 июля 2022 г.).

Основные положения диссертационной работы отражены в 12 публикациях, из них 1 статья в журнале, индексируемом в международной базе данных Scopus, 2 статьи – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных «Перечнем РУДН» (ВАК РФ), 9 статей – в изданиях, входящих в иные базы данных:

1. *Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А.* «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социо-культурном и «игровом поле» современных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 45–67. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-67> (Scopus)

2. *Кузьмина Л.А.* Национальный корпус русского языка как инструмент изучения прецедентных знаков высокой культуры со сферой-источником «русская классическая литература». // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2022. № 9. С.2860–2869. <https://doi.org/10.30853/phil20220498> (ВАК)

3. *Кузьмина Л.А.* «Псевдопрецедентные» знаки высокой культуры с источником цитирования «Ф.М. Достоевский» в современном медиатексте // Litera. – 2022. – № 10. – С. 50–61. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.10.39021> (ВАК)

4. *Luiza Kuzmina, Elena Remchukova.* Russian classical literature text as a precedent phenomenon of the modern media space // NORDSCI International

Conference Proceedings, Bulgaria, 12–14 October 2020. – Bulgaria: SAIMA CONSULT LTD, 2020. – Book 1, Volume 3. – Pp. 173–181.

5. **Кузьмина Л.А.** Раскольников, Родион, Родя: прецедентный оним в современном медиатексте // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 12 ноября 2020 года / Под редакцией В.В. Барабаша. – Москва: РУДН, 2020. – С. 94–99.

6. **Кузьмина Л.А.** «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в современных медиа / Л.А. Кузьмина // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей V Международного симпозиума, включенного в программу Международного фестиваля “Великое русское слово”. В 2-х томах, Симферополь, 08–12 июня 2021 года / Отв. редактор Е.Я. Титаренко. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021. – С. 348–352.

7. **Кузьмина Л.А.** Этические аспекты использования прецедентных феноменов в медиатексте / Л.А. Кузьмина // Медиалингвистика: Материалы V международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня – 02 июля 2021 года. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2021. – С. 270–274.

8. **Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А.** «Романы Достоевского дописывает жизнь»: прецедентные культурные знаки как актуальный отклик на социально значимые события / Е. Н. Ремчукова, Л. А. Кузьмина // Достоевский в смене эпох и поколений: материалы II Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского (г. Омск, 11–14 ноября 2021 года). – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. – С. 373–379.

9. **Кузьмина Л.А.** Произведения Ф.М. Достоевского как прецедентные феномены современного коммуникативного пространства // III Международная научная конференция «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее, будущее», Скопье (Македония). – 2021. – С. 99–104.

10. *Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А.* Трансформация прецедентного знака высокой культуры в медиaprостранстве (на материале прецедентов со сферой-источником «Достоевский») // Материалы конференции «Четвёртые Григорьевские чтения “Семантические преобразования в художественном тексте”». М., 2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/grigoriev2022/Remch.pdf>

11. *Кузьмина Л.А.* Текстогенность прецедентных знаков культуры в заголовочном комплексе / Л.А. Кузьмина // Медиалингвистика: Материалы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня – 02 2022 года. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2022. – С. 239–242.

12. *Кузьмина Л.А.* Особенности функционирования культурно-коннотированной лексики в произведениях Ф.М. Достоевского // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: материалы XVI Студенческой научно-практической конференции, Москва, 12 апреля 2019 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. – С. 9–14.

Структура работы: диссертация состоит из Введения трёх глав, Заключения и Списка использованной литературы. В первой главе *«Интертекстуальность как черта современных масс-медиа»* рассматриваются базовые положения, на которые опирается настоящее исследование, описываются тенденции изучения прецедентных феноменов в современной науке. Во второй главе *«Произведения Ф.М. Достоевского как источник прецедентности в медиадискурсе»* рассматриваются функционально-семантические, жанровые особенности использования прецедентных культурных знаков со сферой-источником «Достоевский» и их функции в медиадискурсе. В третьей главе *«Типы прецедентных знаков и способы их реализации в современном медиатексте»* описываются основные типы трансформаций как способа актуализации прецедентных знаков высокой культуры. В Заключении подводятся итоги проведённого исследования и намечаются его перспективы.

ГЛАВА 1. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ЧЕРТА СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА

1.1. Прецедентность как разновидность интертекстуальности

С помощью теории интертекстуальности можно объяснять взаимодействие текстов в самых разных проекциях. Категория интертекстуальности является онтологическим свойством текстов массовой коммуникации и гибким исследовательским инструментом, который отражает специфику медиатекста на содержательном, структурном и функциональном уровнях. Не случайно «прочтение» медиатекстов через призму «интертекстуальности» становится одним из важных приемов при анализе материалов современных медиа.

Диалогичность, полифоничность, полисубъектность, вторичность – фундаментальные свойства журналистского текста, тесно сопрягающиеся с другой онтологической чертой публикаций – интертекстуальностью [Казак, Махова 2015: 93]. Основанием для сближения данных категорий служит открытость современных медиатекстов по отношению к реальной действительности, культуре и другим текстам, что, в свою очередь, объективируется в отсылках к «первотекстам», в соотношении авторского и «чужого» слова, в смене субъектов речи. В современных исследованиях открытость текстов СМИ устанавливается на «содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» и сопрягается с массмедийной интертекстуальностью [Чернявская 2014].

Новые перспективы в понимании медиатекста как открытого феномена формирует теория интертекстуальности. В самом общем виде интертекстуальность понимается как открытость текста и его цитатность, свойство текстов быть погруженными в коммуникативное пространство (культурное и историческое окружение), т.е. содержит языковые сигналы, отсылающие к другим текстам [Кристева 2000: 428].

С опорой на идеи интертекстуальности в научный обиход вошли новые оппозиции: текст – интертекст, сверхтекст, супертекст, гипертекст, прецедентный текст и др., которые свидетельствуют о выявленных и обозначенных новых типах текста или аспектах его функционирования. По словам В.Е. Чернявской, слово «интертекстуальность» стало тем волшебным словом, которым пытаются открыть все двери, ведущие в «текстовый универсум» [Чернявская 2009: 178].

Проблемы открытости текста, «текста в тексте» или «текста о тексте», отсылают нас к известным исследованиям в области герменевтики, к проблемам литературного влияния, заимствования, подражания, пародирования, плагиата, к теории «чужого» слова.

Существуют два главных подхода к теории интертекстуальности: широкий (литературоведческий) и узкий (лингвистический).

Радикальная модель (труды Ю. Кристевой, М. Риффатера, Ж. Дерриды, Р. Барта) делает текст единицей культуроцентрического порядка, подключая его к культурно-историческому опыту человечества и общему литературному процессу. Исследования Ю. Кристевой, Р. Барта и др. семиотиков помогли осознать, что между вновь создаваемыми и предшествующими текстами находится общее пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт личности, а интертекстуальность выступает как свойство любой литературной коммуникации. В этом ракурсе тексты массовой коммуникации являются частью глобального процесса коммуникации. «Мозаичная» информация газет, журналов, радио, телевидения в своей совокупности воссоздает модифицированную картину мира.

В рамках узкой модели интертекстуальности открытость текста предстает как особое качество определенных типов текстов-реципентов, содержащих конкретные и явные отсылки (цитаты, реминисценции, аллюзии, парафразы), или *интертекстемы*, к предшествующим текстам, которые различным образом воздействуют на интеллект и память массовой

аудитории (см. работы Е.А. Земской, Н.А. Кузьминой, В.В. Красных, Н. Пьеге-Гро, Н.А. Фатеевой, В.Е. Чернявской и др.).

Авторы сообщений, стараясь заинтересовать читателя, используют интертекстуальность в качестве стилистического приема, «рассчитывая на эрудицию получателя сообщения» [Воркачев 2014: 260; Добросклонская 2020: 53].

Интертекстуальность может проявляться в медиатексте в виде цитат, формирующих определённый образ, дающих экспрессивную оценку, цитаты, обладающих лингвокультурологической ценностью и апеллирующих к художественной литературе, искусству, историческим событиям и социальному опыту человечества. Данный цитатный фонд описывается в научной литературе с помощью многочисленных терминов: *интертекст* (И.В. Арнольд, Г.В. Денисова, Н.А. Фатеева), *интертекстема* (В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко, Е.А. Попова), *текстовая реминисценция* (А.Е. Супрун, Г.Г. Слышкин), *фигуры речи* (В.П. Москвин, Г.В. Бобровская), *логоэпистема* (В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова), *прецедентный текст* (Ю.Н. Караулов), *прецедентный феномен*, *культурный знак* (Д.Б. Гудков, В.В. Красных), *речевые клише* (М.А. Кронгауз), *цитация* (Е.А. Земская), *цитатное письмо* (С.И. Сметанина).

Такие единицы обладают различной степенью воспроизводимости и узнаваемости целевой аудиторией, поэтому существенным для их анализа является дифференциация интертекстов на «сильные» и «слабые» (В.Н. Топоров), что соотносит теорию интертекстуальности с теорией прецедентности. На сегодняшний день в отечественной лингвистике нет единого мнения о соотношении анализируемых понятий, и в большинстве исследований четкой границы между ними не проводится. В нашем исследовании мы исходим из того, что явление прецедентности является *одной из разновидностей* интертекстуальности, оно связано с понятием «сильного текста», обладающего культурной значимостью для языковой

личности и носителей языка в целом, и с понятием «текстов влияния» [Кузьмина 2011]. Такими текстами в СМИ выступают тексты с источником «культура», «классическая литература» – хрестоматийные произведения, которые включены в школьно-университетскую программу и знакомы широкой аудитории, соответственно легко узнаваемы. Отметим, что произведения классической литературы дифференцируемы по данному признаку: например, роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» является, безусловно, сильным текстом, а повесть «Село Степанчиково и его обитатели» – нет, поскольку этот текст малознаком массовый аудитории, обращение к нему оказывается более редким, следовательно, интертексты требуют дополнительных сведений, необходимых читателю для декодирования глубинных текстовых смыслов.

В медиатекстах понимание сильного текста несколько трансформируется, поскольку с сильным текстом соотносятся наиболее частотные, активно воспроизводимые цитаты, хорошо знакомые среднему носителю языка в определенный исторический момент, в том числе и те, что относятся к области массовой культуры – фразы из телепередач, кинофильмов, речи политических деятелей и т.д. «Текстами влияния» их делает информационная поддержка СМИ, тиражирование по каналам массовой коммуникации и постоянная реинтерпретация.

С.В. Ионова предлагает рассматривать интертекстуальность с позиций выделения двух осей – синтагматической и парадигматической [Ионова, 2019: 16–17]. Синтагматическая ось формируется линейными связями произведений единого текстового пространства. Сюда относятся тексты, апеллирующие к готовым словесным образцам, интертекстам, включаемым в ткань нового произведения (аллюзии, реминисценции, цитаты и т.д.), таким образом, по Ю.Н. Караулову, подразумевается семиотический способ введения прецедентного текста в дискурс.

Парадигматическая ось объединяет тексты, связанные отношениями производности, и формируется речевыми произведениями, созданными в

результате преобразования в содержательной структуре разных типов. Это могут быть тексты интерпретативного типа (комментарии, переложения, продолжения), а также имитационного типа (подражание, стилизации, пародии и т.д.). В рамках данного исследования рассматриваются получившие широкое распространение трактовки известных художественных произведений, их экранизации и театральные постановки (см. об этом подробнее в главах 2 и 3).

Обсуждение проблемы прецедентности связано с понятием прецедентного текста, введенного в научный оборот Ю.Н. Карауловым, который толковал это понятие как текст, который (1) значим для той или личности в познавательном и эмоциональном плане; (2) имеет надличностный характер, то есть хорошо известен широкому окружению этой личности, включая ее предшественников и современников; (3) обращение к нему происходит неоднократно в дискурсе этой языковой личности [Караулов 2019: 216].

Прецедентный текст в интертексте, рассматриваемом как «множество явных и неявных цитат» [Чернявская 2014: 79], – это всегда явное, репрезентированное включение. Именно их (включений) «видимость», «декодируемость» в интертексте, позволяет читателю угадать то, что значимо для личности и ее окружения «в познавательном или эмоциональном плане» и хорошо известно «окружению данной личности», а значит, и определять такие включения как прецедентные тексты (высказывания, цитаты и т.д.) [Караулов 2019: 216].

Прецедентным является не само по себе классическое произведение, а некий комплекс сведений, важных для определенной культуры, активизируемых в сознании этой культуры именем прецедента, связанного с текстовым произведением. Д.Б. Гудков [Гудков 2000: 26] отмечает, что в состав прецедентов могут входить образцовые факты, которые представлены вербальными сигналами. Среди прецедентов, которые вербализуются, он отдельно выделяет особую группу, которая называется «прецедентные

феномены». Они связаны с инвариантными представлениями отдельного лингвокультурного сообщества об определенных фактах культуры. В работах таких лингвистов, как Ю.Н. Караулов [Караулов 2015: 264], В.В. Красных [Красных 2003: 369], Д.Б. Гудков [Гудков 2003: 118], И.В. Захаренко [Захаренко 2017], к числу прецедентных отнесены феномены, которые 1) хорошо известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, то есть они как минимум знают о его существовании и обладают некоторым, общим, обязательным для всех носителей инвариантом его восприятия определённого ментально-лингвального комплекса, который характеризуется национальной детерминированностью; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, то есть за прецедентным феноменом всегда стоит некоторое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества.

Как следует из этого определения, к прецедентным текстам относятся *стереотипы, частотные, воспроизводимые, маркированные* единицы (в когнитивном и эмоциональном аспекте), хорошо *известные* данному социуму и апеллирующие к «культурной памяти» носителей языка, т.е. образующие национально значимую фоновую информацию.

Таким образом, наше понимание соотношения интертекстуальности и прецедентности предполагает следующее:

- определение интертекстуальности как специфической особенности организации множества текстов в единое взаимосвязанное и взаимообусловленное целое, предполагающее, что любой вновь созданный текст состоит из явных и неявных цитаций из других текстов;
- определение прецедентности как одного из проявлений интертекстуальности – возможности использования в новом тексте

элементов предшествующих текстов, известных не только автору, но и его окружению и далее – нации, всему человечеству. Одной из особенностей прецедентного текста является его *репрезентированность* в художественных и нехудожественных текстах;

- использование прецедентного феномена автором (в том числе и автором-журналистом) как разновидности культурного знака всегда осознанно: прецедентный знак определяет глубину подтекста, усиливает информативность, так как позволяет через минимальное включение ввести большой объем информации.

Важные для современного медиатекста игровые стратегии в использовании прецедентов разного типа вписываются в игровую стратегию постмодернистской парадигмы, о которой С.И. Сметанина писала ещё в конце прошлого века¹ и которая остаётся актуальной для медиа и сегодня – на фоне их интенсивной цифровизации и вынужденной «эзоповизации» языка диалога с читателем, особенно в прессе оппозиционного типа (например, в «Новой газете»).

1.2. Взаимодействие художественной литературы и медиа в интертекстуальном пространстве

В последние десятилетия в трудах исследователей художественной литературы, а также рекламного, политического, медийного дискурсов термины *интертекст*, *интертекстуальность*, *прецедентность* получили широкое распространение.

Термин *интертекстуальность* в 1967 году ввела в научный обиход Ю. Кристева, которая понимает под ним наличие между текстами связей, благодаря которым они могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга: «Любой текст строится как мозаика цитаций,

---

¹ Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры (Динамические процессы в языке и стиле журналистики): специальность 10.01.10 "Журналистика": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сметанина Светлана Ивановна. – Санкт-Петербург, 2002. – 378 с.

любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [Кристева 2000: 429]. Появление нового текста в теории интертекстуальности рассматривается как реакция на уже созданные тексты.

Ю.М. Лотман, следуя представлениям об интертексте М.М. Бахтина, пишет: «Кроме коммуникативной функции текст выполняет и *смыслообразующую*, выступая в данном случае не в качестве пассивной упаковки заранее данного смысла, а как *генератор смыслов*, т.е. *текст в контексте, текст во взаимодействии с другими текстами* и семиотической средой» [Лотман 1992: 144–147]. Кроме того, интертекстуальность предполагает, что «смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе <...> и ставит во главу угла *семантические трансформации*, подчинённые некоему единому смысловому заданию» [Смирнов 1995].

Вопросам интертекстуальности и прецедентности в художественном дискурсе в конце XX – начале XXI века были посвящены многочисленные работы отечественных исследователей, в частности Н.А. Кузьминой (1999, 2004), Н.А. Фатеевой (1997, 2000), М. Эпштейном (2000). Однако эта проблема не утрачивает актуальности и сегодня: всё чаще появляются работы, посвящённые этому вопросу (см., например, Волкова 2019, Еременко 2012, Кремнева 2019, Любимцева-Наталуха 2020, Повалко 2022 и др.).

Понятие интертекстуальности стало доминантной составляющей поэтики постмодернизма, появление которого в русской литературной традиции принято относить концу 60-х годов XX века, а утверждение в качестве литературного направления – к периоду 70-х–90-х годов XX века. Появились даже термины *цитатная литература*, *цитатное мышление*. Интертекстуальные связи, служащие созданию новых смыслов, устанавливаются не только посредством точных и видоизменённых цитат, но и через использование прецедентных феноменов. Отметим, что основной

функцией прецедентных феноменов является именно *смыслопорождающая*: усиление «смысловой насыщенности текста, вхождение в общий контекст соответствующей культуры» [Валгина 2003: 103], способность текста к «приращению смысла и генерирование новых смыслов» через взаимодействие с другими смысловыми системами [Строева 2017: 62].

Современный литературный процесс характеризуется «актуализацией» в нём русской классической литературы. Современные писатели обращаются к творчеству классиков русской литературы, так как многие мотивы и образы их творчества стали литературными «архетипами», а сами произведения являются неизменным атрибутом читательского тезауруса любого культурного и образованного человека. Приведём некоторые примеры:

- Л.Н. Толстой и его произведения находят отражение в романах «Г» В. Пелевина, «Голубое сало» В. Сорокина;
- В. Шекспир – «Гамлет. Нулевое действие» Л. Петрушевской, «Гамлет. Версия» Б. Акунина;
- Н.В. Гоголь – «Брат Чичиков» Н. Садур, «Мертвые уши» О. Богаева, «Гоголиана» В. Отрошенко, «Мой милый Плюшкин» В. Ольшанского, «Коробочка» Н. Коляды»;
- А.П. Чехов – «Человек в углу» В. Пьецуха, «Дама с собаками» Л. Петрушевской.

В. Ерофеев в своих произведениях зачастую апеллирует к именам и высказываниям из произведений Пушкина, Гоголя, Горького, Тургенева, Булгакова, Шекспира, Байрона; в повести «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких многочисленные отсылки к русскому фольклору (леший, кикимора и др.) и иностранным фольклорно-литературным персонажам (Василиск, Сатир, Беовульф, тролль и др.).

Писатель и его произведение становятся ядром «сверхтекста», порождая различные смыслы в произведениях рубежа XX–XXI столетий. Переосмысливается не только концепция претекстов, в них присутствует так называемая *креативная рецепция* (термин Е. Абрамовских) – свободная

трансформация текста с перенесением на него своей картины мира, «пересоздание» в новый собственный текст [Ильясова 2020]. Вопросу «креативной» рецепции классических текстов посвящен ряд современных литературоведческих исследований: «Чеховский интертекст» исследовала Е.В. Михина (2008), «Тургеневский интертекст» – Ю.А. Гимранова (2018) и т.д.

«Толстого надо читать периодически, Достоевского – когда прижмёт, Гоголя – всё время», – заметил русский писатель, литературовед и журналист Александр Генис. Однако для современной культуры именно Ф.М. Достоевский, ставший символом национальной культуры и одним из самых узнаваемых «брендов» русской литературы, – самая востребованная фигура. Изучение апелляции современных писателей к различным аспектам наследия Ф.М. Достоевского находится в фокусе современных исследований [см. например, работы Боярских 2008, Ильясова 2020, Кибальник 2013, 2018, Михновец 2007, Повалко 2021, 2022, Трунин 2008 и др.].

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что писатели-постмодернисты, стремясь избавиться от штампов и клише в восприятии творчества Ф.М. Достоевского, осуществляют **деканонизацию** классических образов, подвергают их новым интерпретациям (Д. Галковский «Бесконечный тупик», А. Зиновьев роман «Глобальный человек», О. Павлов «Конец века», Ю. Буйда «Жёлтый дом», Ю. Мамлеев «Мир и хохот») [см., например, Повалко 2021].

За основу рецепции творчества Ф.М. Достоевского современные писатели берут узнаваемые цитаты и образы («Голова Гоголя» А. Королёва), сюжетную линию («Обращение в слух» А. Понизовского,); имеет место в массовой культуре и открытая игра с фабулой произведения («Ф.М.» Б. Акунина), деконструкция художественной модели (роман В. Ерофеева «Страшный суд»), ироническое и гротескное перекодирование образов (романы В. Пелевина), целенаправленный интертекстуальный творческий диалог с писателем (роман З. Зиника «Встреча с оригиналом») и т.д.

Постмодернизм зачастую определяют не только как метод художественного творчества, но и более широко – как *тип мышления* и познания, свойственный современному обществу [Анненкова 2006, Сквородников 2004].

Следует отметить, что в постмодернизме наиболее ярко проявился такой тип рецепции, как *письмо-чтение* (по Ю. Кристевой), или *цитатное письмо* (по С.И. Сметаниной): современные писатели во многом отражают в своих произведениях культурный тезаурус. Ярким примером может служить рассказ Татьяны Толстой «Сюжет», в котором культура и литература предшествующих поколений образуют многослойную структуру. В рассказе есть фрагмент, описывающий предсмертный бред А.С. Пушкина – своеобразная фантазия автора о том, что было бы, если бы Пушкин выжил после ранения на дуэли:

Пушкину грезятся огни, стрельба, крики, Полтавский бой, ущелья Кавказа, поросшие мелким и жестким кустарником, один в вышине, топот медных копыт, карла в красном колпаке, Грибоедовская телега, ему мерещится прохлада пятигорских журчащих вод – кто-то положил остужающую руку на горячий лоб – Даль? – Даль. Даль заволакивает дымом, кто-то падает, подстреленный, на лужайке, среди кавказских кустиков, мушмулы и каперсов; это он сам, убит, – к чему теперь рыданья, пустых похвал ненужный хор? – шотландская луна льет печальный свет на печальные поляны, поросшие развесистой клюквой и могучей, до небес, морошкой; прекрасная калмычка, неистово, туберкулезно кашляя, – тварь дрожащая или право имеет? – переламывает над его головой зеленую палочку – гражданская казнь; что ты шьешь, калмычка? – Портка. – Кому? – Себя. Еще ты дремлешь, друг прелестный? Не спи, вставай, кудрявая! Бессмысленный и беспощадный мужичок, наклонившись, что-то делает с железом, и свеча, при которой Пушкин, трепеща и проклиная, с отвращением читает полную обмана жизнь свою, колеблется на ветру. Собаки рвут младенца, и мальчики кровавые в глазах. Расстрелять, – тихо

и убежденно говорит он, – ибо я перестал слышать музыку, румынский оркестр и песни Грузии печальной, и мне на плечи кидается анчар, но не волк я по крови своей: и в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть. Встал, жену убил, сонных зарубил своих малюток. Гул затих, я вышел на подмости, я вышел рано, до звезды, был, да весь вышел, из дому вышел человек с дубинкой и мешком. Пушкин выходит из дома босиком, под мышкой сапоги, в сапогах дневники. Так души смотрят с высоты на ими сброшенное тело. Дневник писателя. Записки сумасшедшего. Записки из Мертвого дома. Ученые записки Географического общества. Я синим пламенем пройду в душе народа, я красным пламенем пройду по городам. Рыбки плавают в кармане, впереди неясен путь. Что ты там строишь, кому? Это, барин, дом казенный, Александровский централ. И музыка, музыка, музыка влетается в пенье мое. И назовет меня всяк сущий в ней язык. Еду ли ночью по улице темной, то в кибитке, то в карете, то в вагоне из-под устриц, ich sterbe, – не тот это город, и полночь не та. Много разбойники пролили крови честных христиан! Конь, голубчик, послушай меня... Р, О, С, – нет, я букв не различаю... И понял вдруг, что я в аду².

Фрагмент этот примечателен тем, что представляет собой «интертекстуальное полотно», практически полностью составленное из прецедентных текстов – «мозаики» литературных фактов, аллюзий, реминисценций, цитат, в том числе трансформированных, из произведений русской литературы XIX – XX веков:

- А.С. Пушкин («Полтава», «Кавказ», «Медный всадник», «Евгений Онегин», «Мороз и солнце», «Капитанская дочка», «Борис Годунов»),
- М.Ю. Лермонтов («Смерть поэта», «Мцыри»),
- Ф.М. Достоевский («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Записки из Мёртвого дома», «Дневник писателя»),
- Л.Н. Толстой («Анна Каренина»),

² Т. Толстая «Сюжет». Режим доступа: <https://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/suzhet.html>

- Б.Л. Пастернак («Гамлет»),
- Н.В. Гоголь («Записки сумасшедшего»),

а также отсылки к произведениям В.В. Набокова, Н.А. Некрасова, О.Э. Мандельштама, И.А. Бунина, Д. Хармса, Ф.И. Тютчева, В. Ходасевича, В.Я. Брюсова, М. Волошина и к фактам биографии А.П. Чехова, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А. Блока.

Интертекстуальность, созданная как теория на базе художественной литературы, в настоящее время рассматривается и как свойство *медиапространства*. Это явление использования «готовых, интеллектуально-эмоциональных блоков» (термин Ю.Н. Караулова) только усилилось в связи с цифровизацией.

Обращение к прецедентным текстам в современном медиапространстве не только широко распространено и даже «модно», но и уже превратилось в своего рода штамп, клише. Всё это позволило И.В. Анненковой назвать современный период «эпохой интерпретации готового слова» [Анненкова 2012]. Эстетика постмодернизма обусловила интерес к интертекстуальности как к универсальному способу формирования реальности, в том числе медиареальности: игра с прецедентными текстами обеспечила возможность бесконечной интерпретации событий (явлений, ситуаций, процессов) реальной действительности [Выровцева, Щеглова 2021: 33]. Очевидно, что в процессе такой массовой эксплуатации прецедентных знаков происходит *десакрализация* их культурных и идеологических смыслов – искажение, размывание, и не только в случаях той или иной его трансформации, но и при использовании в канонической форме.

Художественный текст отражается в медиапространстве в виде прецедентных культурных знаков. Общим свойством интертекстуальности и в художественном, и в медийном тексте является её способность выступать в качестве не только стилистического приёма, но и, как было отмечено нами ранее, текстообразующего средства. Однако если в художественном тексте важную роль играет эстетическая функция, то в медиатексте особую

значимость приобретают экспрессивная и оценочная функции используемого прецедента.

Интерпретируя современные реалии, журналист использует разнообразные прецедентные феномены, восходящие к художественной литературе, языку, кинематографу, истории, политике и т.д. С.И. Сметанина, детально исследуя особенности медиатекста в системе культуры, активное использование интертекстуальных элементов в текстах СМИ объясняет потенциальной возможностью таких единиц интеллектуализировать изложение, формировать новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст [Сметанина 2002: 123].

Для современных медиа характерна активная апелляция к знакам высокой культуры, в частности цитатам, образам, ситуациям из русской классической литературы. Это объясняется особенностями русского, литературоцентричного, национального сознания, в котором русская литература, прежде всего XIX века, является «ценностью, которая не подвергается сомнению» [Kuzmina, Remchukova 2020]. В научном сообществе появляется всё больше работ, посвящённых вопросам интертекстуальности и прецедентности в современных медиа. Отметим, что большое количество исследований посвящается прецедентным феноменам со сферой-источником «литература» [см. работы Будаев 2020, 2021, Выровцева 2019, Наумова 2017, 2019, Нахимова 2017 и др.].

Обратим внимание на то, что среди самых цитируемых авторов в медиакоммуникации, так же, как и в современной художественной литературе, – А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский – писатели, которые определяют мировой уровень русской литературы. Их произведения сохраняют связь с той духовной традицией, которая составляет ценностное ядро российской культуры, они «канонизированы нашим культурным сознанием» [Волгин 2019: 642] и участвуют в формировании национальной картины мира и лингвокультурного тезауруса. Кроме того, высокую степень цитируемости этих авторов можно

объяснить тем, что их произведения включены в обязательную школьную программу, являются хрестоматийными, следовательно, обладают наибольшей когнитивной и коммуникативной значимостью.

Рассмотрим некоторые примеры апелляции современных медиа к творчеству русских классиков. Обратим внимание на то, что интертекстуальные элементы могут находиться как в самом тексте публикации, так и в заголовках (классификацию видов и жанров масс-медиа в аспекте функционирования прецедентных знаков см. в параграфе 1.3).

1) А.С. Пушкин

Главной проблемой для Киркорова стала Россия, ее тяжкая многопудовая ментальность, любовь российской публики, которая бессмысленна и беспощадна, как напор быка на арене корриды [Новости, 2007.05.03]; *Иначе, если относиться к министерству, как к золотой рыбке, рано или поздно окажешься у разбитого корыта*», – заключила Любимова [penta.ru, 2019.03.12];

2) Н.В. Гоголь

<...> под видом журналиста ему удалось бесплатно прилететь с Дальнего Востока в столицу, поселиться в одной из московских гостиниц и вести тут вполне светскую жизнь. Подробности походов юного Хлестакова выяснила «Лента. ру» [lenta.ru, 2016.10.20]; *Зюганов призвал КПРФ к ротации кадров и искоренении «мёртвых душ»* [Коммерсант, 2019.10.19]; *Пушков иронично отметил, что «если бы не СССР, украинский спутник долетел бы разве что до хутора близ Диканьки»*, а также назвал заявление Зеленского «апофеозом провинциального мышления» [lenta.ru, 2019.11.09];

3) М.Е. Салтыков-Щедрин

«Фердыщенко́вская» инициатива Общественной палаты [Известия, 2013.03.07];

4) А.П. Чехов

Сам себя называет «человек – **вишнёвый сад**», потому что очень любит Чехова и «проповедует» его образ мысли своим многочисленным гостям [Павел Орлов. Хоббит с Ярославки // lenta.ru, 2017.08.27]; Почему многие госслужащие зачастую безынициативны и действуют по принципу **«как бы чего не вышло»**? [ЯндексДзен, канал «Экономическая газета», 29 декабря 2019]; **Все мы забытые фирсы**, однако мы сами себя забыли и заперли в обветшалой усадьбе [«Русский журнал», 2010];

5) Ф.М. Достоевский

Георгию Тараторкину не надоело **убивать старушек** [Комсомольская правда, 2008.10.14];

Это то, что Достоевский гениально предусмотрел в «Записках из подполья», но ведь записки из подполья сейчас залили своим зловонием весь мир. Если человек признается читателю в том, что у него зубы болят, или в каком-то постыдном поступке, каждый сейчас заголяется, это даже не записки из подполья, это бобок [Борис Любимов. Три главные темы в жизни – Церковь, литература и театр (2015)];

В зарубежных СМИ часто проскакивают новости об униженных и оскорблённых пользователях: то им постер к фильму показался расистским, то в рекламу туфель вкралась дискриминация женщин [lenta.ru, 2018.02.20].

В медиатекстах используются не только единичные прецедентные знаки, но и «прецедентные комплексы» – элементы с отсылкой к нескольким источникам: *«Российский слуга – в лучшем случае беззаветный до самозабвения Савельич, философствующий мизантроп Осип, а чаще – обломовский Захар или Фирс, которого забыли»* [Известия, 2007.11.13]; *«“Герои” нашего времени! Ксения Собчак: Извилистые изгибы «Большого пути» девицы Ксюши – “Собчачье сердце”! Портрет звезды политического театра!»*³.

³ <https://monomah.org/archives/32030>, 07.07.2021

Как видим из приведённых примеров, прецедентные феномены часто используются в медиа в трансформированном виде и выполняют функцию оценки социально-экономических и политических событий (трансформации и функции прецедентных феноменов будут проанализированы во второй и третьей главах настоящего диссертационного исследования).

1.3. Виды и жанры современных профессиональных и социальных медиа в аспекте функционирования прецедентных феноменов

1.3.1. Особенности современных медиатекстов и научного подхода к их описанию

Настоящее исследование проводится в рамках возникшего на рубеже XX–XXI веков направления в изучении функционирования языка современных медиа – **медиалингвистики** (термин Т.Г. Добросклонской), которая рассматривается прежде всего как научная дисциплина, изучающая «функционирование языка в медиа через анализ эффективной речевой деятельности субъекта» [Дускаева 2018: 49].

На сегодняшний день наблюдается терминологическая неоднородность коммуникативного пространства «медийности»: термины *медиапространство, медиакультура, массовая коммуникация, медиакоммуникация, медиаисследования, язык СМИ, массово-информационный дискурс, дискурс массмедиа, массмедиаальный дискурс, медийный дискурс, медиадискурс, средства массовой информации, средства массовой коммуникации, медиасреда* и др. в медиалингвистических исследованиях часто используются как синонимичные. Для нашего исследования все эти термины являются релевантными, однако для устранения «хаотичности» в употреблении терминов и для большей чёткости и упорядоченности изложения материала в качестве основных мы будем использовать следующие понятия:

- *медиа́текст*⁴ как основная единица членения медиапотока, границы которого позволяют объединить такие разноплановые и многоуровневые жанры, как газетная статья, радиопередача, телевизионные новости, Интернет-реклама и прочие виды текстов СМИ;
- *медиа* / *масс-медиа* как совокупность «традиционных» и «новых» СМИ;
- *медиапространство* как среда, в которой существует совокупность медиатекстов в широком их понимании, пронизывающая все сферы человеческой деятельности, соответственно, позволяющая анализировать социальные медиа, рекламу, брендинг.

Для нашего исследования важно отметить, что в контексте деления культуры на высокую («элитарную») и «массовую» (тиражированную) вслед за специалистами мы считаем медиа частью *массовой культуры* (Д. Белл, Н.Б. Кириллова, Д. Макдональд, Б. Розенберг, Ж. Фридман и др.).

В отечественной лингвистической науке изучением публицистического стиля и языка СМИ, послуживших фундаментом для становления медиалингвистики, занимались Н.С. Валгина, А.А. Леонтьев, С.И. Бернштейн, Д.Н. Шмелёв, В.Г. Костомаров и др.; значительный вклад в становление и развитие теории медиатекста и медиадискурса внесли такие учёные, как М.Р. Желтухина, Я.Н. Засурский, М. Казак, О.В. Красноярова, Г.Я. Солганик и др. [Желтухина 2004, Засурский 2013, Казак 2012, Красноярова 2015, Солганик 2012, 2016].

Как нам представляется, необходимо подчеркнуть ту особую роль, которую сыграли в становлении нового направления в изучении медиа XXI

---

⁴ Термин *медиа́текст* используется как гипероним ряда предшествующих терминов: *массово-коммуникативный текст*, *массмедийный текст*, *журналистский текст*, *публицистический текст*, *газетный текст*, *телетекст*, *рекламный текст*, *PR-текст*, *Интернет-текст* и т.д.

века поистине новаторские работы Н.С. Валгиной⁵ и В.Г. Костомарова⁶ конца 90-ых – начала 20-ых годов, утверждавших более широкий взгляд на понятие нормы в медиаречи, обративших внимание на сущностные изменения жанровых и стилистических характеристик прежнего газетно-публицистического стиля и по сути утвердивших «вербальную свободу» уже сложившегося на тот момент медиадискурса как основной части медиакommunikации.

Изучая функционирование языка в медиа – своеобразие грамматики медиаречи, стилистику медиатекстов, коммуникативно-речевую оценку медиаречи, синтагматику медиатекстов – через анализ эффективной речевой деятельности субъекта, продолжают активно работать в рамках данного направления И.В. Анненкова (2011, 2018, 2019, 2022), Е.Л. Вартанова (2019, 2022), Т.Г. Добросклонская (2008, 2020), Л.Р. Дускаева (2018, 2019, 2021), М.В. Иванова (2018, 2019, 2021), Н.И. Клушина (2018, 2020), Л.Б. Темникова (2016, 2022), Т.В. Шмелёва (2016, 2018, 2019, 2021).

Медиа – это не только средство для передачи информации, но и среда, в которой «производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [Кириллова 2006: 22]. По мнению ряда исследователей, медиатекст не обязательно обладает смысловой завершённостью, представляя собой структуру, открытую для многочисленных интерпретаций, определённую совокупность фраз бесконечных гипертекстов, где всё является ссылкой друг на друга и бесконечным цитированием [Артамонова, Кузнецов 2003: 110]. Открытость медиатекста соотносится с интертекстуальностью как базовой категорией культуры, о которой мы писали выше (*см. параграфы 1.1–1.2*).

Анализ современной медиасферы в таких её разновидностях, как *общественно-политические, культурно-просветительские и деловые СМИ*, представляет современный взгляд на медиатекст как на «метатекст» [Дускаева

---

⁵ См работы: Активные процессы в современном русском языке (2003), Функциональные стили русского языка (2011) и др.

⁶ См. работы: Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики (2005); Язык текущего момента. Понятие правильности (2014); Рассуждение о формах текста в общении (2014) и др.

2019], функция которого состоит в реализации речевого взаимодействия автора текста и читателя. Каждый медиатекст адресован определённой целевой аудитории, объединённой общими (в той или иной степени) возрастными, гендерными, социальными, конфессиональными, мировоззренческими, вкусовыми и прочими характеристиками. По определению Ю.М. Лотмана, «текст как бы включает в себя образ “своей” аудитории, а аудитория – “своего” текста» [Лотман 2000: 203].

Специфику современного медиатекста составляют образы *автора* и *адресата* как главных субъектов медиакommunikации. Справедливым представляется утверждение исследователей об увеличении доли субъективности в современных медиа: зачастую «читатель получает не объективную информацию, а оценочную реакцию журналиста на произошедшее» [Клушина 2008: 50]. Это замечание чрезвычайно важно для нашего исследования, т.к. прецедентные культурные знаки часто используются в медиатексте как средство оценки социально значимых событий, то есть являются важной частью этого диалога. В связи с этим большая часть нашего материала представлена текстами из общественно-политических изданий, что можно объяснить высокой степенью их оценочности.

Как показывает анализ нашего материала, прецеденты из литературных источников представлены в разных печатных изданиях не в равной мере, что, обусловлено, вероятнее всего, их адресованностью, т.е. направленностью на определённую категорию читательской аудитории. Наиболее востребованы прецедентные знаки (особенно в заголовочной позиции) в современных «качественных» информационно-аналитических изданиях, адресованных преимущественно образованному читателю, обладающему определённым уровнем лингвистической компетенции, способному адекватно воспринять информацию и понять те коннотации, которыми автор дополняет содержание статьи (например, журналы «Итоги», «Форбс», газеты «Коммерсант», «Независимая газета» и др.).

Безусловно, прецедентные знаки высокой культуры широко представлены и в текстах культурно-просветительских медиа, которые являются важной частью прецедентного мира (см. об этом далее в параграфе 1.4). Однако в нашей работе такие медиатексты не являются объектом анализа, поскольку они связаны с интердискурсивностью, т.е. «оформлением» текста средствами другого вида искусства, и требуют изучения в рамках отдельного исследования.

1.3.2. Особенности жанровой классификации медиа и её противоречия

Существуют различные классификации медиатекстов, в основу которых положены разные параметры⁷ (см. работы: Добросклонская 2008, Негрышев 2009, Солганик 2005 и др.). Отметим, что на сегодняшний день по вполне объективной причине не существует новой, универсальной классификации медиажанров, поскольку, на наш взгляд, ввиду разнородности и многообразия форм существования современных медиатекстов, она будет предполагать противоречивость. Мы не ставим своей целью подробное освещение данных типологий, остановимся только на функционально-жанровом типе медиатекстов⁸, поскольку именно жанр является «важным регулятором воплощения замысла автора <...> и восприятия произведения» [Майданова, Калганова 2006: 13].

В российской медиакommunikации выделяют три «канонизированные» группы жанров «традиционных» медиатекстов – *информационные* (заметка, репортаж, отчет, интервью), *аналитические* (комментарий, статья, рецензия) и *художественно-публицистические* (очерк, фельетон, памфлет); также добавляют специфические рекламные и пиар-жанры.

При этом сегодня усиливается связанная с увеличением информативности текста тенденция к *эволюции жанровой системы*, которую

---

⁷ Например, способ производства текста; форма создания текста; форма воспроизведения; канал распространения; институциональный тип текста; код (язык); адресант; адресат; тематическая доминанта текста или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику; воздействие на аудиторию и др.

⁸ См., например, работы: Выровцева 2015, Темникова 2016, Тертычный 2000, Тырыгина 2007 и другие.

отмечали ещё в начале века исследователи [Сметанина 2002: 8.; Солганик 2002].

Состояние жанровой системы современных медиа характеризуется «явлением» трансформации, которое учёные называют «*интерференцией жанров*» [Негрышев 2014], «*смешением жанров*» [Лазутина 2011], «*уплотнением жанров*» [Шмелёва 2018], «*жанровой диффузией*, синтезом жанров, размытостью жанровых границ, возникновением новых жанров, уходом на периферию или практическим исчезновением некоторых жанров, в частности художественно-публицистических» [Малышева 2014].

На нестабильность, подвижность и неопределённость границ медиажанров, на их «мигрирование» из одной сферы деятельности в другую и трансформацию в новые медиажанры («дискуссия в студии» или «политическое интервью») ссылаются и зарубежные лингвисты [Montgomery 2007: 25–26].

Обобщая сказанное, отметим следующие признаки жанров в современных медиа:

- смешение и трансформация жанров;
- появление новых форм подачи материала;
- преобладание информационно-аналитических жанров;
- относительно небольшое количество художественно-публицистических жанров;
- распространённость жанров, позволяющих выражать авторскую позицию.

Как отмечает Кройчик Л.Е., некоторые жанры – интервью, репортаж – стали выполнять «синкретичную» функцию, т.е. перестали восприниматься только как информационные или аналитические. Очерк, фельетон становятся менее популярными жанрами; интервью, комментарий – наоборот, усилили свои позиции. Последние часто содержат прецедентные культурные знаки со сферой-источником «русская литература», которые выступают в качестве аргументов. Например, известный российский актёр Александр Михайлов,

рассказывая о сыне, произнёс фразу: *«Вот он и подсел. Вернулся он из армии, а я смотрю: он все смеется, смеется, смеется. Раз, другой, третий – тут я и понял. Даже разговаривать с ним не стал. Я ему так влупил! В челюсть дал. Он потом пришел в себя, подбородок трет: «Это кто меня так? Ты?» А я ему говорю: «Тараса Бульбу» читал? Вот тогда на всю жизнь и запомни: **я тебя породил, я тебя и убью!**»*. В газете «Мир новостей» фрагмент этого интервью был озаглавлен так: *«Александр Михайлов: “Сына предупредил: я тебя породил, я тебя и убью!”»*⁹.

Владимир Жириновский, лидер ЛДПР, в своей речи на Госсовете по культуре и искусству (24.12.2014) обращается к прецедентам русской классики: *«Ну сколько можно? Или классика, или иностранщина. Возьмите того же Гоголя, “Мёртвые души”. У нас, что, **Чичикова** нет сегодня? Который скупает не мёртвые души крепостных, а акции обанкротившихся предприятий, которых уже нет, под эти акции получает кредит, а потом покупает валюту и выводит в офшоры. <...> Кто такой **Молчалин**? **Чиновник**. Почему Софья выбирает между умным Чацким и дураком Молчалиным? Потому что у него постоянная зарплата, он чиновник, он коррупционер. Покажите это! Чтоб было понятно, что и сегодня у нас **кому-то горе от ума**». <...> Почему Достоевский стал великим писателем? **10 лет каторги. Какой вывод я делаю? Надо сажать»**».*

Возникшая на российском медиарынке конкуренция за различные сегменты аудитории вызвала дифференциацию изданий¹⁰: типологические (качественные, массовые, бульварные); идеологические (нейтральные, левоориентированные, правоориентированные), стилевые (традиционные – бульварные) [Казак 2012: 36–37]. Эти издания отличаются друг от друга как когнитивными установками адресантов, так и способностями их восприятия

⁹ <https://mirnov.ru/otkroveniya-zvezd/aleksandr-mihailov-syna-predupredil-ja-tebja-porodil-ja-tebja-i-ubyu.html>, 26 марта 2015

¹⁰ Также выделяют дискурс «качественной прессы»; дискурс популярной прессы (жёлтой прессы и глянцевого журналов); дискурс специализированных изданий (научные и научно-популярные журналы) [Темникова 2016]

целевой аудиторией, а следовательно, и различными способами передачи информации в самом тексте, в числе которых можно назвать и прецедентные феномены.

Например, публикация в газете «Культура», посвящённая выставке «*Нас мало, нас может быть трое*» Музея Маяковского в «Домике Чехова» на Малой Дмитровке, имеет заголовок «*Трое в рифму, не считая Марины*».

Выставка посвящена взаимоотношениям четырёх поэтов – *Маяковского, Пастернака, Цветаевой и Асеева*. И название выставки, и заголовок имеют прецедентный характер: заголовок публикации представляет собой трансформированное название повести Джерома К. Джерома «*Трое в лодке, не считая собаки*» (трансформация представлена лексической заменой компонентов высказывания при сохранении синтаксической структуры прецедента¹¹). Подзаголовок статьи сообщает о выставке, в название которой вынесена строка из стихотворения Б. Пастернака: «*Нас, может быть, трое*¹² / *Донецких, горячих и адских. / Под серой бегущей корою ...*»¹³, где под «тройкой» поэт подразумевал В. Маяковского, Н. Асеева и себя.

«Независимая газета» в разделе «Культура» опубликовала статью, заголовок которой представляет собой контаминацию названий романа Г.Г. Маркеса и И.С. Тургенева – «*Сто лет одиночества в дворянском гнезде*»¹⁴. Подобные номинации представляют собой *комбинированный прецедентный знак*, так как содержат прецеденты из двух сфер-источников.

В современном медиатексте наблюдается тенденция к усилению личностного начала, «персонификации» (Л.Е. Кройчик), во всех жанрах, включая заметку, новость в интернет-изданиях, блоги. Влияние эстетики постмодернизма прослеживается в следующих признаках: размывание границ

¹¹ Типизированная трансформация (по модели фразеосхем «Трое в *Adv*, не считая *Obj*): см., например, «*Трое в баре, не считая Серёжи*» («Петербургский театральный журнал»), «*Трое на льдине, не считая собак*» («Комсомольская правда»), «*Трое в лодке, не считая Европы*» («Военно-промышленный курьер»), «*Трое в море, не считая путёвок*» («Живой журнал») и т.д.

¹² В данном случае наблюдается усечение прецедентного высказывания с изменением модальности.

¹³ <https://portal-kultura.ru/articles/muzei/111857-troe-v-rifmu-ne-schitaya-mariny/>, 04.08.2015

¹⁴ https://www.ng.ru/culture/2021-01-14/7_8057_culture.html, 14.01.2021

между массовым и элитарным, профанным и сакральным, творческим и бытовым, подмена реально существующей картины жизни виртуальной реальностью, мозаичность композиции, ирония, интертекстуальность, языковая игра как популярный способ диалога с аудиторией.

Как результат – появление большого количества гибридных форм, основанных на смешении элементов, характерных черт разных видов публикаций (например, фельетоны-памфлеты М. Соколова, Дм. Быкова). В этой ситуации возрастает значение «игровой интерпретации действительности», при которой не исключена и игра с жанровыми формами» [Анненкова 2011: 112].

1.3.3. Прецедентный культурный знак как поликодовый медиазнак

Как мы отмечали ранее, интертекстуальность является специфическим свойством медиатекста как текста открытого типа, в котором цитатный материал предстает в двух видах: 1) ссылки на мнения экспертов, цитаты, повышающие достоверность текста¹⁵, и 2) цитаты, обладающие лингвокультурологической ценностью и формирующие образ, эмоционально-экспрессивную оценку, – *прецедентный текст, прецедентный феномен, интертекстема, культурный знак, логоэпистема, текстовые реминисценции, аллюзии, речевые клише* и др. (см. работы Д.Б. Гудкова, В.Г. Костомарова, Г.Г. Слышкина, С.И. Сметаниной и др.). В исследовании используются термины *прецедентный культурный знак*, или *прецедентный знак высокой культуры, прецедентный феномен* (разновидностью которого являются *прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя и прецедентная ситуация*, также входящие в наш терминологический аппарат).

Приведём пример из интервью писателя, телеведущего Юрия Вяземского: «*Ошибкой же будет попытка, как говорил Маяковский, “подсадить на пьедестал” Достоевского, объявив его неким образцом*

¹⁵ Именно эти цитаты и ссылки формируют в информационных и аналитических журналистских материалах описательный слой текста, предьявляя «чужое» слово, т.е. мнение и позицию своего современника, в виде прямой или трансформированной цитаты.

православного художника. Во-первых, потому что он ни в каком пьедестале не нуждается, так как сам себе создал *“памятник нерукотворный”*». В первом случае представлено цитирование, что подтверждается вводной конструкцией *как говорил Маяковский*, вторая цитация – собственно прецедентный культурный знак.

Современные традиционные печатные медиатексты могут включать не только вербальную составляющую, но и визуальную: графическое, шрифтовое, цветное оформление, т.е. могут являться *мультимодальными* (Н.В. Чичерина), *креолизованными* (Н.С. Валгина), *поликодовыми* (В.Е. Чернявская). Взаимосвязь вербального и невербального кодов способствует целостному воздействию на адресата.

Так, в аналитического типа газете «Коммерсант» размещена статья *«Архипелаг кулак»*¹⁶, заголовок которой представляет собой трансформированный¹⁷ прецедентный знак – название произведения А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Статья посвящена рассказу о жизни людей, переживших Великую Отечественную войну и блокаду, а также событиям и реформам политических деятелей, отражающим современную социально-экономическую ситуацию в стране. Текст публикации также содержит многочисленные прецедентные знаки, необходимые в том числе для выражения авторской оценки. Например: *«Добро, разумеется, должно быть с кулаками. В том дореволюционном смысле слова, что должны быть кулаки и у них должно же быть по определению добро»* (о раскулачивании – очевидна игра с омонимией слов *кулак* и *добро*); *«Наша цель – кузькина мать»* (известная фраза Никиты Хрущёва).

Важным средством смыслообразования, а также оценки, в том числе иронической, служит поликодовый характер публикации: в тексте фотографии политиков со сжатыми кулаками сопровождаются трансформированными литературными прецедентными знаками: *«Кулак в России больше чем кулак»*

¹⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/487628>, 05.07.2004

¹⁷ Лексическая субституция на основе фонетического сближения лексем *«ГУЛАГ – кулак»*.

(изменённая строка стихотворения Евгения Евтушенко: «Поэт в России – больше, чем поэт»), «*Иванушка-кулачок*» (трансформированный антропоним, персонаж русских волшебных сказок Иванушка-дурачок – о бывшем кандидате в президенты России Иване Рыбкине).

Приведём ещё один пример. Опубликованная в газете «Труд» статья посвящена попыткам жителей города решить вопросы через портал «Госуслуги». Заголовок статьи имеет прецедентный характер: «***Я вам пишу...*** / *Можно ли куда-нибудь достучаться, если написать на портал госуслуг?*» [«Труд», 20 ноября 2020]. Начало основного текста публикации содержит ещё один литературный прецедент: «*Попытки жаловаться через госуслуги сильно напоминают хрестоматийное письмо Ваньки “на деревню дедушке”*». Данная фраза размещена под иллюстрацией художника Р. Стоярова (1967) к рассказу А.П. Чехова «Ванька». Визуальная отсылка к прототексту (*визуализированная интертекстуальность, интериконичность*) выполняет иллюстративную функцию – усиливает эмоциональную составляющую медиатекста.

Профессиональные медиа сегодня составляют лишь часть цифрового медиaprостранства, включающего и социальные сети, и рекламу, и маркетинг – нейминг и брендинг – сферы, в которых хрестоматийные культурные знаки с источником «русская литература» проявляют высокую активность.

1.3.4. Профессиональные и социальные медиа

В последние десятилетия система медиа стала подразделяться на «традиционные» и «новые». В качестве составляющих понятия «новые медиа» исследователями используются термины «онлайн-медиа», «интернет-медиа», «социальные медиа», «цифровые медиа», «интернет-СМИ», «digital-среда» и др. Такое обсуждение характерно не только для отечественного теоретического дискурса [Ахренова 2022; Варганова 2019; Землянова 2012; Кирия, Новикова 2017], но и для зарубежного [Flew 2014; Fuchs 2017, Watson

2016]. В работе мы будем пользоваться термином «*социальные медиа*», включая в это понятие социальные сети, блоги и видеохостинги.

Типологию «новых» медиа можно представить следующим образом:

- эквивалентные копии традиционных СМИ или их электронные версии;
- модифицированные онлайн-версии традиционных СМИ, которые возникли на почве своих офлайн-прототипов, но не копируют их, а проводят собственную информационную политику, имеют собственную схему вещания, соответствующую выбранному каналу;
- медиапроекты, не имеющие офлайновых прототипов (М.М. Лукина).

Обобщив теоретические наработки современных исследователей (см. работы А.А. Тертычного, Г.Н. Трофимовой и др.), можем констатировать, что в цифровом сегменте жанры медиа делятся на две категории: а) традиционные жанры (пришедшие из периодической печати, сохранившие основные жанровые признаки, но при этом зачастую подвергшиеся некой трансформации); б) новые жанры, образовавшиеся в период появления мультимедийных площадок и в процессе культурной конвергенции, когда стираются различия между аудиовизуальными и печатными СМИ, массовой и высокой культурой.

Специфическими для социальных медиа жанрами можно признать объединенные комической направленностью, связанные со словесной культурой поликодовые тексты, такие, как *демотиваторы*, *интернет-мемы* литературной и общекультурной тематики и др. [см. об этом: Щурина 2014; Солдаткина 2017]. Для нашего исследования этот жанр представляется важным, поскольку мемы являются особой разновидностью прецедентных феноменов и в них очень часто тиражируются прецедентные культурные знаки как актуальная реакция на ситуацию, отражение возникающих в обществе различных мнений по поводу острых социальных, политических и экономических проблем.

Однако несмотря на высокую активность текстов мультимодального характера в медиaprостранстве, в рамках данного исследования основное

внимание мы уделяем анализу «мономедийных текстовых жанров» (в терминологии А.А. Тертычного) и вербальной составляющей мультимодальных медиатекстов, в том числе медиамемов¹⁸ (безусловно, в её взаимосвязи с невербальными элементами, поскольку в меме «иллюстрация становится элементом текстообразования») [Вешнякова 2016: 35].

Наши наблюдения показывают, что наиболее популярными функционально-жанровыми типами социальных медиа, которые апеллируют к сфере русской литературы, являются новости, комментарий, тематическая статья и реклама (анализ примеров будет представлен в следующих главах исследования).

Возможность участия пользователей в любом этапе массово-коммуникативного процесса и специфика самой среды социальных сетей приводят к трансформации традиционных журналистских жанров в нестандартные формы их реализации, к возникновению новых жанров, текстов, связанных с *некритической рецепцией художественных произведений и интерпретацией их другими видами искусств и сетевым сообществом*, т.е. к расширению возможностей такого явления, как *творческая рефлексия*, которая проявляется, например, в жанре читательского отклика, комментария [Касперова 2018: 63]. Сразу отметим, что, хотя рецензии на театральные постановки, художественные фильмы и другие события в культурной жизни общества играют важную роль в соцсетях, профессиональная критика не является предметом детального анализа в данной работе. Нас интересует рецепция творчества Достоевского пользователями социальных медиа (за пределами литературной критики).

Несмотря на то, что не все учёные рассматривают интернет-комментарий как отдельный жанр, нам представляется важным определить его статус как самостоятельного жанра, поскольку он характеризуется чрезвычайной активностью в медийном пространстве, является средством

---

¹⁸ Некоторые примеры анализа мультимодальных медиатекстов всё же будут приведены в следующих параграфах.

выражения эмоциональности и открытой или скрытой оценочности [Кузьмина 2011б], диалогичности, а также зачастую содержит элементы прецедентности [Касперова 2019], что и является предметом данного исследования.

Примером могут служить отзывы пользователей (*не профессиональная критика*) о произведениях, театральных постановках, размещаемые на соответствующих сетевых ресурсах, например, комментарий-отзыв о спектакле «Умная дурочка» (пьеса Лопе де Веги) в постановке Тульского театра драмы им. Горького¹⁹:

*Надоели эти “новаторы”. Ведь были режиссеры! Куда же они делись?! Остались одни серебрянниковы. И невдомек им что, люди хотят видеть не результаты их больного воображения. Не дань моде. А мода пошла из Москвы, где бегают голые **Онегины и Татьяны**, ругаются матом, костюмы собранные по помойкам. Фу!!!!!!²⁰.*

Объектом анализа могут быть также содержащие художественные компоненты тексты новых медиа – *видеоблоги, видеоканалы, публицистические сетевые колонки, рецензии и обзоры от блогеров, журналистов, деятелей культуры*, в которых отсылка происходит не к конкретному тексту, а к некоторым моделям, по которым построен текст. Следует заметить, что такое интердискурсивное взаимодействие часто является «механизмом пародирования» [Чернявская 2009: 212], которое можно обнаружить как в традиционных печатных медиа, так и текстах с аудио- и видеоконтентом.

Последнее положение связано и с появлением в отечественном литературоведении на рубеже нового века термина «**медиасловесность**», под которым понимается «совокупность медиатекстов – обладающих художественной ценностью произведений, сохраняемых с помощью современных носителей информации <...>, не только в виде вербального текста, но в единстве конституирующих художественное и смысловое целое

¹⁹ <https://www.afisha.ru/performance/206396/>, 9 февраля 2019

²⁰ Медиатексты здесь и далее приводятся в авторской редакции – орфография и пунктуация сохранены.

аудиовизуальных компонентов (каналов коммуникации), характерных для устной речи» [Левина 2006: 6–7]. Интересной в этом отношении представляется пьеса российского поэта, сатирика, автора и исполнителя песен Тимура Шаова под названием «*О чём молчал Герасим... (МУ-МУзикл)*». Произведение насыщено прецедентными знаками (имена, высказывания и ситуации), отсылающими к сферам русской и зарубежной литературы, живописи, театра и кинематографа, представляющими собой средство выражения иронии и оценки политико-экономической ситуации в стране.

По зрелищу хорошему скучая,

Искусства театрального взыскую,

Смотрел я гамлетов, макбетов, прочих чаек –

Что о театре вам сказать могу я?

<...>

А сценография пусть будет лапидарной,

Концептуальной, в стиле «Черного квадрата»:

Стоят ворота, а на них замок амбарный,

Как аллегория – мол, свободы нет, ребята.

<...>

Кто там сказал:

«Вре́мён распалась связь»?

А чёрта с два!

Начнем же, помолясь²¹.

В нашем исследовании важную роль играет прецедентный культурный знак в заголовке как «особом жанре публицистической речи» [Костомаров 1965: 163], поскольку заголовок является сильной позицией текста. В позиции заголовка прецедентные культурные знаки как «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки» (по Ю.Н. Караулову) часто выступают как стилистически маркированные языковые единицы, выполняющие

²¹ <https://www.shaov.net/accords/acrd-Igraem-Turgeneva.shtml>

воздействующую функцию²². Отметим, что именно в позиции заголовка прецедентны с источником «русская литература» встречаются наиболее часто.

В качестве прецедентов авторами публикаций используются разные виды прецедентных феноменов, нередко выступающих в своей исходной форме. Например, в «Живом журнале» опубликована статья об обвинениях со стороны Англии России в отравлении Скрипаля²³. В качестве заголовка автор использовал фразу из романа «Преступление и наказание»: *Вы и убили-с...* Кроме того, подзаголовок статьи содержит диалог Раскольникова с Порфирием Петровичем, который и произнёс вынесенное в заголовок выражение²⁴.

Наиболее часто в медиаизданиях используются трансформированные²⁵ прецеденты, среди которых встречаются все типы прецедентных феноменов. Например, название статьи «*Старуха Извергиль*²⁶: бывшая балерина описывала расчленения на трёх языках» включает трансформированное имя персонажа одноимённого рассказа М. Горького. В основу трансформации положен механизм паронимической аттракции лексем *Извергиль* – *Извергиль*, что вследствие совмещения разных значений создаёт смысловую двумерность антропонима: *изверг* – ‘жестокий человек, мучитель’ [БТС 2000: 377]. Такая «ложная этимология» имени оправдывается содержанием публикации: в статье речь идёт о серии преступлений, которые, предположительно, совершила «обычная петербургская старушка» [«Новости Севастополя», 29 июля 2015]. Отметим, что подобная трансформация придаёт прецедентному

²² Подробно о функциях прецедентных знаков и о заголовках медиатекстов см. в параграфах 2.3 – 2.5.

²³ <https://elhombresombro.livejournal.com/2365385.html>, 13.03.2018

²⁴ – Так... кто же... убил?.. – спросил он, не выдержав, задышающимся голосом. Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, точно уж так неожиданно и он был изумлен вопросом.

– Как кто убил?.. – переговорил он, точно не веря ушам своим, – да *вы* убили, Родион Романыч! **Вы и убили-с** ... – прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом [Достоевский 2016: 394]

²⁵ Типы трансформаций см. в третьей главе.

²⁶ Отметим, что подобные трансформации не единичны, а активно используются медийным пространством: «*Старуха Извергиль* / Бабка Зина обмывала Пасху парной детской кровью. <...> Этот день пришелся на Страстную пятницу, когда распяли Христа» [<https://www.mk.ru/old/article/2002/01/27/171750-staruha-izvergил.html>]

имени возможность аксиологического суждения и номинативная единица становится мотивирующей базой для образования оценочного деривата.

Обобщая изложенное, отметим, что в рамках данного исследования мы придерживаемся деления медиасферы на «традиционные» и «новые» (социальные) медиа. Основное внимание мы уделяем использованию прецедентных культурных знаков со сферой-источником «*русская литература: “Достоевский”*» в таких жанрах, как новости, интервью, статья, комментарий, особенно в позиции заголовка как сильной позиции текста; также обратим внимание на анализ отдельных медиатекстов в жанре рецензии и интернет-мема. Кроме того, далее будут проанализированы особенности употребления прецедентных феноменов в определённом жанре медиатекста в зависимости от типа издания – качественная, аналитическая пресса или массовая, «жёлтая» пресса.

1.4. «Прецедентный мир»: творчество Ф.М. Достоевского в аспекте современной массовой культуры

Термины **знак высокой культуры, прецедентный феномен** выступают как родовые по отношению к терминам *прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный топоним, прецедентный жанр, прецедентный образ* и другие [Балашова 2008; Березович 2002; Гудков 2003; Красных 1998; Костомаров 2012; Слышкин 2004; Чумаков-Жунь 2005]. В последние годы появляются работы, в которых всё многообразие проявлений прецедентности в массовой культуре определяется термином «прецедентный мир»²⁷ как «совокупность прецедентных феноменов, объединённых между собой как одна большая сфера-источник для неограниченного количества сфер-мишеней» [Кабанков 2017: 39]. Сфера-источник представляет собой собственно прецедентный культурный знак или их совокупность, а сфера-мишень – «неограниченное и постоянно

²⁷ См. подробнее о «прецедентном мире» в работах [Данилина 2015; Лавриненко 2008; Морозова 2010; Сидорова 2012].

пополняющееся количество контекстов-интерпретантов: тексты, иницирующие сетевое общение, – блоги, посты, демотиваторы, gif-иллюстрации и т.д., и различного рода комментарии к ним» [там же, с. 56].

Основой для выделения *прецедентного мира*²⁸ может являться:

- отдельное художественное произведение,
- сфера искусства (литература, кино), политика,
- историческая эпоха или событие, например Великая Отечественная война [Лавриненко 2008],
- выдающаяся личность, «создающая вокруг себя целый мир прецедентных имён, высказываний, текстов и ситуаций» [Нахимова 2018: 42] (см., например, о Р.Р. Толкине [Сидорова 2012], Д. Брауне [Морозова 2010], В.С. Высоцком [Кабанков 2017]). Продолжая список приведенных выше терминов, эту личность можно назвать *прецедентной личностью* [Черноморец 2010].

Под *прецедентным миром Достоевского* мы понимаем совокупность прецедентных культурных знаков, связанных между собой через личность писателя, художественное произведение, его персонажей и цитат и функционирующих в медиапространстве в широком его понимании.

Основой, ядром прецедентного мира, которое и будет являться предметом нашего рассмотрения в данной работе, мы считаем прецедентные имена, высказывания, ситуации, апеллирующие к биографии и творчеству Достоевского, являющиеся частью массовой культуры представителей русского лингвокультурного сообщества и активно функционирующие в традиционных и социальных медиа, где благодаря контекстуальной обусловленности обретают новый смысл.

Например, прецедентное высказывание «*“Тварь я дрожащая, или?” – или как не стать Наполеоном*» – название передачи цикла «Человек разумный» на «Радио Мария», в которой психолог Евгений Крашенинников

---

²⁸ См. подробнее об этом в работах Л.В. Балашова, В.В. Красных, Г.Г. Слышкина.

размышляет на тему стремления к превосходству и комплекса неполноценности, уничижения и гордыни, подвергается не только структурной трансформации (во второй части), но и, сохраняя общую отнесенность к «наполеоновской теории», семантическому переосмыслению. Заголовок «*Тварь я дрожащая или право имею?*», на первый взгляд, представленный в каноническом виде, помещён в статье об *авторском* праве – в данном случае содержание статьи актуализирует новый смысл выражения, чему способствует многозначность слова *право*.

Фраза *тварь дрожащая* является чрезвычайно распространённой в компьютерных играх: «*Не тварь дрожащая, а право имеет. Игры про убийц*»; «*Тварь я дрожащая или право имею*» – название видеоигры в жанре «иммерсив-сим», в котором игрок в симулированном мире может выполнять задания по своему желанию, – пользователь поясняет, что персонаж «*хоть и не берётся делить людей, как Раскольников, у него всё же есть возможность решать, кому жить, кому остаться лишь в памяти, а кого стереть с лица земли навсегда*».

Как мы уже упоминали, апелляция к творчеству и фактам биографии Ф.М. Достоевского особенно часто появляется в произведениях современных авторов, публикующихся в социальных медиа и существующих в качестве шутки, анекдота. Например, опубликованное на портале «Стихи.ру» стихотворение Валерия Шума «Аэропорт Достоевского»²⁹:

В любом из мужиков живёт

Игрок, Подросток, Идиот;

Порой к финалу пьесы

*Вселяются и **Бесы**.*

В музыкальной сфере также частотны случаи использования прецедентных знаков с источником «Достоевский»: отметим не только тексты песен, но и названия музыкальных групп, исполнителей – *рэпер* «*Соня*

²⁹ <https://stihi.ru/2019/01/11/8229>, 2019

Мармеладова», украинская *рок-группа «Братья Карамазовы»*, *оркестр экстремальной рок музыки «Достоевский Идиотъ»* (трансформация-«гибрид» по модели *фамилия писателя + название произведения*). Это свидетельствует о том, что Достоевский в моде, в тренде, в массовой поп-культуре, в разных видах современного искусства, для которого игровой перформанс является «визитной карточкой».

В структуру прецедентного мира включается также рецепция Ф.М. Достоевского в разных видах искусства – кино, театре, живописи, музыке, в которых апелляция к имени Достоевского чрезвычайно частотна. При этом осмысление прецедентности находит своё отражение как в новых произведениях искусства, так и в интерпретациях, пародиях и т.д. Нередко прецедентные знаки демонстрируют системную взаимосвязь: в текстах-«реципиентах» могут упоминаться персонаж литературного произведения, связанная с ним прецедентная ситуация, произнесённое им высказывание, а также прецедентный топоним. Например, музыкант, лидер группы «Ленинград» Сергей Шнуров в своём Instagram-аккаунте в октябре 2020 года опубликовал стихотворение, поводом для написания которого послужила новость об убийстве с расчленением женщины в Санкт-Петербурге. Так, город и события, которые в нём происходят, – убийства, символическим обобщением которых становится преступление, совершённое Раскольниковым в романе, становятся объектом иронии:

Слышишь, Родя топорик свой точит?

Ветер свищет, как будто январь,

Как покойницы, бледные ночи.

Тварь дрожащая или не тварь?

И шатается стоя прохожий,

Как повешенный здесь декабрист.

Ветер лезет под самую кожу,

Город призраков, город убийств.

В медиа появились посвящённые этому стихотворению многочисленные публикации, в заголовках которых внимание было акцентировано на метафорическом образе Петербурга («*Шнуров написал стихотворение про “город убийств” Санкт-Петербурга*»³⁰) или на прецедентной ситуации («*Слышишь, Родя топорик свой точит?*»: Шнуров написал стихи про расчленёнку в Петербурге [интернет-версия радио «Комсомольская правда», 26 октября 2020]). В результате этих игровых трансформаций «Петербург Достоевского» превращается в «город убийств», а само убийство – в «расчленёнку» (то есть актуализируется способ убийства), синоним, скорее оценочного характера, трансформирующий прецедентную ситуацию в необходимом автору направлении (см. аналогично – фрагмент интервью Э. Лимонова, в котором Петербург как прецедентный топоним является средством актуализации фоновых знаний о прецедентном имени или прецедентной ситуации: «*Лимонов: Петербург для меня город, где молодые люди сражаются со старухами*»).

Исследователи подчёркивают, что современные театральные постановки вовлечены в непрерывный процесс осмысления текста в культуре, при этом распространённым явлением можно назвать свободное обращение режиссёра с классическим произведением, смещение фокуса внимания на процесс переосмысления чужих сюжетов и образов [Отева 2020], и даже радикальные режиссёрские эксперименты, разрушающие привычные границы интерпретации литературы XIX в., включаются в бесконечный диалогический процесс [Stam, 2000: 62–65], процесс «канонизации классического текста, подтверждая его способность к бесконечному порождению смыслов» [Муренина, 2017: 17]. Отметим, что именно бесконечное порождение смыслов и является основополагающим фактором развития прецедентного мира.

Спектакли как художественные произведения другого вида искусства вступают в диалог не только с традицией осмысления романа в культуре, но и

---

³⁰ <https://press.lv/post/shnurov-napisal-stihotvorenje-pro-gorod-ubijstv-sankt-peterburg>, 26.10.2020

с набором общеизвестных представлений о нём из школьного курса литературы. Так, например, в спектакле «Преступление и наказание» К. Богомолова в театре «Приют комедианта» при дословном воспроизведении актёрами фрагментов текста романа изменение интонации приводит к разрушению привычных смыслов. В интерпретации режиссёра Мармеладов – «бесстыдник, буквально совпадающий с уничижительной самохарактеристикой своего романного прототипа, но при этом контекст смирения и покаяния сменяется насмешкой и циничным упоением собственной низостью» [Отева 2020: 81].

В прецедентный мир Достоевского, безусловно, входит рецепция в современных театральных постановках, которые благодаря режиссёрскому замыслу задают новый вектор осмысления в семантико-аксиологическом отношении. Даже названия постановок говорят о новом прочтении классического текста, что приводит к бесконечному множеству трактовок и возможности обсуждения и комментирования в медиасреде: спектакль «Убивец» в театре «У Никитских ворот»; «*P.P.P.*» (театр имени Моссовета); «*Настя Ф.*» театра «Точка» (спектакль-притча в 13 сценах по роману Ф.М. Достоевского «Идиот» и пьесе А. Вайды «Настасья Филипповна»); рок-опера «*КарамазоВЫ*» (РАМТ); «*Шатов. Кириллов. Пётр*» (РАМТ); «*Смердяков*»; «*Брат Иван Фёдорович*»; «*Карамазовы и ад*»; «*Свидригайлов. Сны*»; «*Смешной человек*»; «*РаскольникOFF*»; «*Страсти по Фоме*», «*Опискин. Фома!*», «*Иван и Чёрт*», «*Фёдор и Аня*» и многие другие.

Подчеркнём, что в исследовании мы не подвергаем критическому осмыслению часть прецедентного мира, отражённую в театральных постановках и экранизациях. Мы будем анализировать только те контексты, в которых определённые события в культурной жизни послужили причиной активизации тех или иных прецедентных феноменов в медиатекстах-рецензиях: например, экранизация романа «Идиот» с Евгением Мироновым в

главной роли («Чтобы стать **“Идиотом”**, Миронов похудел на 10 кг»³¹; «Евгений Миронов – **“идиот”** нашего времени»³² и др.); постановка на сцене «Ленкома» спектакля «Князь» («Богомоллов решил стать **идиотом**»³³); показ сериала «Идиот» на телеканале «Россия» («**Идиот** в вашем доме»); желание актёра сыграть роль Раскольникова в новой экранизации романа («Вилле Хаанпасало мечтает зарубить старуху-процентщицу»).

Такие заголовки, как «Чёрный юмор Достоевского: в Сыктывкаре вместо старухи-процентщицы **“отрубили голову”** курице. / Студенты школы-студии МХАТ показали современную постановку “Преступления и наказания”» или «Не **топором** единым: в псковском театре дали по голове **Фоме Опискину**»³⁴ (о новом спектакле Псковского драматического театра) также представляют для нас интерес в связи с тем, что использование прецедента как средства иронии и гротеска приводит к разрушению высокого культурного канона в контексте абсурда, характерного для современной массовой культуры.

Поскольку пространство медиа является не единственной сферой функционирования культурных знаков, для объединения всех сфер с общим источником мы будем использовать также понятие **коммуникативного пространства**, в которое входят разные виды искусства и городская номинация.

Заголовок «Тварь я дрожащая или метро имею»³⁵ – статьи об открытии станции «Достоевская» московского метрополитена, для дизайна которой оформители выбрали из произведений писателя несколько особенно мрачных эпизодов) является примером, который показывает, что прецедентный культурный знак располагается сначала в коммуникативном пространстве, в частности пространстве города (Москвы), и только потом попадает в сферу

³¹ <https://www.kp.ru/daily/23027/3536/>

³² <https://www.dailyshow.ru/articles/2003-09-27/mironov/12825/>

³³ <https://news.rambler.ru/community/33358524-bogomolov-reshil-stat-idiotom/>, 15.04.2016

³⁴ <https://informpskov.ru/news/333247.html>, 05.09.2020

³⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/1391398>

медиа. Заголовок статьи отсылает не к тексту произведения писателя, а к объекту городской инфраструктуры. Трансформация (как и текст самой статьи) «указывает на критическое отношение автора статьи к выбору средств художественного оформления станции метро» [Kuzmina, Remchukova 2020: 177]: «С насильем, правда, все в порядке, **особенно повезло** пилону с “Преступлением и наказанием” – с одного края Раскольников, **прикончив валяющуюся тут же процентщицу**, замахивается топором на её сестру, а сразу за углом как-то **торжественно стреляется Свидригайлов**». Как мы видим, критический анализ воплощённого средствами живописи оформления станции метро переводит обсуждение в стилистически сниженный регистр, совмещающий иронию и гротеск.

Как показывает наш анализ, распространёнными являются контексты о «влиянии» творчества Ф.М. Достоевского на совершение преступлений:

«Начитавшись Достоевского, студентка зарубила двух старушек. / “Я хотела понять: тварь я дрожащая, или право имею”, – сказала юная жительница Новосибирска на допросе»³⁶. В данном случае мы видим взаимодействие реальной ситуации убийства и произнесённой на допросе фразы и отражение этого факта в медиазаголовке.

Кроме того, прецедентный оним *Раскольников* в медиапространстве традиционно связан с убийством: если в публикации речь идёт об убийстве (особенно пожилых женщин), то убийцу непременно наделяют именем Раскольниковова³⁷. Однако важно отметить, что данный прецедент находит отражение и в реальной действительности: серийная убийца Ирина Гайдамачук в криминальной хронике упоминает не иначе как «Раскольников в юбке» (*Раскольников в юбке: как Ирина Гайдамачук много лет вела охоту на старушек / Как мать двоих детей много лет развлекала себя убийствами пенсионерок*³⁸).

³⁶ <https://www.nsk.kp.ru/daily/24327/520407/>, 2 апреля 2018

³⁷ При этом написание прецедентного антропонима варьируется. См. об этом подробнее в параграфе 3.2.

³⁸ <https://anews.com/razvlechenija/116771558-raskolynikov-v-jubke-kak-irina-gajdamachuk-mnogo-let-vela-ohotu-na-starushek.html>, 13.09.2019

В последние годы отсылка к творчеству Ф.М. Достоевского стала очень популярной и в сфере городской номинации, и такая своеобразная «мода» часто приводит к нарушению этики. В Старой Руссе открыли бистро *«Родион Раскольников»*³⁹. На двери, как и на других элементах интерьера, изображён *топор* как неизменный атрибут персонажа романа. На двери туалета размещена табличка: у мальчика в руках топор, у девочки – вырезанный угол в голове. Совершенно очевидна отсылка к прецедентной ситуации из романа *«Преступление и наказание»*, однако вызывает сомнение этичность подобного невербального знака.

Аналогичная ситуация прослеживается с открытием в Красноярске бургерной *«МЯСОРООВ»*, ручки двери которой сделаны в виде топора. В меню присутствует бургер *«Родион Раскольников»*, который подают на стилизованном топоре. В медиапространстве факт открытия заведения нашёл отражение в виде различных заголовков, например, *«Съесть “Родиона Раскольникова”»: в меню сурового сибирского ресторана 12 видов брутальных бургеров»*⁴⁰, а в социальных сетях обсуждение приводит к появлению комментариев пользователей, *«подхватывающих»* игру с прецедентами: *«Мясо, надеюсь, не из **старухи-процентщицы**?) для столь аутентичного заведения все может быть. Приятного аппетита)))))»*.

Меню кафе и ресторанов представлено блюдами и напитками, названия которых содержат апелляцию к произведениям Ф.М. Достоевского: десерт *«Мечта Идиота»*, алкогольный напиток *«Преступление и наказание»* (ресторан *«Идиот»* в Санкт-Петербурге), уха *«по-смердяковски»*, *«Наливка по-версиловски»*, или *«Версиловка»*, десерт *«Гостинцы от Фёдора Михайловича»* (в рамках проекта *«Обед с Достоевским»*, разработанном городским центром туризма, Новгородским государственным объединённым музеем-заповедником и кафе *«Башня»*). Пивоварня *«КрафтИздат»* выпустила сорт

³⁹ <https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/rodion-raskolnikov-ugoschaet-burgerami-i-shavermoy-1829939/>, 31.08.2021

⁴⁰ <https://news.myseldon.com/ru/news/index/199254264>, 23.11.2018

пива под названием «ДостоЭЛЬский»⁴¹, образованном с помощью приёма *капитализации*, которая сопровождает контаминацию фамилии писателя и название традиционного английского вида пива «эль», что «обеспечивает реализацию коммуникативной и информативной функций» [Замалетдинова 2016: 136].

Одним из компонентов прецедентного мира Достоевского в социальных сетях стали «псевдопрецедентные» тексты⁴², авторство которых приписывают писателю, а также псевдоцитаты и «факты биографии», не имеющие к нему никакого отношения, но в той или иной степени соответствующие сложившемуся в массовом сознании мифу о Достоевском.

Так, например, в современных медиа, православных форумах и даже сборниках цитат Ф.М. Достоевского широко распространена фраза «*Русский человек без православия – дрянь, а не человек*» (в другом варианте – «*Русский без Бога – дрянь, а не человек*»), авторство которой приписывают Достоевскому. Однако эта фраза – ошибочная трактовка вольного переложения слов из письма русского славянофила К.С. Аксакова⁴³ к А.С. Хомякову (о чём пишет в своей работе Н. Бердяев, противопоставляя взгляды почвенника Достоевского, для которого ценность русского народа была безусловной, взглядам некоторых славянофилов, связывавших эту ценность лишь с Православием): «*Без православия наша народность – дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение*» [Бердяев 2016: 457–458]. Фраза, по мнению сообщества, соответствует эстетическим, морально-нравственным и философским взглядам писателя.

Ещё одна фраза, которую связывают непременно с именем Ф.М. Достоевского, получила широкое распространение в сети Интернет в конце 2021 года (фраза в качестве высказывания Достоевского

⁴¹ Отметим, что такое образование не является единичным случаем: пивоварня выпускает и другие сорта пива, названия которых построены по аналогичной модели («Дориан ГрЭЛЬ», «ГриПАедов», «ИПАвая Дама» и другие).

⁴² На «чужие» тексты как элемент прецедентного мира обратил внимание Кабанков А.И. (см. статью Дискурсивная эволюция прецедентного мира В. Высоцкого в новых медиа и «чужие» тексты // Коммуникативные исследования. 2017. № 3 (13). С. 80–88. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.80-88).

⁴³ По другим данным – А.И. Хомякова.

тиражировалась в группах, связанных с «антипрививочниками»): *«Толерантность достигнет такого уровня, что умным людям запретят думать, чтобы не оскорблять идиотов»*. В социальных сетях «ВКонтакте», Twitter, Facebook и других платформах публикации, содержащие данную цитату, получили огромную популярность.

Отметим, что нередко в социальных медиа разворачиваются дискуссии пользователей об авторстве той или иной цитаты (произведения). И здесь обнаруживаются как комментарии тех, кто принимает на веру утверждение об авторстве Достоевского, так и замечания тех, кто в нём сомневается. Особо стоит отметить случаи, когда комментарии находятся в плоскости моральных суждений (*«Достоевский фигни не скажет!»*) или соответствия/несоответствия эстетическому и языковому чувству (*«Осторожно мат, не похоже на Достоевского и вообще – эстетам не смотреть»*). См. аналогичный пример: на портале otvet.mail.ru в качестве ответа на опрос *«Спор: Кому принадлежат слова: “Если человек не пьёт и не курит, невольно задумываешься, а не сволочь ли он?” Достоевский?»* опубликован комментарий *«Чехов вроде. Да и не похоже на Достоевского, – тот редко прикалывается»*⁴⁴.

Однако помимо таких комментариев, встречаются и аналитического типа. Возвращаясь к фразе *«Толерантность достигнет такого уровня, что умным людям запретят думать, чтобы не оскорблять идиотов»*, отметим, что некоторые пользователи социальных сетей резко критикуют утверждение о её принадлежности перу Достоевского, мотивируя своё мнение тем, что слово «толерантность» появилось в русском языке позже. Согласно данным Национального корпуса русского языка, лексема толерантность впервые зафиксирована в 1869 году в труде Н.С. Лескова «Русские общественные заметки»; ещё одно вхождение зафиксировано годом позднее, в 1870 году, в его же романе «На ножах». Другие случаи употребления искомой единицы

⁴⁴ <https://otvet.mail.ru/question/66608669>

встречаются только после 1895 года, тогда как Достоевский умер ещё в 1881-м, а корпус литературы XIX века в полном объёме содержит художественную литературу, публицистику и частную переписку Достоевского. Однако в творческом наследии писателя, включая дневниковые записи и письма, искомую фразу нам обнаружить не удалось.

Псевдоцитаты встречаются не только в социальных медиа, но и в профессиональных, а также в речи известных личностей, политических деятелей. Так, Владимир Буковский, основатель диссидентского движения в СССР, в интервью «УкрИнформу» на вопрос журналистки о православии он произнёс: *«У нас в России отношение к религии сложное. Ещё Достоевский в “Дневнике писателя” рассуждает: “Вот говорят, что русские – народ-богоносец. Правда, они люди религиозные. Они прежде, чем тебя топором зарубить обязательно перекрестятся”.* Это – диагноз Достоевского, который прошёл каторгу. Он хорошо знает, о чём говорит. *Всё, что они взяли от православия – перекреститься перед тем, как зарубить тебя топором»*⁴⁵.

В этом фрагменте допущены сразу несколько фактологических ошибок⁴⁶: 1) фраза о народе-богоносце упоминается не в «Дневнике писателя», а в диалоге Шатова со Ставрогиным романа «Бесы»; 2) Достоевский никогда не писал ничего подобного, однако текст предоставлен как прямое цитирование слов писателя. И тем не менее, такой «подлог» привёл к тому, что в социальных медиа фраза *«они [русские] прежде, чем тебя топором зарубить обязательно перекрестятся»* стала активно распространяться и во многих случаях за авторством Достоевского. В некоторых контекстах фраза воспринимается не просто как ошибка цитирования, а приобретает характер крайне негативной оценки происходящих событий. Например, на портале politforums.net в одной из веток

⁴⁵ <http://www.ochevidets.ru/blog/56121/>

⁴⁶ На эти ошибки в своё время указал Сергей Рублёв, главный редактор сетевого издания «Фёдор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества».

обсуждаются социально-резонансные темы – проблемы внешней политики России, военной помощи в Сирии и т.д. На комментарий пользователя «*Мы полюбасу более духовнее своих северных небратьев*» следует ответ в виде демотиватора, на котором приведена фраза «*Всё, что русские взяли от православия – перекреститься перед тем, как зарубить тебя топором*» (Ф.М. Достоевский), а также изображён патриарх Кирилл со стилизованным окровавленным топором в руке⁴⁷.

Несмотря на то, что фраза не принадлежит Достоевскому, текст представляет собой некую морально-нравственную сентенцию, которая формально и содержательно встраивается в структуру коллективного медийного мифа о Достоевском, особенно если учесть отсылку к прецедентной ситуации из романа «Преступление и наказание».

Кроме псевдоцитирования следует отметить и такие случаи цитирования Достоевского или персонажей его произведений, когда достаточно трудно провести чёткую границу между неточным цитированием и трансформацией прецедента. Например, фраза «*Всегда есть добро со злом, а поле битвы – сердце человека*», произнесённая протоиереем Димитрием Смирновым в интервью информационно-аналитическому изданию «Русская планета», вынесена в заголовок статьи⁴⁸. На наш взгляд, в данном случае присутствует не трансформация, а неточное цитирование высказывания: «*Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей*» («*Братья Карамазовы*»).

Закреплённая в общественном сознании прочная ассоциативная связь *Достоевский – игрок* эксплуатируется в медиапространстве и в коммерческих, и в коммуникативных целях (и не противоречат друг другу). После того как в Барнауле на улице Чехова появилась высотка «Антон Павлович», редакция газеты *altapress.ru* решила «помочь строителям и

⁴⁷ https://www.politforums.net/internal/1531933934_7.html

⁴⁸ <https://pravoslavie.fm/interview/protoierey-dimitriy-smirnov-vsegda/>

предпринимателям подобрать стоящие варианты нейминга потенциальных объектов». В качестве вариантов предлагалось на улице Гоголя построить клинику пластической хирургии «Нос» и кафе украинской кухни «Тарас Бульба», на улице Пушкина – тир «Саша», бар крафтового пива «Белочка», центр планирования семейного бюджета «Скупой рыцарь», на проспекте Достоевского – клиника лечения алкогольной зависимости «Мармеладов» и т.д. Статья вышла с заголовком «*Крематорий “Мёртвые души” и казино “Идиот”*: что ещё стоит открыть на улицах Барнаула» [altapress.ru, 24.10.2016].

Важным для прецедентного мира представляется также взаимодействие прецедентных феноменов с теорией поликодовых текстов как «когерентного целого, состоящего из нескольких семиотических кодов» – вербальной и невербальной прецедентности в демотиваторах и интернет-мемах [Омельяненко, Ремчукова 2018: 73]. Появление подобного рода текстов в интернет-дискурсе обуславливается общими тенденциями интернет-коммуникации: сжатость текста, наличие возможности дальнейшего распространения понравившегося текста, цитаты, оценочность.

Мемы, являясь элементами молодёжной субкультуры, отражают специфический юмор, часто имея провокационный оттенок, что способствует реализации аттрактивной функции.

Помимо мемов, связанных с романами Достоевского, в соцсетях периодически появляются мемы как шуточная реакция на новости, где предметом обсуждения может стать любая реальная ситуация, в том числе – использование имени Ф.М. Достоевского для номинации городских объектов. Так, внимание к творчеству писателя обострилось в момент обсуждения присвоения аэропорту Пулково имени Достоевского. В блогах этот факт обсуждается в ироническом контексте: названия известных романов Ф.М. Достоевского используются как приём языковой игры. Помещения аэропорта дифференцируются по социальному признаку (общий зал «*Униженные и оскорблённые*» – бизнес-зал «*Бесы*») или

регламентирующему (отсек для опоздавших «*Идиот*» / зона досмотра «*Преступление и наказание*»). Такая языковая игра может быть оценена как не только остроумная, но и концептуальная: названия произведений используются как комическое средство социальной оценки, однако не нарушают этики использования знаков высокой культуры.

Игра с прецедентными знаками «подхватывается» подписчиками данного блога, и список прецедентных номинаций расширяется: капсульный отель называют «*Бобок*» и «*Как опасно предаваться честолюбивым снам*», парковку – «*Скверный анекдот*», паспортный контроль – «*Двойник*», пункт обмена валют – «*Алёна*», а «*Идиотом*» может быть названо не только кафе, но и красный таможенный коридор. При этом зелёный предназначен для «*Бедных людей*».

Подобные игры с названиями и персонажами литературных произведений достаточно распространены в блогосфере:

- *Аэропорт Пулково имени Достоевского. Добро пожаловать, в Петра творение, униженные и оскорбленные, бедные люди.*
- *Старушкам вход воспрещён! К каждому гейту – по Родиону с топором.*
- *Пулково переименовали в аэропорт им Фёдора Достоевского. Хочется теперь магниты с цитатами Достоевского на фоне аэропорта. “Страданием своим русский народ как бы наслаждается” или “Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданиями”.*
- *Идея с дополнительными названиями аэропортов и так была не айс... но “Международный аэропорт Пулково имени Фёдора Достоевского” – это будет самый полный финиш. Вэлком ту Тленинград⁴⁹.*

Прецедентный мир Достоевского – один из самых ярких и значимых среди прецедентных миров творческих личностей в современном медиадискурсе. Он воплощает и реализует основные тренды массового сознания и национального мировидения, факты биографии и психологические

⁴⁹ <https://paperpaper.ru/dobro-pozhalovat-unizhennye-i-oskorb/> 24.12.2018

черты его личности, которые также становятся предметом тиражирования в сниженных, комических и игровых, а иногда и в аналитических контекстах-интерпретациях. Приписывание писателю тех или иных текстов обусловлено, конечно, высокой степенью узнаваемости его имени, его нравственным авторитетом и гением.

ВЫВОДЫ

– прецедентность понимается как частное проявление интертекстуальности. Для художественных и медийных текстов характерна апелляция к знакам высокой культуры русской классической литературы, что можно объяснить литературоцентричностью русского национального сознания;

– функционирование прецедентных культурных знаков в художественном и медийном тексте имеет общие черты: массовая эксплуатация образов и сюжетов классической литературы приводит к их деканонизации, десакрализации культурных и идеологических смыслов; различие между ними обусловлено тем, что в художественном тексте главную роль играет эстетическая функция трансформации знаков высокой культуры, а в медиатексте особую значимость приобретают экспрессивная и оценочная функции, в то время как эстетическая является периферийной;

– функционирование прецедентных знаков в общественно-политических, культурно-просветительских и деловых СМИ имеет свои особенности. В «качественных» информационно-аналитических изданиях, адресованных образованному читателю, обладающему определённым уровнем лингвистической компетенции, наиболее востребованы прецеденты со сферой-источником «русская классическая литература»;

– современные медиатексты характеризуются смешением и трансформацией жанров, возникновением новых жанров, выполняющих «синкретичную» функцию, распространённостью жанров, позволяющих выражать авторскую позицию, важным средством проявления которой

является прецедентный знак; наиболее популярными жанрами медиа, которые апеллируют к сфере «*русская литература: “Достоевский”*», являются новости, интервью, комментарий, тематическая статья и реклама, а также такая разновидность медиа, как нейминг; важной формой реализации комической функции прецедентных знаков высокой культуры являются интернет-мемы и демотиваторы;

– прецеденты со сферой-источником «Достоевский» входят в сферу «прецедентного мира» как совокупность вербальных и невербальных культурных знаков, связанных между собой личностью писателя, – художественное произведение, его персонажи, цитаты, вступающие в ассоциативно-смысловое взаимодействие друг с другом и функционирующие не только в медиапространстве, но и в сферах нейминга и брендинга, а также в разных видах искусства.

ГЛАВА 2. ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

2.1. Отражение прецедентного мира Достоевского в Национальном корпусе русского языка

Для объективной оценки степени распространённости и активности рецепции творчества классиков русской литературы в современных профессиональных и социальных медиа мы пользуемся ресурсами Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Материалом для нашего исследования послужили данные газетного подкорпуса за 2000–2020 гг.⁵⁰, дополненные материалами корпуса региональной и зарубежной прессы, а также мультимедийного корпуса, поскольку в нём представлены тексты теле- и радиопублицистики. Проведённый анализ позволил определить объём и зафиксировать жанр, в котором представлены прецедентные феномены, а также выявить тематическую группу. Рассмотрим алгоритм поиска прецедентных знаков со сферой-источником «Достоевский» разного типа, обнаруженных в НКРЯ. Отметим, что алгоритм позволяет выявить особенности употребления как прецедентных имён, так и прецедентных высказываний. К прецедентным именам мы будем относить также *названия художественных произведений (хрматонимы)*.

2.1.1. Названия художественных произведений как прецедентный феномен

Проиллюстрируем возможности НКРЯ для поиска и анализа номинаций на примере названия романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые». Обратим внимание на то, что кроме газетного корпуса в ряде случаев мы пользовались данными мультимедийного корпуса, поскольку в нём могут быть представлены тексты телепублицистики, которые относятся к традиционным масс-медиа и могут содержать апелляции к текстам классической литературы.

---

⁵⁰ Газетный корпус СМИ 2000-х годов представлен текстами до 2020 года включительно.

Названия произведений, которые становятся прецедентными, не только употребляются в каноническом виде, но и часто подвергаются трансформациям разного рода. Такие трансформированные контексты можно обнаружить с помощью НКРЯ. Для получения контекстов с прямой номинацией достаточно ввести запрос «*унизить, partcp и оскорбить, partcp*», который в газетном корпусе даёт 311 документов, 332 вхождения (дополнительно – в региональном корпусе 8 вхождений, в мультимедийном – 3).

И так далее: чудаковатый лох, терпила-участковый, кавказец-страдалец и прочие униженные и оскорбленные, обидчики и обиженки – вся современная Россия в лицах [lenta.ru, 2019.03.21];

Как правило, через некоторое время после «баталии» выясняется, что «униженные и оскорбленные» сами были далеки от идеала, вели себя похамски и всячески попирали общественную мораль [lenta.ru, 2019.01.15];

Но прокурор Иван Минаев не сомневается: закон будет на стороне униженных и оскорбленных [«Липецкая газета» (Липецк), 2015.10.01];

[Андрей Сахаров, муж, 80, 1930, ученый] тем не менее/ всё-таки Россия к началу двадцатого века была страной достаточно нищей/ убогой/ и люди жили/ прямо скажем так/ плохо. И вот для этих людей/ как я их называю/ униженные и оскорбленные/ вот для этих людей/ конечно/ события семнадцатого года и последующее создание советской цивилизации – это было прорывом и прорывом достаточно серьёзным вот к тем идеалам/ к которым они стремились [Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)].

Если же необходимо получить список контекстов с трансформированным прецедентным именем, то можно воспользоваться несколькими **вариантами поиска**. Отметим, что для описания алгоритма поиска год создания медиатекста для нас не важен.

Лексическая субституция – для этого в строке поиска оставляем незаполненной позицию одной из словоформ:

(1) *Любимый режиссер ММКФ (был в Москве семь раз, взял четыре Гран-при) социалист Канэто Синдо ставил не только правильные социальные*

драмы об *униженных и угнетенных*, но и эстетские черно-белые кайданы [«Русский репортер», 2012];

(2) *Теперь никто не может сказать, что в мире нет справедливости и никогда обиженные и оскорбленные не придут к власти* [lenta.ru, 2017.01.20];

Расширение состава номинации – словоформы «унизить, *partcp*» и «оскорбить, *partcp*» дополняем ещё одной «*S(nom|gen|ins)*» (имя существительное в форме именительного, родительного или творительного падежа):

(1) *Впрочем, «отверженные, униженные и оскорбленные» картины (определение их же создателей) хотя и получили едва уловимое новое свойство созерцательности, но сохранили главное, чем отличается все творчество Виноградова – Дубосарского* [РБК Дейли, 2012.05.30];

(2) *Обвинения в том, что он лапал женщин без их разрешения, Трамп приписывает своей сопернице Хиллари Клинтон и масс-медиа, которые состоят в заговоре против него и готовят подтасованные выборы. Тем не менее, Глория Оллерд, адвокат «униженных и оскорбленных» женщин, заявила, что ожидает выступления других женщин, которых Трамп пытался уговорить на сожительство* [Московский комсомолец, 2016.10.26];

(3) *Группа униженных и оскорбленных речью фэшн-иконы в защиту секс-меньшинств в августе в СКК обещает принести на слушания видеозапись выступления* [Комсомольская правда, 2012.11.22].

Трансформации на грамматическом уровне – чтобы получить, например, контексты с анализируемой номинацией в форме единственного числа мужского или женского рода, дополняем наш запрос грамматическими признаками «унизить, *partcp & (m | f)*» и «оскорбить, *partcp & (m | f)*»:

Надо сказать, что в этот раз Александр Григорьевич отошел от имиджа «униженного и оскорбленного»: не было угроз и нападок ни в адрес Запада, ни в адрес России. Даже про местную оппозицию он высказался как-то вскользь [Московский комсомолец, 2016.04.21].

Комбинация нескольких типов трансформации, например, расширение состава номинации и изменение морфологических признаков по запросу трёх словоформ «унизить, *partcp & (m | f)*», «оскорбить, *partcp & (m | f)*» «*S & (nom | gen | acc | ins | loc)*» (см. Рисунок 1).

Лексико-грамматический поиск ?

Слово ? Грамм. признаки ?

Доп. признаки ?

Расстояние: от до

Слово ?

Доп. признаки ?

Расстояние: от до

Слово ? Грамм. признаки ?

Доп. признаки ?

Расстояние: от до

Слово ? Грамм. признаки ?

Доп. признаки ?

Рисунок 1

В результате такого запроса можно получить дополнительные КОНТЕКСТЫ:

(1) *Очевидно, что ваша героиня – униженная и оскорбленная страстотерница – образ России* [Новая газета, 2017.05.29];

(2) *Зато Трамп и его помощники верно угадали слабинку Хиллари в этих штатах и, игнорируя недоумение политических мудрецов (мол, там Трампу ловить нечего), всю агитировали униженный и оскорбленный рабочий класс, живущий в окружении заброшенных цехов с ржавеющим оборудованием* [Московский комсомолец, 2016.11.09];

(3) *Но как-то в моих кругах общения считалось, что как бы ни было тяжело, но опускаться до уровня приживальщика или униженного и оскорбленного властью – нет уж, увольте* [Известия, 2013.01.10].

Отметим также значимость такого параметра поиска, как *расстояние между словами*. По умолчанию установлено расстояние равное единице, т.е. расстояние между соседними словами. В таком случае среди полученных результатов поиска не обнаруживаются контексты с обратным порядком слов, а также контексты, в которых между искомыми единицами могут находиться одна и более словопозиций, что важно при поиске и анализе трансформированных сочетаний. Например, если «формулу» «*унизить, partcp & (m | f)*» и «*оскорбить, partcp & (m | f)*», которую мы анализировали выше, дополнить указанием расстояния между словоформами «от -1 до 1», то найдём дополнительные контексты:

Пока учитель чувствует себя оскорбленным и униженным, он – легкая мишень [Новая газета, 2018.11.16];

Пост сопровождается ироническим комментарием журналиста, передразнивающим возможный комментарий самого Ковтуна: «Я – дурачок, петрушка, задача которого быть униженным, оскорбленным, я – повод для шуток <...> [lenta.ru, 2018.02.21];

Вы такие униженные, оскорбленные, отовсюду изгнанные... Откуда же деньги на трехсоттысячный тираж ни от кого не зависимой газетенки «ПЛ»? [«Петербургский Час пик», 2003.09.17];

С чувством презрения я наблюдаю за потугами Всероссийской политической партии «Единая Россия» выставить себя защитницей «униженных, оскорбленных и обобранных» [«Советская Россия», 2003.02.15];

Униженная оскорбленными (подзаголовок статьи) [«Байкальские Вести», 2011.06.27];

Тут же приходит на память достоевское из «Униженных и оскорбленных» (а если говорить правду, то из кинофильма «Осенний

марафон»): «Да за кого ты себя считаешь, фря ты эдакая, облизына зеленая?» [«Волга», 2015].

2.1.2. Прецедентный антропоним

Отметив безусловные преимущества Национального корпуса русского языка для поиска исследовательского материала, остановимся на некоторых его особенностях, которые следует учитывать для получения объективных данных. Продемонстрируем это на примере прецедентного имени *Смердяков* из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Мы уже отмечали тот факт, что прецедентные имена являются одним из наиболее частотных типов прецедентных феноменов. Однако имена собственные часто относятся к числу относительно малочастотных слов, поэтому материалы газетного корпуса НКРЯ иногда не позволяют сделать достаточно обоснованные выводы. Прецедентный антропоним *Смердяков* находит отражение лишь в 27 документах, имеющих 36 вхождений. При этом бóльшая часть контекстов связана с кинофильмами и театральными постановками, рецензиями на них, что, как мы отмечали выше, не является предметом нашего анализа. Среди оставшихся контекстов находим случаи употребления антропонима *Смердяков* в качестве прецедентного, на что указывают следующие признаки:

- написание онима со строчной буквы: «*Георгиевская ленточка против ленточки белой, впрочем, неизвестно куда канувшей, война не на жизнь, а на смерть. Аргументы до боли известные, баварское, смердяков, маршалы-мясники – кажется, эта музыка будет вечной, и есть от чего впасть в отчаяние*» [lenta.ru, 2016.05.09];

- употребление антропонима в форме множественного числа: «*Смердяковы уверяют нас, что Запад нападает на Россию потому, что хочет помочь нашему развитию, а через оккупацию мы приобщались к высокой культуре*» [Комсомольская правда, 2014.01.30];

- использование имени собственного в необычном темпоральном контексте: «*Тип Смердякова, по мнению К. Фролова, до сих пор проявляет*

себя в поведении и позиции многих современных российских либералов» [Новый регион 2, 2007.05.31].

Очевидно, что количественно прецедентный антропоним в газетном корпусе представлен недостаточно. Это можно объяснить тем, что *корпус современной русской прессы* весьма ограничен по составу медиаизданий. В него входят «Газета.Ru», «Коммерсант», «Известия», «Комсомольская правда», «Lenta.ru», «Московский комсомолец», «Новая газета», «Новый регион 2», «РБК Daily», «РИА Новости», «Советский спорт», «Труд-7». (ruscorpora.ru, по состоянию на <30.11.2021>).

Рассмотрим несколько примеров, свидетельствующих о том, что использование данных интернет-архивов СМИ при анализе имен собственных позволяет проанализировать контексты, которые не представлены в Национальном корпусе. Показательно, что данные НКРЯ и материалы указанных интернет-архивов не вполне совпадают: многие словоупотребления, представленные в интернет-архивах, отсутствуют в Национальном корпусе. Это вполне закономерно, поскольку данные Национального корпуса и новостные ленты пополняются с разной скоростью, кроме того, интернет-архивы являются полными, а Национальный корпус – представительским, не обязательно отражающим полные тексты возможных источников. Например, «Живой журнал»⁵¹ представлен в НКРЯ («задать подкорпус» – «нехудожественные тексты» – сфера функционирования «электронная коммуникация» – тип текста «блог, форум»). В интернет-архиве «Живого журнала» зафиксированы многочисленные случаи употребления прецедентного антропонима *Смердяков*, при этом зачастую в трансформированном виде или в качестве производящей основы для образования дериватов, например:

– аффиксация, связанная с частеречными преобразованиями прецедентного антропонима: «*Однако народ, к которому притворно*

⁵¹ Представлены записи только за 2004 год, при этом корпус текстов – со снятой омонимией. (<https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?>)

апеллировали ура-патриоты, нередко вел себя вполне по-смердяковски»⁵².

Несмотря на то, что «Живой журнал» представлен в корпусе, поиск данного контекста в НКРЯ не обнаруживает результатов;

– окказионализмы, образованные по модели сложения основ: «*Смердяково-швондеры никогда не изменяли самим себе и не изменят и в будущем»⁵³.*

Эти и многие другие контексты отсутствуют в НКРЯ, что в свою очередь приводит к невозможности получить статистически достаточные и объективные данные для анализа активности и распространённости прецедентного антропонима в современных медиа. Кроме того, в НКРЯ приоритет отдаётся текстам, имеющим культурную значимость, что, с одной стороны, обеспечивает высокое качество отбора материала в соответствии с нормами современного русского литературного языка, а с другой – приводит к тому, что многие жанры представлены в корпусе недостаточно (в частности, жанры социальных медиа⁵⁴), соответственно – особенности употребления слов и конструкций, а также характер их трансформаций остаются без внимания.

Для того чтобы обнаружить дополнительные контексты употребления прецедентного антропонима *Смердяков* и сделать выводы о его количественной представленности в медиатекстах, о жанровой принадлежности этих текстов, о характере трансформации прецедентного имени (единичны они или представлены массово), обратимся к ресурсам ***Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ)***. Корпус включает в себя текстовые материалы из блогосферы, социальных сетей, крупнейших новостных ресурсов, а также из литературных журналов. В отличие от НКРЯ, в котором отбор и разметка текстов осуществляется вручную, ГИКРЯ создан при помощи полностью автоматической технологии сбора и разметки текстов из Интернета. Объём корпуса составляет более 20 миллиардов

⁵² <https://shiropaev.livejournal.com/141052.html>, 2012.10.25

⁵³ <https://garden-vlad.livejournal.com/762685.html>, 2014.09.22

⁵⁴ Среди нехудожественных текстов публицистические тексты занимают 67,3%, а электронная коммуникация – 1,9%. (<https://ruscorpora.ru/new/corpora-stat.html>)

словоупотреблений (для сравнения – объём НКРЯ составляет более 1 миллиарда словоупотреблений), из них около половины текстов приходится на социальную сеть «ВКонтакте», чуть меньше – на блог-платформу «Живой Журнал», оставшаяся часть текстов приходится на блоги@mail.ru и сегмент «Новости» [<http://www.webcorpora.ru/>].

Последнее упоминание прецедентного антропонима *Смердяков* в газетном корпусе приходится на 2016 год, при этом в состав корпуса включены издания до 2019 года включительно. Можно предположить, что в этот период в текстах СМИ были упоминания имени *Смердякова* в качестве прецедентного. Воспользовавшись ресурсами ГИКРЯ, находим подтверждение нашего предположения – полученные данные свидетельствуют об активности употребления прецедентного антропонима *Смердяков*:

1) морфологический признак – употребление прецедентного антропонима в форме множественного числа:

*Смердяковы наших дней / Российские либерал-литераторы поносят Россию в западных СМИ*⁵⁵; «*Наступление Смердяковых / За последние месяцы образ Смердякова поистрепали в описаниях современного «либерального» дискурса. <...> Смердяков в конечном счёте ненавидит весь мир*»⁵⁶;

*Смердяковщина: русофобия по-русски / Причин ненавидеть смердяковых (да, с маленькой буквы, ибо нарицательное уже имя) много. <...>. В-третьих, смердяковы всегда ничтожества. <...> Всё очень просто... по какой причине смердяковы так ненавидят родину, но, при этом, не очень торопятся её покинуть?*⁵⁷;

⁵⁵ www.stoletie.ru, 31.05.2018 – информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы

⁵⁶ <https://politconservatism.ru/prognosis/nastuplenie-smerdjakovykh>, 31.07.2015 – сайт консервативной политической мысли

⁵⁷ <https://dzen.ru/media/unpopularopinion/smerdiakovscina-rusofobiia-porusski-5e008961e6e8ef00b61fa251>, 29.12.2019 – Яндекс.Дзен, платформа для блогеров и медиа

2) **атрибутивный признак** – использование определений при прецедентном антропониме (например, прилагательного *современный* или прилагательных, отсылающих к другой стране), что позволяет провести аналогии и обладает прагматическим эффектом: «*Вперед, в позавчера! Зовут нас современные смердяковы и лоханкины*»⁵⁸; «*Британский Смердяков* [британский историк Орландо Файджес – примечание наше] *о русской культуре и русском народе / В последнее время в России всё чаще слышны голоса Смердяковых – лучше бы нас французы покорили, и были бы мы европейцами, пили бы бордо...*»⁵⁹;

3) **контекстуальный признак**: «*Выродок Смердяков, прототип и первородный эталон русского либерала, как центральная фигура археомодерна!*»⁶⁰;

4) **синтаксический признак** – неденотативное использование прецедентного антропонима в определенных синтаксических конструкциях, например в предложениях со структурой «*N (имя собственное) – это N (имя собственное)*» [Нахимова 2011: 65]. Так, в статье с заголовком «*Смердяков как герой нашего времени*»⁶¹, кроме указанных выше морфологического (*Смердяковы по-прежнему <...> ожесточённо русофобствуют и кликушествуют на русский народ и на Россию в целом*) и словообразовательного (*Смердяковщина, это особая разновидность шовинизма/русофобии*) критериев прецедентности, присутствует и синтаксический признак (в сочетании с темпоральным): «*Именно поэтому Кунгуров – это Смердяков нашего времени, который презирает и ненавидит русских людей, ненавидит всю Россию*».

⁵⁸ <https://www.kp.ru/daily/27120/4202630>, 21.04.2020

⁵⁹ <https://regnum.ru/news/2590443.html>, 13.03.2019 – ИА REGNUM, российское информационное агентство и интернет-издание

⁶⁰ <https://www.politforums.net/internal/1502950845.html>, 17.08.2017 – форум о политике и обществе

⁶¹ <https://maxpark.com/community/politic/content/6646019>, 10 февраля 2019 – российская социальная сеть с собственной блогосферой

5) деривационный признак – возможность образования от антропонима разнообразных производных, что актуализирует коннотативные признаки, например:

– суффиксальное образование абстрактного существительного *смердяковщина* со значением ‘негативные общественные явления, политические течения’ [Земская 2009: 64]: «*Смердяковщина* ваша – это тоже часть нашей многообразной русской культуры, даже отрицая её, вы продолжаете быть в её рамках – ох, грустная ж ирония»⁶²;

– окказиональное словообразование: «*Смердякоз / Диагноз. Это параноидальная aberrация сознания <...>. Идеей-фикс смердякоза является миф о том, что “Россия – европейская страна”*»⁶³; «*Вам просто хочется отдать русских детей иностранцам. То есть Вами движет русофобия. То есть Вам надо заняться самолечением от смердякоза*»⁶⁴. Окказионализм *смердякоз* образован от антропонима *Смердяков* при помощи суффикса -оз-, означающего ‘заболевания, связанные с тем, что названо мотивирующим словом (ср. *невроз, невроз, склероз* и т. п.)’ [Ефремова 2000]. Лексема *смердякоз* неоднократно упоминается в текстах профессиональных и социальных медиа, что свидетельствует о её закреплении не в качестве индивидуально-авторского образования, а в качестве слова с конкретным значением, распространённым в речевой практике.

Как показывает проведённый нами анализ, в современных медиатекстах прецедентный антропоним *Смердяков* обладает высокой степенью активности, зачастую подвергаясь при этом разным трансформациям, в процессе метафоризации подвержен десемантизации и становится своеобразным культурным стереотипом.

Проведённый анализ показал, что НКРЯ располагает большим количеством ресурсов для поиска исследовательского материала: жанровая

⁶² https://www.spletnik.ru/blogs/govoryat_chno/186811_10.03.2021 – специальным разделом сайта spletnik.ru являются блоги

⁶³ <https://www.apn.ru> – «Агентство политических новостей»

⁶⁴ <https://diary.ru/~NadiaYar/p184154821> – Diary.ru, одна из старейших российских блог-платформ

разметка текстов, поиск в определённом корпусе, статистика вхождений искомой единицы, поиск точных форм слова. Важным для обнаружения возможных трансформаций прецедентного имени или высказывания является лексико-грамматический поиск, снабжённый дополнительными грамматическими и семантическими признаками, расстоянием между словоформами, позволяющим обнаружить контексты с обратным порядком слов искомого сочетания, а также с трансформациями на синтаксическом уровне. Полезной представляется возможность задать дополнительные параметры текста, с помощью которых можно искать слова в определённой позиции предложения, что также позволяет обнаружить трансформации синтаксического характера. Таким образом, НКРЯ становится важным инструментом поиска прецедентных феноменов разного типа.

При этом важно отметить недостаточность ресурсов НКРЯ для проведения исследовательского анализа. Ограниченность изданий, входящих в корпус современных СМИ, а также недостаточность объёма текстов со снятой омонимией, недостаточность материалов социальных медиа, отсутствие текстов 2021–2022 годов не позволяют объективно проанализировать степень активности и распространённости прецедентных феноменов в медиатекстах. Известно, что, например, прецеденты с сферой-источником Ф.М. Достоевского широко используются для оценки острых актуальных социально-политических событий [Ремчукова, Кузьмина 2021]. Перечисленные выше ограничения ресурсов НКРЯ не позволяют в полной мере представить, как отреагировала сфера прецедентности на последние социально-политические события в стране (пандемию коронавируса и вакцинацию, поправки в Конституцию, выборы в Государственную думу).

2.2. Темы и образы произведений Достоевского как культурные знаки и сферы их функционирования в современном медиапространстве

По данным опроса книжных сервисов «Литрес» и MyBook, приуроченного к 200-летию со дня рождения писателя, самым популярным

произведением Достоевского назван роман «Преступление и наказание» (53% участников опроса). На втором месте – с результатом 43,8% – роман «Идиот». Замыкают тройку лидеров «Братья Карамазовы» – за них высказались 30,8% респондентов. Также в «топ-5» вошли «Бесы» с 20,6% голосов и «Униженные и оскорблённые» – 14,4%.⁶⁵

Самыми известными, по мнению многих опрошенных, персонажами оказались: князь Мышкин, Родион Раскольников, старуха-процентщица, Карамазовы, Соня Мармеладова, Ставрогин и Смердяков. Результаты опроса подтверждаются данными газетного корпуса НКРЯ и материалами ручной выборки, которые позволяют показать динамику употребления этих единиц с 2000 по 2020 годы и подтверждают их активное цитирование как в каноническом, так и в трансформированном виде.

Среди произведений Ф.М. Достоевского самым востребованным с точки зрения массового цитирования текстом-источником является роман «Преступление и наказание», занявший прочное место в «обыденном языковом сознании» русскоязычных, закончивших среднюю школу или хотя бы учившихся в ней: на первом месте (что вполне ожидаемо) – образ главного героя Родиона Раскольникова и широко известная фраза «*тварь ли я дрожащая или право имею*»⁶⁶. В роли самостоятельных прецедентных знаков, как правило, выступают словосочетание *тварь дрожащая* и предикативная единица *тварь я дрожащая или право имею...*

Среди прецедентных образов романа самыми цитируемыми, помимо Раскольникова, являются образы Сони Мармеладовой, Порфирия Петровича, Мармеладова, старухи-процентщицы Алёны Ивановны, за которыми в массовом сознании закрепляются устойчивые характеристики: Раскольников – убийца, Соня – кроткая девушка «с пониженной социальной

⁶⁵ <https://news.ru/culture/rossiyane-nazvali-lyubimogo-personazha-proizvedenij-dostoevskogo/> 11 ноября 2021

⁶⁶ Фраза вариативно употребляется в самом романе: «Велит Аллах, и повинуйся “дрожащая” тварь!» [Достоевский 2016: 236]; «Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!» [там же: 285]; «Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, *вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...*» [там же: 362]

ответственностью», проститутка; Порфирий – въедливый следователь, Мармеладов – горький пьяница, Алёна Ивановна – противная старуха и ростовщица:

<...> Денис Писчиков по кличке **Уральский Раскольников** <...> **убил 13** (по другим данным – 14) **пенсионеров ради совсем небольших сумм денег. Со всеми жертвами серийный убийца расправлялся одинаково – бил топором по голове** [lenta.ru, 26.05.2019]. Здесь стоит особо отметить, что в статье указана отсылка и к прецедентной ситуации романа-источника («бил топором, ударив по голове»).

“**Быстрые деньги**” в 6 раз **беспощаднее старухи-процентщицы Достоевского** [«Life», 18.06.2016];

Вспомним хотя бы роман Достоевского “Преступление и наказание”, где наравне с **убийцей Родионом Раскольниковым** описан **горький пьяница, философ алкоголя Мармеладов**. **Похороны пьянчуги**, который оставил семью без всяких средств к существованию толкают его дочь **Сонечку на панель**... [ria.ru 29.06.2006].

Обратим внимание на то, что в одном контексте предложено «толкование» нескольких персонажей романа: Раскольников – убийца, Сонечка – проститутка, а Мармеладов – пьяница, причём мотив пьянства варьируется в синонимическом ряду – *пьяница, пьянчуга, философ алкоголя*, в котором последнее определение очень точно отражает именно **философию пьянства** в монологах Мармеладова [Ремчукова, Кузьмина 2022].

Проанализированный нами материал показал, что в отношении романа высокая частотность употребления характерна для выражения *преступление и наказание*, являющегося названием произведения. Название романа и сам роман, особенно в статьях на литературные темы, оказываются в медиадискурсе своего рода «символом детективного жанра» [Боярских 2008: 118]. Однако при иной тематике публикации (например, спортивной, правовой и т. д.) прецедентное высказывание *преступление и наказание* становится автосемантическим и вербально репрезентирует ситуацию нарушения той или

иной общепринятой нормы с последующим наказанием: «*Россия и допинг: преступление и наказание*»⁶⁷.

Кроме широко известных прецедентов из романа «Преступление и наказание», в связи с охватившей мир пандемией коронавируса высокую частотность приобрёл такой культурный знак, как «сон Раскольникова», который многими медийными личностями⁶⁸ и обычными пользователями соцмедиа воспринимался как предсказание⁶⁹ Достоевского. Так, в статье «Живого журнала» «*Достоевский предсказал пандемию и зомби-апокалипсис*»⁷⁰ дословно приводится фрагмент описания последнего сна Раскольникова со вставками «автора» о том, как соотносится сон с современностью. См. также другие публикации: «*Преступление и пандемия: 155 лет назад Достоевский с точностью предсказал наши беды*»⁷¹ [В. Катасонов]; «*“Моровая язва”: как Достоевский видел пандемию*»⁷²; «*Сон Раскольникова и массовая вакцинация – откуда Достоевский знал?*»⁷³ и др.

Как было показано выше, прецедентные имена могут быть связаны с широко известными клишированными прецедентными высказываниями (фраза *тварь ли я дрожащая или право имею* прочно связана с образом Раскольникова). Именно поэтому считаем важным подчеркнуть, что во многих случаях эта связь оказывается неактуализированной: в массовом языковом сознании прецедентные высказывания «*красота спасёт мир*», «*если Бога нет, то всё дозволено*», «*слезинка ребёнка*», «*поле битвы – сердца людей*» часто не соотносятся ни с именем конкретного персонажа, ни даже с самим произведением. Именно поэтому такие амбивалентные прецедентные

⁶⁷ <https://sport.ua/news/469623-rossiya-i-doping-prestuplenie-i-nakazanie>, 09.12.2019

⁶⁸ О соотносённости сна Раскольникова с современной действительностью говорил также российский политический деятель, политолог, лидер движения «Суть времени» Сергей Кургинян. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=j4_rtr02rgE

⁶⁹ Обратим внимание и на то, что Достоевский часто трактуется как *пророк*, предсказавший многие события в общественной жизни страны, описанные в «Дневнике писателя» и в романе «Бесы», о котором мы скажем дальше.

⁷⁰ <https://larasdvatri123.livejournal.com/198485.html>, 20.09.2021

⁷¹ https://tsargrad.tv/articles/prestuplenie-i-pandemija-155-let-nazad-dostoevskij-s-tochnostju-predskazal-nashi-bedy_402546, 30.08.2021

⁷² <https://www.pravda.ru/culture/1514319-Dostoevskiy/> 21.07.2020

⁷³ <https://rossaprimavera.ru/article/b765de3d>, 2 октября 2021

высказывания – «канонические» и трансформированные – могут использоваться в совершенно разных контекстах. В процессе клиширования «вымывается» конкретное содержание, соотнесённое с идеей, например:

Нельзя назвать святыми эти годы без жалости к миллионам и миллионам людей. И нельзя говорить в начале процесса, что слеза ребенка бесценна, а в конце наплевать на горе и ужас миллионов и миллионов (телепередача «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 7 июня 2017 – Сергей Кургинян о тезисе про «святые девяностые»);

Если Бога нет, то всё... относительно (о теории относительности А. Эйнштейна [«Независимая газета», 25.11.2015]);

*Кино: поле битвы – сердца и умы людей*⁷⁴;

Ну что, красота. Мир спасём или людей напугаем? (интернет-мотиватор).

Отметим, что сегодня список произведений, которые выступают источником широкого цитирования в прямом и трансформированном виде, активно пополняется – актуальными являются имена и фамилии героев других романов Ф.М. Достоевского: «Братья Карамазовы» (Смердяков, отец и сыновья Карамазовы), «Бесы» (Николай Ставрогин, Пётр Верховенский, Шатов, капитан Лебядкин), «Идиот» (князь Мышкин, Настасья Филипповна).

Такие прецедентные знаки философского, абстрактного характера или названия произведений (в том числе трансформированные) могут употребляться в самых разных контекстах, в частности, в контексте оценки самых острых политических ситуаций: «Украинская смердяковщина: от революции к массовому бандитизму / На Украине пробил час смердяковщины, поэтому теперь там “всё дозволено”» («Альтернатива», 10.01.2016).

Приведём другой пример: к 200-летию Ф.М. Достоевского в «Российской газете» опубликована статья с подзаголовком «*Бесы Достоевского: что в жизни писателя современники не оценили бы лайком*»⁷⁵

⁷⁴ <https://kprf.ru/activity/culture/119155.html>, 02.06.2013

⁷⁵ <https://rg.ru/2021/11/11/besy-dostoevskogo-cto-v-zhizni-pisatelja-sovremenniki-ne-ocenili-by-lajkom.html>, 11 ноября 2021

– о подробностях личной жизни писателя (о сложных периодах в творчестве, противоречивом отношении к нему других писателей, о каторге, страсти к рулетке, отношениях с женщинами, слухах об изнасиловании девочки и др.), которые автор статьи объединяет словом *бесы*, что актуализирует иное прочтение прецедентного знака. Перед нами пример семантической трансформации прецедентного культурного знака, поскольку лексема *бесы* употреблена в данном тексте по отношению не к «внешнему миру» героев романа, а к «внутреннему миру» Достоевского.

Поскольку Ф.М. Достоевский для русской культуры традиционно является обличителем несправедливого социального устройства, защитником «униженных и оскорблённых», «бедных людей», «кротких», которые не могут за себя постоять [Чулкина 2021], частотными оказываются прецедентные знаки из романов «Униженные и оскорблённые», «Бедные люди» (Макар Деушкин), «Подросток» (Аркадий Долгорукий и Версилов):

Униженные, оскорблённые, довольные / Размышления у парадного подъезда РАН [«Аргументы», 28.12.2020];

Бедные люди: сами виноваты или жизнь такая? [«Комсомольская правда», 24.08.2019];

*Моё поколение выросло и нравственно сформировалось в послевоенные годы. Для нас этот Достоевский был особенно понятен и своевременен – ведь мы были, во-первых, наследниками победителей, жертвенно освободивших Европу от фашизма. И, во-вторых, вся наша последующая жизнь была наполнена гордостью за страну, которая не оставляла без помощи никого в целом мире из бедных людей, из униженных и оскорблённых*⁷⁶ (статья Геннадия Зюганова, руководителя фракции КПРФ). Фрагмент медиатекста примечателен тем, что в нём используется «прецедентная цепочка» знаков культуры.

⁷⁶ <https://kprf.ru/party-live/cknews/206839.html>, 24.11.2021

Также нередки случаи апелляции к названиям повестей «Записки из Мёртвого дома» и «Записки из подполья», высказываниям Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя», прецедентному топониму *Рулетенбург* из романа «Игрок», например:

Записки из подполья. Специальный репортаж – об украинских «диссидентах», не поддерживающих позицию официальной власти [«Вести», 26.07.2014]);

*Львов или Рулетенбург?*⁷⁷ – о распространении азартных игр на территории Украины предположительно с XI–XII веков.

Такие прецеденты обладают определённым уровнем цитирования в медиасреде, используются не только в заголовочных комплексах, но и в тексте статьи. Например, интересной в композиционном плане представляется статья, содержащая отсылки к прецедентному топониму *Рулетенбург* и опубликованная на информационно-аналитическом портале Саратовской митрополии «Православное Поволжье» с заголовком «Гражданин из *Рулетенбурга*». Последующий лид настраивает читателя на дальнейшее содержание публикации: «Российский город *Рулетенбург*... Вы слышали о таком? Однако он существует и растёт со скоростью, которой бы позавидовал любой мегаполис. Здесь есть шикарные особняки – казино и игорные дома, типовые многоэтажки – игровые автоматы, и лачужки вроде ларьков с лотерейками. В этом городе весело и беззаботно: яркая иллюминация и громкая музыка или, наоборот, легкая, непринужденная атмосфера – всё делается для того, чтобы вы заглянули сюда в гости. Несколько, а может быть, и единственный визит в один из домиков *Рулетенбурга* – и вы становитесь полноправным его жителем. Правда, право у вас всего одно – на постепенный проигрыш... собственной души» (см. подробнее о роли подобных прецедентов в композиционном построении текста – в параграфе 3.5).

⁷⁷ <https://mikes68.livejournal.com/489587.html>, 18.11.2016

Основная часть статьи начинается с фразы, отражённой в заголовке: *«Гражданин Рулетенбурга – это игрок в азартные игры»*. Далее следуют рассуждения о том, что издревле азартные игры считались делом нечистым, о греховности, негативном отношении народа и Церкви к игре; в качестве средств аргументации приводятся мнения психологов, а также цитаты из фольклора (пословицы и поговорки) и художественной литературы, в частности из *«Пиковой дамы»* А.С. Пушкина, а также факты биографии Ф.М. Достоевского, отражённые им в романе *«Игрок»*, и многочисленные цитаты из самого романа. Концовка статьи также содержит отсылки к топониму *Рулетенбург* и возвращает к лиду – описанию города: *«Да, каждый игрок – это гражданин параллельного мира – города Рулетенбурга. Там есть зеленые поля – но это суконные поля с пластмассовыми фишками. Пение птиц там заменяет навязчивая музыка, журчание весенних ручьев – шелест купюр, глаза любимых – табло игровых автоматов, лепет ребенка – монотонный голос крупье. Здороваясь, здесь протягивают открытую ладонь, но это ладонь “одноруких бандитов”, и по крапленным картам этого города никогда не найти дороги обратно. На улицах Рулетенбурга – праздничные фейерверки, двери его домов гостеприимно распахнуты. Вы всё ещё хотите зайти на огонек?»*⁷⁸.

Таковыми же «единичными» источниками прецедентности являются повести *«Двойник»* (титулярный советник Голядкин), *«Неточка Незванова»*, *«Село Степанчиково и его обитатели»* (Фома Опискин, дворовый мальчик Фалалей), *«Бобок»*, *«Сон смешного человека»*, *«Мальчик у Христа на ёлке»*, *«Чужая жена и муж под кроватью»*, *«Дядюшкин сон»*, *«Скверный анекдот»*, например: *«Бобок. Литературные рассуждения о российской политике / Григорий Ревзин – в подражание Фёдору Достоевскому»*⁷⁹; *«Скверный*

⁷⁸ <https://eparhia-saratov.ru/Articles/grazhdanin-iz-ruletenburga>

⁷⁹ <https://republic.ru/app.php/posts/74814>, 14.10.2016

анекдот: как в МГУ подставили дочь всесильного Игоря Шувалова»⁸⁰; «Чужая жена, или Муж на балконе»⁸¹, «Вечный муж на балконе» [там же].

Интересно отметить, что в качестве прецедентных знаков могут выступать не только названия произведений, но и названия глав этих произведений. Из таких широко цитируемых частей внутри текста является глава «Великий инквизитор», которая считается, по мнению самого писателя, одной из «кульминационных точек» романа «Братья Карамазовы», а также главы «История одной семейки», «Чёрт. Кошмар Ивана Федоровича», «С умным человеком и поговорить любопытно» и другие. Например, на сайте информационно-аналитической службы «Русская народная линия» опубликована статья протоиерея Николая Булгакова о Н.В. Гоголе: *«Для Гоголя в Италии Россия стала другой. Он смотрел на <...> все ее с первого взгляда, безусловно, кажущиеся слабости, на все еле держащиеся колеса, которые не известно до какого города доедут и о которых русскому человеку сподручнее кажется рассуждать, чем встать и укрепить колесо и об этом уже не думать. И на прочее, несуразное, кажется, и вообще, может, не нужное на земле («Зачем живет такой человек?!» – у Достоевского)»⁸². Прецедент является названием VI главы романа «Братья Карамазовы» (часть первая, книга вторая). Обратим внимание на то, что у Достоевского эта предикативная единица представляет собой восклицательное предложение, а в статье приобретает дополнительную вопросительную модальность, являясь риторическим восклицанием.*

Реже встречаются примеры языковой рефлексии над особенностями синтаксиса Достоевского и конструкций, традиционно считающихся смысловыми и стилистическими ошибками. Ярким примером может служить

⁸⁰ <https://www.infox.ru/news/271/241706-skvernyj-anekdot-kak-v-mgu-podstavili-doc-vsasilnogo-igora-suvalova>, 27.08.2020

⁸¹ <https://ampravda.ru/2010/02/26/024989.html>, 26.02.2010

⁸² https://ruskline.ru/analitika/2019/04/01/dusha_slyshit_svet, 31.03.2019

фраза *«круглый стол овальной формы»*^{83,84} из романа «Преступление и наказание». Фраза становилась предметом обсуждения как литературных критиков XX века, так и в современных социальных медиа: одни пользователи считают это ошибкой, явлением «авторской глухоты» (термин Максима Горького), другие (вслед за специалистами) полагают, что ошибки нет, объясняя это тем, что в XIX веке в мебельных магазинах на ценниках писали «Стол круглый (овальный)», т.е. раздвижной. Тем не менее фраза существует в медиа как некий штамп, например, комментарий пользователя под публикацией о продаже в магазинах игральные кубиков с названием *«Кубик круглый от ООО “Саргона”»* содержит отсылку к фразе Достоевского: *«У Достоевского ведь есть круглый стол овальной формы, правильно? Почему бы и не быть круглым кубикам? Они же действительно круглые, правильно? А кем они раньше были – кубиками или параллелепипедами, да кто их разберёт?»*.

Приведём ещё один пример: *«Круглый стол овальной формы / Раз в месяц OPENSPACE.RU будет всей редакцией обсуждать заметные культурные события. Декорация: старый овальный стол в бывшей конторе “Красного Октября”»*⁸⁵. В публикации речь идёт об обсуждении в студии за столом действительно овальной формы кинофильма «Два дня» Авдотьи Смирновой; фраза, вынесенная в заголовок, переосмысливается: словосочетание *круглый стол* используется не как характеристика формы стола, а в значении ‘стол для переговоров, обсуждения важных вопросов’ [БТС].

---

⁸³ Но в комнате не было ничего особенного. Мебель вся очень старая и из жёлтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, *круглого стола овальной формы перед диваном* <...> – вот и вся мебель.

⁸⁴ Такие «хрестоматийные» ошибки часто обсуждаются в медиапространстве и в отношении других писателей: словосочетание *«большая половина»* в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»; анаколумф *«Проезжая мимо станции, у меня слетела шляпа»* у А.П. Чехова (оригинальная версия: *«Подъезжая к своей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Яромкин»*); путаница с возрастом персонажей в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого или с именами героев, например, у Достоевского в «Преступлении и наказании» дочка Мармеладовых Лида в конце романа превращается в Лёню; «забытые» автором персонажи – ведьма Гелла из «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова и т.д.

⁸⁵ <https://shkola-nax.livejournal.com/85328.html>

Как показывает наш анализ, «шкалу» цитирования прецедентных знаков высокой культуры можно представить в виде триады «часто цитируемые – средней степени цитируемости – единичные».

2.3. Функции и жанровые реализации прецедентных культурных знаков в медиатексте

2.3.1. Особенности классификации функций прецедентных знаков

Обзор существующих публикаций по проблемам функционирования прецедентных феноменов свидетельствует о существовании различных точек зрения на эту проблему. Рассмотрим лишь некоторые из них, основываясь на взаимосвязи функций прецедентных знаков и типа дискурса (при этом мы обращаем внимание лишь на те из них, которые значимы для нашего исследования, т. е. мы не рассматриваем функции прецедентов, например, в научном или художественном дискурсе):

– *в политическом дискурсе* исследователи выделяют опознавательную, поэтическую и референтивную функции прецедентных феноменов [Филинский 2002]; экспрессивную, оценочную, идеологическую и консолидирующую [Базылев 2005]; когнитивную (которая представлена номинативной, оценочной, моделирующей, инструментальной, гипотетической разновидностями), коммуникативную, прагматическую и эстетическую (изобразительную и экспрессивную)⁸⁶ [Ворожцова 2007]; кроме того выделяются функция пиар-продвижения, которая направлена на формирование общественного мнения: создание имиджа политиков, общественных деятелей, а также скрытая реклама торговых марок, товаров и услуг, лоббирование (или контрлоббирование) проектов, решений, идей и т. п., и функция аргументации / контраргументации, которая отличается от пиар-продвижения тем, что по тому или иному вопросу озвучиваются как

---

⁸⁶ В основу этой классификации положена классификация функций метафоры, предложенная А.П. Чудиновым.

минимум две точки зрения, одна из которых прагматически маркируется в качестве аргумента / контраргумента [Негрышев 2009];

– **в рекламном дискурсе** исследователи особое внимание обращают на манипулятивную функцию прецедентов, их прагматическое воздействие на адресата [Кушнерук 2004; Пикулева 2003]; персуазивную функцию – использование прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения (ссылка на авторитет); аттрактивную функцию, которая основана на использовании известного текста в новом контексте для привлечения внимания; игровую (людическую) функцию, основанную на использовании игровых приёмов и тесно связанную с эстетической функцией; делимитативную функцию (адресация рекламы определённой референтной группе) и имиджеобразующую функцию, ориентированную на создание позитивного имиджа [Терских 2003: 20–22];

– **в дискурсе разговорной речи** выделяются оценочная, характеризующая, коммуникативная, коннотативная и экспрессивная функции прецедентных имён;

– **в дискурсе смеховых жанров** рассматриваются номинативная, персуазивная, людическая и парольная функции прецедентных феноменов [Слышкин 2000: 91–113];

– **в дискурсе масс-медиа** выделяют функцию оценки, моделирующую, прагматическую, эстетическую, парольную, людическую, эвфемистическую функции прецедентных имён [Нахимова 2007] (см. подробно об этом ниже); экспрессивную, или воздействующую, оценочную, кооперативную и парольную функции прецедентных феноменов [Ворожцова, Зайцева 2006].

Представим функции прецедентных знаков в Таблице 1.

Таблица 1 – Функции прецедентных феноменов

Функции исследователи	А.А. Филинский	Д.Б. Гудков	О.А. Ворожцова	Н.А. Фатеева	Г.Г. Слышкин	В.Н. Базылев	М.В. Терских	С.Л. Кушнерук	Ю.Б. Пикулева	Е.В. Михайлова	С.Б. Сереброва	А.Е. Супрун	Е.А. Нахимова
оценочная	+	+	+			+				+			+
поэтическая	+		+	+	+					+			
консолидирующая – парольная (делIMITативная) и опознавательная (=парольная) функции	+	+			+	+							+
экспрессивная (=воздействующая)		+	+			+							
номинативная (=информативная)			+		+						+		
коммуникативная			+	+									
людическая (языковая игра)					+		+						+
прагматическая							+	+	+				+
референтивная, или референционная	+									+			
идеологическая						+							
персуазивная					+		+						
когнитивная			+										
интертекстуальная / интертекстовая* (*дейктическая, или отсылочная – по Серебровой)				+							+		
текстопорождающая				+									
имиджеобразующая							+						
ценностно- ориентирующая (=экспрессивная)											+		
аттрактивная											+		
оценочно- ироническая											+		

Продолжение Таблицы 1

эстетическая													+	+
кумулятивная (или историческая)													+	
функция подтверждения правильности или ссылки на авторитет													+	
эвфемистическая														+

Отсутствие единой классификации функций прецедентных культурных знаков можно объяснить, на наш взгляд, использованием прецедентов в разных типах дискурса (художественный, медийный, бытовой, политический и др.), с одной стороны, и акцентированием внимания исследователей на функциях прецедентных феноменов в целом или только прецедентных имён в частности – с другой.

Безусловно, список перечисленных в Таблице 1 функций не является исчерпывающим. Но даже в нём можно заметить синонимичность некоторых терминов. Кроме того, прослеживается тенденция к дифференциации терминологии, связанной с появлением всё новых (частных) функций, которые усложняют возможность их чёткого разграничения. Так, например, одними исследователями (Н.А. Фатеева) выделяется интертекстуальная функция прецедентных феноменов, другие (С.Б. Сереброва) её называют интертекстовой, дейктической или отсылочной, используя эти термины как синонимы. На наш взгляд, во-первых, такое многообразие терминов, обозначающих одно и то же явление, избыточно и приводит к путанице; во-вторых, само определение прецедента подразумевает вербализацию этих единиц посредством *апелляции к прошлому* явлению действительности (по Ю.Н. Караулову), т. е. отсылочный характер «заложен» уже в самом прецедентном знаке.

Подобным образом проанализируем парольную функцию, служащую для обнаружения общности ментально-вербальной базы автора и читателя и признаваемую многими учёными. С одной стороны, в работах можно

встретить разные термины для обозначения этой функции (*консолидирующая, делимитативная, опознавательная*), с другой стороны, наблюдается их неразличение: парольная называется делимитативной и *как будто* противопоставляется опознавательной функции, что по своей сути противоречиво.

Несмотря на отсутствие единообразной трактовки термина, мы, безусловно, признаём парольную функцию прецедентов. Так, если не знать, кто такой Крафт и какова его идеология, остаётся нерасшифрованной фраза «*А что как не аллюзия на Крафта – рассуждения Анатолия Стреляного о том, что украинская нация выращивается в нынешней войне?*». Только зная содержание романа «Подросток», можно «разгадать» смысл этой аллюзии. Автор публикации – во избежание неправильного понимания публикуемого материала – аргументирует свой тезис, объясняя первоисточник и приводя высказывание персонажа: «*Нетрудно догадаться, что удобрением для столь благородного и необратимого процесса, как выращивание украинской нации, по представлениям Стреляного, является “обруселая часть Донбасса” и прочий “обруселый контингент”. Мысли не новые – и трансплантированы в украинский материал прямоком из **достоевского “Подростка”**: “Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества. Ввиду этого, может быть и справедливого, своего вывода господин **Крафт** пришел к заключению, что всякая дальнейшая деятельность всякого русского человека должна быть этой идеей парализована”*»⁸⁷.

Однако, если «парольность» трактовать в широком смысле, то можно высказать суждение не только о наличии парольной функции, но и о парольной сущности прецедентных единиц, т. е. любая прецедентная единица а priori выступает как своего рода пароль, код, расшифровка которого даёт

---

⁸⁷ <https://iz.ru/news/591662>, 17.09.2015

доступ к заложенной в нём культурной информации, что позволяет прецедентному знаку быть главным конструирующим элементом в тексте и обуславливает интертекстуальную функцию прецедента.

2.3.2. Функции знаков высокой культуры со сферой-источником «Достоевский» в медиа

Остановимся подробнее на функциях прецедентных знаков в медиатекстах. В рамках диссертационного исследования среди функций знаков высокой культуры со сферой-источником «Достоевский» мы выделяем следующие:

Функция воздействия на адресата. Прецедентные феномены – мощное средство воздействия на адресата, они помогают переформатировать картину мира, имеющуюся у адресата. Прецедентные феномены задают определённую систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим».

В работах исследователей воздействующая функция прецедентных знаков представлена разными типами – используются такие термины, как прагматическая функция, *суггестивная, манипулятивная, персуазивная* и другие. Понимая нюансы в различении этих функций (суггестия как внушение, персуазивность – убеждение, манипуляция – форма воздействия), мы в данном исследовании не ставим целью провести чёткую границу между ними и будем употреблять термин *функция воздействия* как гипероним.

Функция воздействия прецедентных знаков в медиа может реализовываться посредством других функций: оценочной, эвфемистической, суггестивной, юридической и других (см. работы Д.Б. Гудкова, Ю.Н. Караулова, Н.И. Клушиной, Е.А. Нахимовой, Г.Г. Слышкина).

Анализ функционирования прецедентных знаков в медиа показывает, что наиболее часто реализуемый компонент воздействующей функции – это выражение субъективного отношения к описываемым событиям.

Актуализированные в таких статьях прецедентные феномены выступают инструментами эксплицитной оценки описываемых явлений, позволяя сформировать у читателя нужную интерпретацию текста.

Как отмечает А.П. Чудинов, в политической коммуникации функцию воздействия может выполнять метафора, которая выступает «мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определённым действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния» [Чудинов 2003: 64]. Такая функция присуща, например, политическим лозунгам или рекламным текстам, в которых прецедентный знак используется с целью побуждения к определённому действию (прийти проголосовать). Так, депутат Алексей Горбачев в видеопоздравлении с Новым годом напомнил о предстоящих в 2018 году выборах: *«Ребята, если вы хотите плыть в лодке истории, – милости просим; если не хотите – корочки от мандаринов тоже имеют право на жизнь. За бортом нашей истории. Делайте правильный выбор»*. Ролик распространился в сети Интернет под заголовком *«Ты – не тварь дрожащая! Делай правильный выбор, дружи со мной!»*⁸⁸. См. аналогичный пример: *«“Если ты не тварь дрожащая, приходи сюда”*. В Москве прошла акция за референдум по поправкам в Конституцию»⁸⁹. Прецедентный знак попадает в прагматический контекст политических выборов, и прямое побуждение к действию выражается формой императива глагола и личного местоимения 2 л. ед.ч. *ты* в функции обращения, что способствует реализации воздействующей функции.

Приведём ещё один пример использования прецедентного знака в политическом лозунге: 1 мая 2011 года активисты инициативной группы по проведению референдума «За ответственную власть» и партии «РОТ Фронт»⁹⁰ приняли участие в традиционном шествии левых сил. Лозунг этой кампании

⁸⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=GX5BjJMMpMA>, 01.01.2018

⁸⁹ https://tvrain.ru/teleshov/videooftheday/v_moskve_proshla_aksija_za_referendum-502988/, 15 февраля 2020

⁹⁰ Российский объединённый трудовой фронт (сокращённо РОТ ФРОНТ) – левая политическая партия в Российской Федерации, существовавшая в 2010–2020 годах.

«Кто ты? Человек или *Тварь дрожащая!*»⁹¹ помещён в рекламный баннер (см. Рисунок 1), невербальная составляющая которого усиливает эффект противопоставления лексем *человек* и *тварь дрожащая* (отметим, что в качестве невербальной части автор публикации использует прецедентный знак из другой семиотической сферы – кинематографа – очень узнаваемый образ персонажа Огурцова из к/ф «Карнавальная ночь», см. Рисунок 3). Кроме того, изображение правой части баннера дополняется словами и выражениями «shop», «смысл нашей жизни купи-продай», «моя хата с краю», «USA», графическими изображениями евро «€» и американского доллара «\$» – все эти средства служат для выражения и усиления пейоративной оценки. Вербальная же часть баннера представляет собой трансформированное прецедентное высказывание, в котором риторический вопрос используется как прямое обращение.

Рисунок 2. Рекламный баннер

Рисунок 3.
Кадр из к/ф «Карнавальная ночь»

В медиакulturе идейная и философская составляющие творчества Ф.М. Достоевского, представленные целым рядом широко известных прецедентов, часто используются в качестве **аргументации**, что способствует реализации **персуазивной** и **коммуникативной функции** прецедентов, особенно в диалогической речи: например, в жанре интеллектуального интервью он характеризуется общей апперцепционной базой интервьюера и

⁹¹ https://zaotvet.su/news/mir_trud_maj_vlast_za_delo_otvechaj, 28.04.2011

интервьюируемого. Проанализируем фрагмент интервью с художественным руководителем Александринского театра Валерием Фокиным, где обсуждается режиссёрская концепция нового спектакля о Сталине. Театральная постановка осмысливается в фокусе коренных вопросов бытия:

[Валерий Фокин] *Но вот что меня очень интересует — как он постепенно приходит в юности к мысли, что имеет право быть наместником Бога.*

[Марина Токарева] *Сам себе отвечает на раскольниковский вопрос?*

[Валерий Фокин] *Только без всяких сомнений: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» – Да, имею! <...> Он потом <...> спал с 13-летней в какой-то ссылке...*

[Марина Токарева] *По стопам Ставрогина»* [«Новая газета», 20.04.2018].

Очевидно, что и интервьюер, и интервьюируемый в ходе диалога апеллируют к текстам Ф.М. Достоевского.

В качестве аргумента распространено употребление прецедентных антропонимов и производных от них:

Кунгуров – типичный представитель смердяковщины, бунтующего лакейства. Смердяковщина, это особая разновидность шовинизма/русофобии, направленная на свой собственный социальный класс/нацию/биологический вид/иного рода группу. Кунгуров – жалкий РАБ своего извращённого тщеславия усиленного фактом полнейшей своей не востребованности как значимого идеолога и оппозиционера, чувством собственной неполноценности и несостоятельности⁹².

В приведённом примере сравнение Кунгурова со Смердяковым позволяет выявить исторические параллели, которые оказывают влияние на оценку современной политической ситуации. Прецедентное имя Смердяков употребляется как символ русофобии, что подтверждается развёрнутой

⁹² <https://newsland.com/user/Aregul/content/smerdiakov-kak-geroi-nashego-vremeni/6646026>, 10.02.2019

аргументацией, выраженной лексемами *шовинизм, оппозиционер, извращённое тщеславие, жалкий раб* (обратим также внимание на то, что лексема *раб* выделена капитализацией, что усиливает её экспрессивность и оценочность).

Использование прецедентных единиц в медиа часто направлено на создание определённого эмоционального фона статьи, что способствует реализации экспрессивной функции.

Суггестивная функция реализуется при помощи игрового контекста с иронической модальностью. Так, в статье «*“Главное – иметь свой стиль”*: интервью с *“Соней Мармеладовой”*» прецедентный антропоним используется в метонимической функции (поскольку речь идёт об интервью с художником Сергеем Бондаревым, который является идейным вдохновителем петербургского бренда одежды «Соня Мармеладова»). Из публикации становится известно, что девизом торговой марки является фраза «Одежда для культурных барышень» (что отражено в ряде других статей с заголовками «*Соня Мармеладова. Одежда для культурных барышень!*» или «*Соня Мармеладова: платья и сумочки для культурных барышень*»).

На вопрос журналиста, кто та самая «культурная барышня», С. Бондарев отвечает: «*Мы живем в Культурной Столице, все барышни у нас априори культурные!*». Помещение прецедентного антропонима в несвойственный ему контекст приводит к противопоставлению образа Сони как персонажа романа «Преступление и наказание» в значении «девушка с низкой социальной ответственностью» и образа «культурной барышни», что усиливает иронический эффект.

Несоответствие привычному, стереотипному представлению образа Сони выражается и в комментариях пользователей сайта: «*Не те ассоциации у меня с С.М. были!*», «*Ребят, Соня Мармеладова была проституткой... как эта коллекция может быть “одеждой для культурных барышень”?? :DD*»⁹³.

⁹³ <http://www.lookatme.ru/flow/posts/fashion-radar/98931-sonya-marmeladova-odezhda-dlya-kulturnyh-baryshen>

На ироническую оценку указывают также невербальные средства в конце фраз – текстовые смайлы (закрывающаяся скобка – молчаливая улыбка, которая служит знаком того, что все вышесказанное не следует воспринимать всерьёз; латинская буква D, в нашем примере ещё и удвоенная, символизирует громкий смех).

Функция манипуляции реализуется, например, в ситуации с искажением цитат, «выдёргиванием» цитат из контекста, а также в ситуациях псевдопрецедентности, о которой мы писали в параграфе 1.4. Например: «Ещё одна *поддельная русофобская цитата*: “Духовность в России заключается в том, что русский перекрестится, прежде чем зарубить старушку топором”. *Якобыдостоевский*»⁹⁴. Особо отметим окказиональное образование антропонима, обладающее яркой оценочностью.

Эвфемистическая функция. Применение прецедентных знаков, особенно имён, иногда помогает смягчить высказывание, сделать его менее резким, менее конкретным и выразить необходимую информацию в менее агрессивной форме. Ярким примером могут служить употребления прецедентного антропонима *Раскольников* вместо лексем *убийца*, *маньяк*, а также антропонима *Смердяков* для обозначения русофоба и предателя Родины: «*Ишимский Родион Раскольников из-за долгов убил старушку топором и спрятал её тело в погребке*»; «*Ведь все эти годы современные смердяковы, либеральная обслуга компрадорской “элиты” <...>*».

Поскольку прецедентные культурные знаки в сжатом виде содержат информацию, важной является **информативно-содержательная функция**, которая в большей степени характерна для аналитических медиа и зачастую сопровождается функцией оценки: «*Мэр Кишинёва Киртоакэ как представитель колоницкой аномалии / Какие еще нужны доказательства, что власть в Кишинёве отсутствует? Нет, ну теоретически у нас есть мэр, а практически – тварь дрожащая, не решающая ничего, кроме вопросов*

⁹⁴ <https://zdrager.livejournal.com/70566.html>

о величине откатов»⁹⁵. Нетрудно заметить, что в данном случае информативная функция прецедентов дополняется оценочной.

Кроме того, информативная функция прецедентных знаков не противоречит юридической, они вполне могут сочетаться, например, на сайте радио «Маяк» размещён подкаст «*Достоевский. 200 ФМ*»⁹⁶. Можно догадаться, что подкаст посвящён 200-летию писателя, при этом обыгрывается название радиостанций, работающих в диапазоне FM-вещания (ср.: 88,3 Радио Ретро FM или 88,7 Юмор FM). Вспомним построенную по этой модели известную шутку «*Для тех, кто ещё не знает: “Достоевский Ф.М. – это не радио!”*». Однако в сетке радиовещания появились станции «Достоевский.FM» (интернет-радио Омского государственного университета имени Достоевского) или «Литературное радио “Достоевский ФМ” на частоте 188.1 FM».

Безусловно, в ряде случаев поднимается вопрос о степени информативности прецедента: например, в случае, если топор как атрибут прецедентного имени изображён в интерьере ресторана⁹⁷, то как прецедентный знак он неинформативен, т.к. содержательно не связан с текстом романа.

Номинативная функция прецедентного знака состоит в номинации фрагментов действительности и формировании понятий о них. Наиболее частые способы реализации этой функции – прямая цитация, стилистические фигуры – сравнение и перифраз. Использование текстовых реминисценций в этом случае мотивируется стремлением индивида к нестандартной реализации своих мыслей или стремлением избежать прямого названия каких-либо реалий [Слышкин 2000: 50]. Данная функция присуща едва ли не всякому слову, но пренебрегать ею в нашем исследовании мы не можем хотя бы

⁹⁵ <https://www.kp.md/daily/26464.7/3333937/>, 28 ноября 2015

⁹⁶ <https://radiomayak.ru/podcasts/podcast/id/5761>

⁹⁷ <https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/rodion-raskolnikov-ugoschaet-burgerami-i-shavermoy-1829939/>, 31 августа 2021

потому, что в сфере маркетинга и брендинга прецеденты реализуют именно эту функцию.

Например, в Челябинске открылся ломбард с названием *«Раскольников»* (ООО «Ломбард Раскольников»). Такая номинация представляется, безусловно, информативной и одновременно выражающей ироническую оценку, что подтверждается реакцией жителей города на подобное название в виде комментариев, актуализирующих прецедентную ситуацию: *«<...> у горожан в связи с этим возникают неоднозначные ассоциации. Впрочем, некоторые относятся к этому с юмором и предлагают открыть рядом магазин по продаже топоров – чтоб далеко не ходить»*. Такая экспрессивная оценка эксплицирована и в заголовке статьи об открытии ломбарда: *«Достоевский в гробу перевернулся! В Челябинске появился ломбард “Раскольников”»*⁹⁸.

Людическая функция. Использование прецедентного знака часто имеет характер своего рода игры: автор задаёт загадку, а читатель ищет на неё ответ. Языковая игра способствует привлечению внимания к форме текста, снижению напряжённости общения, делая его менее формальным. Часто желание сделать свою речь более эмоциональной и оказать воздействие на слушателя порождает явление языковой игры⁹⁹. Игровые тексты характерны для сферы политики, публицистики, шире – масс-медиа, игра с прецедентными знаками представляется частью «карнавализации» [Костомаров, Бурвикова 2006]. В теории интертекстуальности языковая игра является главным инструментом постмодернистских текстовых конструкций, поэтому игровая функция прецедента соотносится с интертекстовой, отсылочной и смыслообразующей функциями.

⁹⁸ <https://ura.news/news/1052131196>, 11 июля 2011

⁹⁹ Феномен языковой игры давно привлекает внимание учёных. Термин восходит к работам философа Людвиг Витгенштейна, а своим вхождением в широкий научный обиход он обязан работам отечественных учёных – Т.А. Гридиной, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой и др.

Так, в интервью на вопрос журналиста, почему в последние годы массовой культурой настойчиво эксплуатируется творчество Ф.М. Достоевского, а не, например, Толстого или Чехова, Игорь Волгин ответил:

Что касается массовой культуры, она эксплуатирует не только Достоевского, но и Христа. Как говорится, все на продажу. Достоевский стал мифом, героем отечественной и зарубежной прозы – необязательно низкопробной. Возьмите «Желток яйца» Аксенова (встреча в игорном доме Достоевского и Маркса!) или книгу нобелевского лауреата Дж. М. Кутзее «Осень в Петербурге», где изображена еще одна встреча – Достоевского и Нечаева. Страшный сон! Не книга, она как раз талантлива, – а сама встреча! Но это нормально, ибо литература – мировая игра. А за Толстого и Чехова не переживайте – мы еще увидим фирменный скорый поезд «Анна Каренина» или почту для VIPов «Ванька Жуков». А как вам понравится элитное кладбище под скромным названием «Бобок»?¹⁰⁰.

Данный контекст свидетельствует также об использовании прецедентного знака как средства создания иронии и выражения имплицитной оценки.

Ярким примером собственно языковой игры может служить заголовок «*Как пана Анджея бесы попутали*»¹⁰¹. Статья посвящена постановке «Бесов» на сцене московского театра «Современник» польским режиссёром Анджеем Вайдой. Автор статьи выражает своё мнение о спектакле как о не во всём соответствующем тексту романа, что выражено разговорной лексемой «попутать» – разг. ‘спутать’ [БТС 2000: 924]. При этом лексема *бесы* употреблена со строчной буквы и без кавычек, создавая омонимичность известному фразеологизму *бес попутал* – ‘соблазнить, склонить к дурному, необдуманному или глупому поступку (обычно о нечистой силе). *Бес, черт, грех* и т.п. *попутал* (выражение сожаления; раскаяния в содеянном)’ [там же]. Отметим, что сочетание *бесы попутали* (где лексема *бесы* апеллирует к названию романа Ф.М. Достоевского) в различных трансформациях

¹⁰⁰ https://www.ng.ru/ng_exlibris/2006-05-18/2_dostoevski.html

¹⁰¹ http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lg112004/Polosy/art10_1.htm

грамматического характера широко распространено в медиасреде, что позволяет рассматривать его как клише: «*Бесы попутались*», «*“Бесов” попутали*», «*Бесы попутанные*» и т.д.¹⁰²

Людическая функция особенно характерна для прецедентных знаков, используемых в социальных медиа: комментариях пользователей, демотиваторах, мемах, в том числе представленных только вербально (своего рода анекдотах), например:

- *Дорогая, по таланту я наконец-то сравнялся с Достоевским.*
- *Неужели ты издал свой новый роман?*
- *Нет, я проиграл все наши деньги в казино.*
- *Идиот!*¹⁰³

В приведённом тексте вербализуется прецедентная ситуация известного факта биографии Ф.М. Достоевского, а в качестве ответной реплики используется название романа, омонимичное оценочной лексеме, что создаёт комический эффект. Подобные игры с отдельными лексико-семантическими вариантами многозначных лексем и лексемами-омонимами объединяются термином «полисемантика», заимствованным исследователями [Ремчукова, Михеева 2015] у поэта-постмодерниста В. Строчкова.

В теории интертекстуальности **языковая игра** является одним из главных инструментов постмодернистских текстовых конструкций, поэтому игровая функция прецедента соотносится с интертекстовой и смыслообразующей функциями. Языковая игра связана с тенденцией к лингвокреативности («*Коллективный ПВ*», «*Кармазинов-Гейм XXI века*»). Людическая функция реализуется по-разному в социальных и профессиональных медиа. Суггестивная и аттрактивная функции реализуются в интернет-мемах, где невербальные средства – изображение топора – могут оказаться важнее прецедентного имени «Раскольников»; языковое остроумие проявляется в игре с языковыми средствами.

¹⁰² Анализ подобных конструкций см. в параграфах по видам трансформаций прецедентных знаков.

¹⁰³ <https://chern-molnija.livejournal.com/2254422.html>

Прецедентный знак может не только использоваться в игровом контексте, но и сам являться основой для игровых трансформаций на разных уровнях языка, например словообразовательном: «*Фёдор Михайлович! Разве ж в твоё время были “бесы”?* То были *бесенята*. Бесы вот они, в этом вагоне» (В.В. Жириновский); «*Кибердостоевский* для кибермолодежи В России стартовала экспериментальная кампания по переосмыслению творчества Достоевского в глазах зумеров»¹⁰⁴.

Проанализируем заголовок «*“Одним миром карамазаны”* / Лев Додин поставил постдраматического Достоевского» [«Коммерсантъ С-Петербург», 15.12.2020]. Языковая игра отсылает читателя к известному прецедентному высказыванию «*одним миром мазаны*» и актуализирует структурное сближение фамилии *Карамазов* и образованного от неё потенциального глагола *карамазать* (*карамазовать*): «*мазаны – карамазаны*» (*Карамазов – карамазать – карамазаны*). Подобная языковая игра не нарушает этических норм, а напротив, реализует эстетическую функцию слова, образованного от прецедентного онима [Ремчукова, Кузьмина 2022: 59].

При прямом цитировании прецедентность занимает доминирующее положение в смысловой, структурной и эстетической организации текста. Аттрактивная функция как приём для привлечения внимания часто используется вместе с игровыми приёмами: в заголовке «*В Театр Вахтангова вселились “Бесы”*»¹⁰⁵ статьи о премьере спектакля «Бесы» Юрия Любимова в московском Театре имени Вахтангова (важно при этом отметить, что это первая постановка режиссёра после его разрыва с Театром на Таганке, которым он до этого руководил) используется фразеологизм *бес вселился*, однако его значение в контексте статьи трансформируется («*в кого*. Разг. Шутл. О том, кто проявляет упорство, упрямство, нежелание считаться с кем-либо или с чем-либо»¹⁰⁶).

¹⁰⁴ <https://mnogobukv.hse.ru/news/516894680.html>, 14.10.2021

¹⁰⁵ <https://www.kommersant.ru/>, 30.03.2012

¹⁰⁶ Толкование даётся по Фразеологическому словарю русского литературного языка.

Эстетическая функция. Прецедентные культурные знаки воспринимаются адресатом как эстетически значимые, привлекают к себе внимание необычной формой выражения. Поскольку прецедентные имена нередко употребляются метафорически, то их восприятие во многом аналогично восприятию метафоры – одного из главных средств эстетического воздействия. Прецедентный поэтический знак часто выполняет эстетическую функцию.

Проявление эстетической функции знаков высокой культуры можно видеть в использовании, например, прецедентных цепочек как приёма «цитатного письма» (подробнее об этом в параграфе 3.5). Приведём небольшой пример прецедентной контаминации: «*И бабочки кровавые в глазах*»¹⁰⁷. Данный заголовок представляет собой соединение прецедентного высказывания из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» («*и мальчики кровавые в глазах*») и лексемы *бабочки* как «атрибута» прецедентного имени Николая Ставрогина из романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

Обладая информативностью, выражая оценку, воздействуя на адресата, прецедентный знак далеко не всегда реализует эстетическую функцию. Подзаголовок статьи информирует об открытии кафе («*В год 200-летия Фёдора Достоевского в Старой Руссе Новгородской области открыли бистро, символом которого стал топор*»). Из текста статьи мы узнаём об изображении топора на двери кафе, на фартуках официантов и поваров, на доске с меню, что, вероятно, можно считать попыткой стилизации заведения. Однако табличка на двери туалета, на которой изображён мальчик с топором в руках, а девочка – с вырезанным углом в голове, с нашей точки зрения, неэтична и, кроме того, служит проявлением антиэстетизма.

Проведённый анализ подтверждает мысль о том, что прецедентные знаки характеризуются полифункциональностью: один знак может выполнять

Также: Бес вселился в кого-л. – 'о буйном поведении или неудержимом проявлении каких-л. чувств, желаний' [БТС 2000: 72].

¹⁰⁷ <https://www.kommersant.ru/>, 27.05.2014

несколько функций, перечисленные выше функции прецедентов реализуются в комплексе с возможным преобладанием какой-либо из них.

2.4. Функция оценки

С одной стороны, прецедентные феномены – важное средство эмоциональной оценки: они не претендуют на логическую законченность, на точную формулировку, но выражают субъективное отношение автора. «Оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов, не претендует на объективность, она подчеркнута эмотивна и субъективна» [Гудков 2003: 157]. Прецедентность контекста позволяет наиболее ярко выразить политические пристрастия автора.

С другой стороны, С.И. Сметанина, рассматривая прецедентные феномены в медиатекстах, указывает, что они «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [Сметанина 2002: 123]. Об интеллектуализирующей функции прецедентных культурных знаков пишет и А.П. Чудинов [Чудинов, 2007: 62].

Например, в начале статьи «Ремейк “Бесов” под названием “реформа РАН”»¹⁰⁸ фактически изложен вольный «сверхсжатый» пересказ сюжета романа, при этом журналист акцентирует внимание на нескольких персонажах: Степане Трофимовиче Верховенском, его сыне – Петре Степановиче и его товарище – Николае Всеволодовиче Ставрогине, а также на Кармазинове. Автор пишет о том, что все перечисленные персонажи «кончили плохо»: Степан Трофимович умирает, брошенный почти всеми, Петр Верховенский, организовав зверское убийство и беспорядки, исчезает «где-то в просторах России и Европы», а Николай Ставрогин кончает свой жизненный путь в собственноручно сделанной петле.

Далее автор статьи проводит параллели между персонажами романа и деятелями науки в современной России: «Ремейк “Бесов” под названием

¹⁰⁸ https://www.ng.ru/nauka/2013-12-11/11_remake.html, 11.12.2013

*“реформа РАН” воспроизводит описанный сюжет почти буквально. Перед нами коллективный **Степан Трофимович Верховенский** в лице выдающихся российских физиков (Жорес Алферов, Сергей Новиков, Владимир Захаров, Валерий Рубаков и другие), коллективный **Петр Верховенский** (Дмитрий Ливанов, Андрей Фурсенко, Ольга Голодец, Михаил Ковальчук, Владимир Жириновский и другие) и коллективный же **Николай Ставрогин** (Сергей Гурьев, Михаил Гельфанд, Константин Северинов и прочие талантливые и относительно молодые представители передового российского научного сообщества). И даже зарубежный гость родом из России нарисовался (нобелевский лауреат Андрей Гейм)».*

Для доказательства своей позиции журналист цитирует каждого из обозначенных персонажей романа и сравнивает с высказываниями вышеперечисленных лиц. *«Петр Верховенский в романе: “Минуя разговоры – потому что не тридцать лет же опять болтать, как болтали до сих пор тридцать лет... или вы держитесь решения скорого, в чем бы оно ни состояло, но которое наконец развяжет руки и даст человечеству на просторе самому социально устроиться, и уже на деле, а не на бумаге”.* *Коллективный ПВ XXI века: “Я сам участвовал в обсуждении еще с 2005 года. Мы не то что спешим с этой реформой, а уже опаздываем... Не может академия себя реформировать. Это старцы, у них средний возраст – 74 года. На пенсию всем. Долой!”».*

По такой же модели построен вымышленный «диалог» и других персонажей романа с современными последователями академиков, «реформаторов РАН» (по мысли автора статьи). *«Кармазинов в романе: “Господа... я вижу, что моя бедная поэмка не туда попала. Да и сам я не туда попал”.* *Кармазинов-Гейм XXI века: “Я ожидал, что Ливанов с Медведевым окажутся умнее... Я предпочту подождать развития ситуации, прежде чем отчаиваться, пока мы не получим всей информации”».* Оказиональное употребление прецедентного имени-«компози́та», образованного по модели

сложного слова, подчёркивает не только соотнесённость романа «Братья Карамазовы» с современностью, но и оценочность антропонимов.

Результаты проведённого нами анализа позволяют сделать вывод о необходимости разграничения функции оценки прецедентных знаков на интеллектуально-образную, характерную для аналитических текстов, и эмоциональную, широко распространённую, например, в интернет-мемах и – шире – в социальных медиа. Примером последней является заголовок видео «*Тварь не дрожащая. Профессия – деградант*»¹⁰⁹: известный дизайнер подошёл к молодому человеку во дворе и начал его избивать. Использование усечённого прецедентного высказывания (с отрицательной модальностью) в качестве самостоятельной предикативной единицы придаёт ему бóльшую категоричность, а следовательно, подчёркивает однозначность авторской позиции. При этом семантика прецедента также подвергается трансформации: философский контекст помещается в бытовой – и лексема *тварь* может актуализировать значение ‘*презрит. подлый, мерзкий человек*’ [БТС 2000: 1308]. Отрицательная оценка эксплицируется в том числе с помощью контекстного окружения и особых синтаксических конструкций (парцелляция и восклицательные предложения): «<...> начал избивать. Отвёрткой! По лицу! За сделанное замечание. Такой вот утончённый молодой человек».

Функция оценки обычно сопровождает ряд других функций (в частности, ссылку на авторитеты, аргументативную и др.). Для отстаивания своей позиции автор может использовать комбинацию прецедентов из разных произведений одной сферы-источника или более сложный комплекс – прецеденты из разных источников, но со сферой «литература», что усиливает позицию культурного знака в тексте. Интеллектуально-образная оценка характерна для текстов, в которых употребляется несколько прецедентных антропонимов, например:

¹⁰⁹ <https://www.youtube.com/watch?v=Yk0fwVT66Sc>, 21 марта 2016

*Сознательный пролетарий увидит в семейке Карамазовых <...> представителей одного конкретного расейского эксплуататорского класса, класса умирающего и отживающего, класса, в каждом “движении” которого сквозят обречённость, вырождение, тлен. Класса, который во времена своей молодости давал стране воинов, учёных, путешественников, мыслителей, деятелей и организаторов, а теперь, во времена своего разложения, даёт всё больше – разнообразных **плюшкиных, обломовых, головлёвых и карамазовых**. Кстати, вдумчивый читатель ещё и узнает из романа много интересного о повадках всякой эксплуататорской сволочи, которую пролетариям предстоит давить¹¹⁰.*

Употребление прецедентных имён из произведений разных авторов (Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, М.Е. Салтыков-Щедрин и Ф.М. Достоевский) используется как приём градации¹¹¹, при котором перечисление антропонимов повышает их значимость, усиливает образность, придаёт эмоциональность повествованию, акцентирует внимание на оценочной составляющей текста в целом. Оценочность усиливается и другими лексемами – *обречённость, вырождение, тлен, разложение, сволочь, расейский эксплуататорский класс*.

Очевидно, что оценочная функция прецедентных культурных знаков проявляется в медиа по-разному. Это зависит прежде всего от уровня и качества издания, использующего отсылки к произведениям Ф.М. Достоевского. Материал показывает, что частотны такие знаки в изданиях общественно-политического характера и культурно-просветительской, реже – деловой прессе.

¹¹⁰ <https://remi-meisner.livejournal.com/204778.html>

¹¹¹ **Плюшкин** – *неодобр.* ‘о чрезмерно скупом, жадном человеке’ [БТС 2000: 846]; **Обломов** – ‘символ человека, характеризующегося вялым равнодушием к общественным интересам, нежеланием принимать какие-либо решения или совершать какие-либо поступки, считающего, что это должны делать другие’ [Большой современный толковый словарь русского языка 2012]; **Головлёв (Иудушка)** – ‘символ человека, скрывающего вероломство, порок под маской добродетели; лицемер, ханжа’ [Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Ефремовой 2012]; **Карамазовщина** – ‘крайняя степень моральной безответственности и цинизма, сопровождающаяся безудержными страстями и постоянными колебаниями от нравственных падений к возвышенным душевным порывам, как бытовое, национальное или психологическое явление’ [Большой толковый словарь русского языка Ушакова 2014].

Прецедентное высказывание *тварь я дрожащая или право имею* получает новый, востребованный смысл в связи с эпохой ковида в контексте агитационной кампании по вакцинации. При этом оценочная «шкала» в текстах разная, индивидуально-авторская, и связана с социальными нюансами. В одном случае, «твари дрожащие» – это те, кто отказывается вакцинироваться: «*“Тварь ли я дрожащая или **антитела** имею”*: власти Ставрополя пиарят вакцину от коронавируса с помощью классиков литературы» [«Блокнот», 17.05.2021]; в другом – те, кто позволяет безропотно себя вакцинировать: «*В Ставрополе целевой аудиторией рекламы вакцинации стали “твари дрожащие”*» [«Новые известия», 17.05.2021]).

В ходе дискуссии на эту тему в «Живом журнале» появляется заголовок «*Кто в РФ тварь дрожащая?*» [«Живой Журнал», 20.05.2021]; в другом заголовке – «*Проект “**Великий инквизитор**” у Клауса Шваба заиграл другими красками*»¹¹² – прецедентный антропоним выступает как средство оценки трансгуманистических идей ставшего известным в эпоху ковида Клауса Шваба¹¹³.

В качестве дополнительного аргумента в тексте самой статьи выступает и трансформированное прецедентное высказывание *красота спасёт мир*, которое является своеобразным возражением самому писателю, для чего используется приём парцелляции: «*Но массовое убийство скота вызовет голод, а за ним всё остальное по списку Шваба со товарищи. Может, именно поэтому россияне вступились за “мир во всем мире”. Но, походу, **жадность спасёт мир. Не красота***» [РИА «Катюша», 02.04.2021].

Предметом обсуждения в блогах может стать любая реальная ситуация, в том числе – использование имени Ф.М. Достоевского для номинации городских объектов. Так, внимание к творчеству писателя обострилось в момент обсуждения присвоения аэропорту Пулково имени Достоевского. В

¹¹² <https://sell-off.livejournal.com/46596012.html>, 21.02.2021

¹¹³ Шваб Клаус Мартин, Маллере Тьерри. COVID-19: Великая перезагрузка. – Издательство Forum Publishing, 2020. – 152 с.

блогах этот факт нередко обсуждается в ироническом контексте: названия известных романов Ф.М. Достоевского используются как приём языковой игры: общий зал «*Униженные и оскорблённые*», бизнес-зал «*Бесы*», зона досмотра «*Преступление и наказание*», капсульный отель «*Бобок*», паспортный контроль «*Двойник*», пункт обмена валют «*Алёна*» и т.д. [см. об этом Ремчукова, Кузьмина 2021]. Прецедентные онимы-названия произведений используются как комическое средство социальной оценки, однако не нарушают этики использования знаков высокой культуры.

Как показывает проведенный анализ, перечисленные приёмы и способы внедрения в медиатексты прецедентов сферы «русская литература» (развёрнутые цитации, трансформации разного рода, прецеденты-идиомы, прецедентные антропонимы и т.п.) являются важной и актуальной составляющей всего медиапространства.

2.5. Прецедентные культурные знаки в заголовочном комплексе

В последние десятилетия заголовки как медиажанр активно изучается лингвистами с точки зрения таких его признаков, как жанровая структура и стилистические особенности. Изучению заголовка посвящено большое количество классических работ отечественных учёных [Богословская, Попов, Кожина 2010; Лазарева 1989; Тертычный 2004; Шостак 2001 и др.]. Особенности функционирования заголовков и сегодня вызывают интерес лингвистов [Воронцова 2021, Михеева 2019, Ремчукова 2015]. Подробный анализ классификаций заголовков и выявление различий между ними не входит в задачи нашего исследования. Для нас важно отметить, что заголовок как «*минитекст*» (Е.Н. Ремчукова) занимает сильную позицию, обладает синтаксическим минимализмом – в такой позиции мы наблюдаем актуализацию содержания прецедентного знака, даже в том случае, если он трансформирован, эти трансформации легко обнаруживаются и становятся «хорошо наблюдаемым» объектом исследования.

Так как объектом нашего рассмотрения являются заголовки с прецедентными единицами, важным является то, что заголовки не только выполняют номинативную и характеризующую функции, но и позволяют достичь той компрессии смысла, на которую указывают исследователи: они представляют собой «малоформатные тексты, в которых реализация функции воздействия в условиях ограниченной синтаксической структуры связана с обязательным достижением компрессии смысла» [Ремчукова, Михеева 2015: 94].

Заголовки, подзаголовки, лидер-абзацы объединяются понятием заголовочный комплекс и передают содержание всей статьи в сжатой форме и содержат авторскую оценку, поэтому к ним предъявляется ряд требований: информативность, выразительность и эмоциональность. Для достижения такого эффекта часто в заголовках используются прецедентные знаки, нередко являющиеся объектом языковой игры, в которой «отсылка к прецедентным феноменам вписывает заглавие новостного сообщения в культурный контекст, формируя у реципиента оценочно-эмоциональное поле смыслов» [Лютая 2008: 13].

Рассмотрим разные типы использования прецедентных знаков со сферой-источником «Достоевский» в этих частях заголовочного комплекса.

1. Прецедентные имена

Заголовок «*Пелевин как капитан Лебядкин*» представляет собой сравнительную конструкцию: реальное лицо, известный писатель Виктор Пелевин, сравнивается с персонажем романа «Бесы» Лебядкиным, «поэтом-графоманом». Такая апелляция к прецедентному антропониму позволяет автору статьи выразить своё отношение к творчеству Виктора Пелевина, что находит отражение и в подзаголовке: «В “ДПП”¹¹⁴ проявился во всю свою мощь неистребимый дух *Пелевина-графомана*. Он сочинил нечто такое, что может по своей *графоманской сути* сравниться с бессмертными *вириами*

---

¹¹⁴ авторский сборник В. Пелевина «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда»

героя *“Бесов” Игната Лебядкина*»¹¹⁵. Журналист пишет о том, что произведения Пелевина напоминают «юношеские литературные упражнения», «не представляют никакого интереса», подвергает резкой критике «разваливающиеся сюжеты» и «язык каламбуров». Сравнивая стихи Игната Лебядкина с произведениями В. Пелевина, журналист даёт крайне отрицательную оценку писательскому таланту последнего: «<...> до капитана Лебядкина ему надо еще расти».

Выполняя информативную функцию, прецеденты могут одновременно являться средством оценки описываемых событий. Так, например, заголовок *«Старуха-процентщица жива. Как из-за займов под 100% годовых люди лишаются жилья»* («LIFE», 21.03.2018): оним *старуха-процентщица* используется коннотативно как эвфемистическое именование недобросовестных банков (на эту связь указывает лексема *займы*).

В ряде случаев информативная функция заголовка является неочевидной или отсутствует, а прецедентный знак выполняет аттрактивную функцию. Например, «шокирующий» заголовок *«Сосиски из Смердякова»* («Комсомольская правда», 30.01.2014) привлекает внимание к статье, содержание которой представляет обоснование «антилиберальной» позиции журналиста: прецедентное имя *Смердяков* и принадлежащее ему прецедентное высказывание приравниваются в тексте статьи к «предательству Родины». Однако это становится понятным только после ознакомления с основным текстом публикации, который объясняет использование такого эпатажного заголовка.

В процессе отборе материала для исследования мы обнаружили многочисленные заголовки медиаизданий разной направленности, в которых используется отсылка к Достоевскому с помощью таких стилистически окрашенных форм имени, как *Фёдор Михалыч, Михалыч, Федя*, в том числе и в качестве обращения:

¹¹⁵ <https://utro.ru/articles/2003/09/17/232710.shtml>

А **Фёдор Михалыч** стихами баловался – о стихотворении «Крошку-ангела в сочельник Бог на землю посылал...», якобы написанном Достоевским (что опровергнуто исследователями¹¹⁶), которое неизменно тиражируется в медиа в канун Рождества¹¹⁷;

«Скверно, **Фёдор Михалыч**»¹¹⁸ (о решении администрации Санкт-Петербурга на месте сквера в Кузнечном переулке, где жил писатель, построить здания, относящиеся к Музею Достоевского). Обращает на себя внимание употребление в заголовке лексемы *скверно*, которая реализует несколько значений: «скверно» – ‘о гнетущем, тяжёлом душевно состоянии; мерзко, гадко’ [БТС 2000: 1194]; «сквер» – ‘небольшой общественный сад (в городе)’ [там же]. Кроме того, здесь можно увидеть и отсылку к названию рассказа Достоевского «Скверный анекдот», написанному в сатирическом ключе.

Использование такого приёма, как «полисемантика», «основанного на ассоциативном потенциале слова и состоящего в актуализации многозначности или омонимичности языковых единиц», позволяет «в условиях ограниченного текстового пространства добиться информационной плотности и экспрессивности» [Ремчукова, Михеева 2015: 94–95]. Стилистический приём «полисемантики» широко распространён и в заголовках с прецедентными высказываниями (см. ниже пример 2).

2. Прецедентные высказывания

Прецедентные высказывания используются в заголовках, поскольку обладают синтаксической оформленностью, законченностью и предикативностью. При этом они могут функционировать как в нетрансформированных заголовках (1), так и в трансформированном виде (2).

¹¹⁶ Рублев С. «Божий дар». Стихотворение, которое Достоевский никогда не писал. Режим доступа: <https://fedordostoevsky.ru/research/fake/008/>

¹¹⁷ <https://newsland.com/community/3610/content/a-fiodor-mikhailych-stishkami-balovalsia/4930198>, 30.12.2015

¹¹⁸ <https://spbvedomosti.ru>, 12 апреля 2018

(1) “*Бог забыт. А когда Бога нет, то всё дозволено*”: Пушкин намекает на раскол в США¹¹⁹;

(2) «Гений»: Тварь ли я дрожащая или *править умею*¹²⁰ – заголовок рецензии на фильм «Гений», который повествует о непростой дружбе двух талантливых людей – писателя-драматурга эпохи «потерянного поколения» Томаса Вулфа и издателя и редактора Макса Перкинса. Трансформация прецедентного знака происходит, с одной стороны, на основе фонетического сближения слов, когда элемент прецедентного высказывания (*умею*) замещается близким по фонетическому оформлению словом (*умею*); с другой стороны, затрагивает и лексико-грамматический уровень. Замена имени существительного на инфинитив сопровождается актуализацией омонимии: *править*₁ ‘руководить, управлять, обладая властью’ и *править*₂ ‘вносить исправления (в рукопись, корректуру и т.п.)’ [БТС 2000: 952].

В условиях синтаксического минимализма необходимо «сократить» прецедентный знак для субституции – нового элемента, который несёт информацию, что обуславливает усечение прецедента. Так, заголовок «*Поле битвы – сердца зрителей*»¹²¹ является примером трансформированного прецедентного высказывания с замещением последнего компонента, по своим морфологическим характеристикам совпадающего с прототипическим (*сердца людей – сердца зрителей*). Замещающее слово актуализирует содержание статьи, затрагивающей проблемы и этический кодекс современного кинематографа – качество отечественного кино, приоритеты современного зрителя. Такая трансформация меняет референтную соотнесённость, не меняя при этом смысл прецедентного высказывания.

Анализируемое прецедентное клише подвергается трансформациям разной степени сложности. Так, в заголовке «*Поле битвы – душа (Страсти*

¹¹⁹ https://vladimir.tsargrad.tv/news/bog-zabyt-a-kogda-boga-net-to-vsjo-dozvoleno-pushkov-nameknul-na-raskol-v-ssha_257758, 03.06.2020

¹²⁰ <https://www.kino-teatr.ru/kino/art/pr/4435/foto/59686/>

¹²¹ <https://iz.ru/news/551002>, 27 мая 2013

по Достоевскому)»¹²² второй компонент прецедентной единицы – словосочетание *сердца людей* – заменяется одной лексемой *душа*. Статья представляет собой размышления журналиста о жизни, творчестве и философских взглядах писателя.

Кроме того, усечение может сопровождаться изменением модальности высказывания или грамматической формы предиката, что вносит дополнительные оттенки смысла: «*Красотою спасёмся?..*»¹²³.

Нередко прецедентные знаки «лишаются» своей метафоричности и используются в прямом значении: «*Журналисты ответили за слезинку ребёнка*» («Коммерсант», 24.11.2020). Фраза *слезинка ребёнка* обычно используется, когда речь идёт о соотношении цели и средств, с целью отрицания попыток оправдать страдания невинных людей во имя тех или иных высоких целей, а в журналистской статье речь идёт публикацию на сайте информационного издания *видеозаписи избиения ребёнка его родителями*. Таким образом, прецедентная единица буквализируется.

3. Синтаксические конструкции

Важную роль в актуализации смысла заголовка играют синтаксические конструкции и особенности их пунктуационного оформления. В формально-синтаксическом аспекте исследователи выделяют моносегментные (1) и полисегментные (2) типы заголовков, среди которых выделяют вопросно-ответные единства, усечённые конструкции, вопросительные и восклицательные предложения [Комаров 2003]. Поскольку в задачи исследования не входит подробное описание классификаций представленных моделей и указанных в них типов заголовков, в качестве примера приведём наиболее распространённые и важные синтаксические модели с прецедентными знаками, которые используются в качестве «социального отклика»: после двоеточия, тире (реже точки и многоточия) поясняется

¹²² <https://zen.yandex.ru/media/id/5ce47a8c0f23c200b3a4a9ff/pole-bitvy-dusha-strasti-po-dostoevskomu-5cebcd897f585100b321aafd>, 27 мая 2019

¹²³ <https://foma.ru/krasotoyu-spasemysya.html>, 10 ноября 2021

конкретная социальная ситуация. При помощи трансформаций прецедентный культурный знак соотносится с конкретной ситуацией:

(1) *Капитан Лебядкин и его правнуки* (журнал «Перемены», 28 апреля 2018); *Точно ли Смердяков грохнул?*¹²⁴;

(2а) *Валерий Сендеров нуждается в помощи: помогите современному “князю Мышкину”!*¹²⁵; *Униженные и оскорбленные: актрисы рассказывают о худших кастингах в жизни* (<https://graziamagazine.ru>, 09.03.2022); *Преступления без наказания: с чем сталкиваются женщины в современной Индии* (<https://ria.ru>, 07.08.2018); *«Богомолов и Собчак – современные герои “Бесов”* (<https://vz.ru>, 16 сентября 2019);

(2б) *Борьба с “бесами” мужа. Как Анна Сниткина спасала Фёдора Достоевского*¹²⁶; *«Красота спасет мир. Или погубит женщин?»*¹²⁷.

Ещё одним типом синтаксических конструкций являются побудительные, иногда осложнённые обращениями: *«Надо, Федя, надо: англичанин придумал мемуары русского гения»* («Известия», 19 декабря 2021). Статья с таким заголовком повествует о книге Алекса Кристофи¹²⁸, представляющей вымышленную автобиографию писателя, в которой автор «пытается восполнить досадный пробел в библиографии Достоевского, так и не успевшего засесть за свои собственные воспоминания».

Интересно, что в качестве заголовка журналист использует прецедентное высказывание из кинофильма Леонида Гайдая «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» (1965 г.). О том, что речь в статье идёт о Достоевском, сообщает подзаголовок: *«Оригинальный подход к биографии Достоевского»*. Обращает на себя внимание обращение Федя: в известном фильме Федя – хулиган, тунеядец и алкоголик – произносит фразу, ставшую крылатой. В контексте статьи фраза переосмысливается,

¹²⁴ <https://roman-romets.livejournal.com/106316.html>, 16.04.2013

¹²⁵ <https://grani-ru-org.appspot.com/blogs>, 25.10.2012

¹²⁶ <https://spb.aif.ru/culture>, 16.10.2015

¹²⁷ <https://knife.media/canons-of-beauty/>, 23 мая 2021

¹²⁸ *Алекс Кристофи. Достоевский in love.* – Москва: Эксмо, 2021. – 352 с. – пер. с английского И.Н. Обаленской.

дефразеологизируется, и фамильярное обращение к Достоевскому *Федя* создаёт комический эффект. Заголовок не содержит элементов нарушения этики и демонстрирует ироническое отношение автора статьи к написанным англичанином мемуарам.

В качестве приёмов апелляции к прецедентным знакам выделяют *актуализацию* и *дискредитацию культурного канона* [Чемезова 2008]. Актуализация позволяет проектировать заданную информацию на смыслы прецедентного знака, а дискредитация задаётся введением прецедента в новый, иронически снижающий контекст: «*Черный юмор Достоевского: в Сыктывкаре вместо старухи-процентщицы “отрубили голову” курице / Студенты школы-студии МХАТ показали современную постановку “Преступления и наказания”*»¹²⁹. Апелляция к прецедентной ситуации как средство иронии и гротеска в данном медиатексте приводит к разрушению высокого культурного канона.

При составлении заголовка в аналитической прессе (в отличие от новостного заголовка) активно используются различные игровые приёмы и креативные средства, создающие его повышенную экспрессивность [Ремчукова, Апостолиди 2018: 659]. При этом могут использоваться цепочки прецедентов для создания заголовочных комплексов или подписей к иллюстрациям. Например, подкаст, в котором обсуждают роман «Преступление и наказание» озаглавлен так: «*Инструкция по убийству бабушек от Феди Достоевского*»¹³⁰ (Рисунок 4). В заголовке присутствует и прецедентный антропоним, и апелляция к прецедентной ситуации; текст статьи также включает в себя невербальные средства – изображение Достоевского в окровавленной рубашке и с топором в руках, на заднем плане – бабушки на скамейке. Медиатекст саркастичен и представляется не вполне корректным.

¹²⁹ <https://www.komi.kp.ru/daily/26957.7/4014255/>, 30 марта 2019

¹³⁰ <https://www.facebook.com>, 20 сентября 2019

ИНСТРУКЦИЯ ПО УБИЙСТВУ БАБУШЕК ОТ ФЕДИ ДОСТОЕВСКОГО

*сезон 1 серия 7
разбираем роман Федора Михайловича
Достоевского «Преступление и наказание»

Рисунок 4

4. Подзаголовки и лиды

Прецедентное имя может быть в минитексте заголовок как единичным, так и выступать в составе комплекса прецедентных феноменов, реализуя таким образом текстообразующую функцию. Эти единицы являются доминантными: *«Не твари дрожащие: или феномен Раскольникова в русском самосознании»*¹³¹. Заголовок содержит в себе прецедентное имя и связанное с ним трансформированное прецедентное высказывание. При этом текст самой статьи также изобилует прецедентными единицами, восходящими к тексту романа «Преступление и наказание».

Необязательным, но важным элементом статьи является подзаголовок: он должен соединять заголовок и текст публикуемого материала, тогда он является средством когезии, которая способствует правильной подаче информации: *«Бес взят / Константин Богомолов еще раз поставил Достоевского»*¹³²; *«Возомнив, что ему все позволено» / Почему московского градоначальника сочли зарвавшимся»*¹³³.

Таким образом, к типологии заголовков с точки зрения использования в них прецедентных знаков можно подойти с разных сторон: с точки зрения

¹³¹ <https://maxpark.com/user/1309235128/content/671508>, 10 февраля 2011

¹³² <https://www.kommersant.ru>, 29.12.2020

¹³³ <https://www.kommersant.ru>, 30.11.2019

структуры заголовка, его функций и функций прецедентного знака в нём или типа прецедентной единицы.

При всём критическом отношении ко многим заголовкам, проанализированным в данном параграфе, необходимо отметить, что лингвистически и этически корректный прецедентный культурный знак в заголовках выполняет *информативную функцию*, т.к. прецедентный знак способствует компрессии смысла, *оценочную функцию*, если смысл заголовка раскрывается в статье, а также *аттрактивную*, связанную с *функцией языковой игры*.

ВЫВОДЫ

– использование методов и базы корпусной лингвистики для выборки прецедентов предполагает обращение к разным корпусам: обращение к газетному подкорпусу НКРЯ является недостаточным, что связано с ограниченностью изданий, недостаточностью материалов социальных медиа, отсутствием текстов 2021–2022 годов. В то же время алгоритм поиска, предложенный ресурсами НКРЯ, позволяет вводить запросы для поиска контекстов с целью обнаружения трансформаций прецедентного знака;

– с помощью НКРЯ как инструмента корпусной лингвистики выявляется частотность тем и образов произведений Достоевского: *самые цитируемые – обладающие средней степенью цитируемости – «единичные»*, а также выявить типы и способы трансформаций прецедентных онимов (антропонимов и хрематонимов) и прецедентных высказываний;

– в современной науке отсутствует единая классификация функций прецедентных знаков, что отчасти объясняется многообразием терминологического ряда; несмотря на это важнейшими функциями прецедентов большинство исследователей считают функцию воздействия, аттрактивную, информативную, юридическую, в качестве дополнительных выделяют эвфемистическую и эстетическую;

– для современных медиатекстов важной является функция оценки, т.к. усиление личностного начала медийного текста предполагает личный отклик автора на социально значимые события; в аналитических текстах преобладает *интеллектуально-образная* оценочность, а в социальных – *эмоциональная*;

– комбинации этих функций наиболее ярко проявляются в заголовке как особом медиажанре, обладающем свойством синтаксического минимализма; заголовок как «минитекст» входит в заголовочный комплекс, и культурный знак в нём в той или иной степени связан с основным текстом;

– в заголовках как сильной позиции текста наиболее отчётливо проявляются разные типы трансформации прецедентных знаков – структурные, семантические и смешанные (структурно-семантические); часто в заголовках прецедентный культурный знак становится объектом языковой игры.

ГЛАВА 3. ТИПЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЗНАКОВ И СПОСОБЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

3.1. Трансформация как способ реализации и адаптации культурного знака в медиакультуре

Как было показано выше, процесс идентификации и декодирования прецедентных знаков неразрывно связан с **типом трансформации**, которой подвергся прецедент. Настоящий раздел предполагает описание прецедентных феноменов разного типа именно в этом аспекте. Следовательно, представляется целесообразным представить некоторые известные классификации по типологии трансформаций, выделив те типы, которые актуальны для нашего исследования. Сразу отметим, что работ по типу трансформации прецедентных знаков достаточно много, однако большинство выделенных в них типов совпадают. Случаи различия обусловлены или синонимичностью терминологии, или использованием новых терминов, или выделением дополнительных типов трансформаций, что не всегда, на наш взгляд, оправдано. Подробный анализ научной литературы не входит в нашу задачу. Поэтому остановимся лишь на некоторых положениях, значимых для нашего исследования.

Так, А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко выделяют следующие типы трансформаций: 1) структурно-семантический; 2) семантический [Мелерович, Мокиенко 2001].

Структурно-семантическая трансформация представляет собой смысловое преобразование, сопряжённое с изменением лексического состава и/или грамматической формы прецедентных высказываний. Существует многообразие классификаций структурных трансформаций исходного прецедентного знака, но мы в своей работе опираемся в основном на типологию Д.Б. Гудкова, в которой выделяется **4 типа трансформации** прецедентных феноменов [Гудков 2003: 209].

1. Замещение компонентов (лексическая субституция)

2. Усечение компонентов.
3. Контаминация – соединение двух или нескольких прецедентных высказываний в одно.
4. Добавление (расширение состава) – к исходной единице добавляется несколько новых компонентов, на которые и падает основная смысловая нагрузка.

Все эти разновидности широко представлены в нашем материале.

Одним из самых распространённых видов структурно-семантической трансформации является *субституция* – приём замены компонентного состава прецедентного высказывания. Данные нашего исследования (НКРЯ и другие корпуса: см. глава 2, параграф 2.1.) показывают, что субституция является наиболее распространённым типом трансформации (от общего массива анализируемых контекстов она составляет примерно 2/3). При этом, конечно, учитывается то, что она выступает часто в комбинации с другими трансформациями. Случаи субституции разнообразны, выделяются и её разновидности (которые будут представлены ниже в параграфе 3.2), а также её комбинации с другими видами трансформации; как нам представляется последняя разновидность (комбинация) достаточно частотна и отражает тенденцию к интенсивной и насильственной трансформации культурного знака ради неоправданной креативности и сомнительной языковой игры.

Именно лексическая субституция играет важную роль в «игровом поле медиа»: она наиболее частотна и даёт возможность внести в прецедентный знак новые актуальные смыслы, важные для содержания авторского текста, с одной стороны, с другой – так как её границы не являются определёнными, результатом лексической субституции может стать новое высказывание, созданное на основе прецедентного.

Таких примеров достаточно в новом жанре социальных медиа – интернет-меме, игровая специфика которых состоит в комбинации двух трансформаций – вербальной и невербальной. Так, на одном из них изображен сам писатель в эротическом «наряде» (полуголый торс, перетянутый ремнями)

с плеткой в руке. На вербальном уровне название романа трансформируется в высказывание «удовольствие и наказание» при помощи субституции. Смысл трансформации, обусловленный садомазохистским контекстом, понятен, этическая оценка такой мультимодальной игры, как мы полагаем, будет однозначной.

Несмотря на то, что большинство прецедентных феноменов претерпевают формальные трансформации внешнего характера, встречается довольно большое количество и таких, которые внешне остаются неизменными. Такие единицы прецедентности претерпевают содержательные (внутренние) изменения и относятся к **семантической трансформации**, которая представляет собой или семантическое, или семантико-стилистическое преобразование, не затрагивающее лексико-грамматическую структуру прецедентного высказывания. Отнесём сюда следующие приёмы, о которых говорит большинство исследователей:

- буквализация (общее значение прецедентного высказывания складывается из суммы буквальных значений его компонентов, прямое значение выступает на первый план);
- переосмысление (происходит коренное преобразование смыслового ядра, в результате чего прецедентное высказывание меняет своё первоначальное значение и приобретает новое);
- двойная актуализация (происходит актуализация двух оттенков смысла трансформированного прецедентного высказывания);
- метафоризация (происходит актуализация «стёртой» образности прецедентного знака).

Трансформации, которые осуществляются при помощи этих приёмов, будут представлены ниже в 3.2. и 3.3.

Нередко трансформация прецедентных культурных знаков происходит на уровне и структуры, и семантики одновременно. В этом случае можно говорить о **комплексной, или смешанной, трансформации** (И.В. Высоцкая, О.В. Фокина и др.), которая заключается в сочетании нескольких видов

преобразований, применённых к одному прецедентному высказыванию, что может привести к «распаду» изначальной конструкции, и трансформация приобретёт вид свободного высказывания, созданного на основе прецедентного: «*PR-слезинку-ребёнка* изобрели политические толкователи романа Ф.М. Достоевского»¹³⁴.

Заголовок «*Тварь дрожащей Британии*»¹³⁵ представляется удачным, т.к. он прозрачен с точки зрения самого прецедентного знака-клише, выполняет информативную и оценочную функцию (заголовок содержит прямую оценку Бориса Джонсона как премьер-министра Британии, а также самой Британии) и сопровождается изменением смысла и структуры прецедента за счёт отнесения компонентов словосочетания к разным лицам. В результате трансформации высказывание приобретает *двусубъектность* – и это представляется важным с точки зрения содержания статьи. В то же время анализ самого типа трансформации включает в себя указание на субституцию, усечение, переосмысление, характерное для семантической трансформации.

Важную роль играет и такой тип трансформации, как *смена коммуникативного типа высказывания* (в других классификациях – *изменение функциональной модальности*) [Высоцкая 2010, Рагимова 2011¹³⁶ и др.]. В анализируемых нами примерах наиболее часто обнаруживается смена модальности – утвердительной на отрицательную: «*Идея религиозных запретов – в самоограничении, в том, что если бог есть, то не все позволено*»¹³⁷; «*Если верить либеральным экономистам, то красота не спасет мир, но мелкие лавочники – наверняка*»¹³⁸. Другие варианты изменения коммуникативной модальности, например, переход утвердительного высказывания в вопросительное («*Может, стоит выбрать себе в*

¹³⁴ <https://alex-rozoff.livejournal.com/50758.html>, 25.06.2018

¹³⁵ <https://news-front.info/2018/03/29/tvar-drozhashhej-britanii-yuliya-vityazeva/>, 29.03.2018

¹³⁶ Рагимова Ф.С. Способы актуализации прецедентного высказывания в рекламном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2011. – 237 с.

¹³⁷ <https://www.kommersant.ru/doc/2670506>

¹³⁸ <https://vz.ru/columns/2006/3/27/27565.html>

*президенты топ-модель с пятым размером и ногами от шеи? Красота нас спасёт?»*¹³⁹) будут рассмотрены ниже (параграф 3.3).

Особым типом трансформации И.В. Высоцкая считает «транспозицию (нулевую трансформацию). Речь идёт о новом прочтении нетрансформированного прецедентного высказывания [Высоцкая 2013: 127–128]. Нам также представляется важным обратить внимание на каноническое цитирование, которое во вторичном контексте приобретает новые смыслы и предполагает новое прочтение в соответствии с авторским замыслом (в других классификациях данный тип рассматривается как семантическая трансформация): «*“Тварь ли я дрожащая или право имею?” или “Как мы искали справедливость в Республике Беларусь!”*»¹⁴⁰

Анализ типов трансформации показывает, что теория прецедентности, как отмечают исследователи, требует дальнейшего осмысления, упорядочения терминологии, совершенствования и развития. Известная классификация прецедентных феноменов (ситуация, текст, имя, высказывание) может быть дополнена, типы трансформации могут быть упорядочены. В нашем исследовании мы опираемся на классификацию Д.Б. Гудкова, дополненную некоторыми типами трансформаций из других классификаций (в частности, И.В. Высоцкой).

В параграфах 3.2–3.4. представим интерпретационный анализ трансформированных прецедентных знаков, которые является частью общего массива собранного материала. Задача интерпретационного анализа состоит в том, чтобы выделить:

- 1) тип трансформации
- 2) способ трансформации (семантический или лексико-грамматический механизм трансформации);
- 3) другие контекстуальные средства, которые способствуют актуализации смысла прецедентного знака и формируют его

¹³⁹ <https://news-front.info/2020/07/22/ukrainskij-kult-urodstva/>

¹⁴⁰ <https://yava-29.livejournal.com/51946.html>

оценочные коннотации (стилистическая окраска лексического окружения, знаки препинания, метафоризация и другие стилистические приёмы).

В данном случае для нас не является значимым сам тип прецедентного знака (заголовок/основной текст статьи, оним/высказывание) – их дифференциация была представлена в предыдущих главах.

3.2. Способы актуализации прецедентных имён

Среди прецедентных антропонимов со сферой-источником «Достоевский» и названий произведений, используемых в медиа в качестве прецедентных культурных знаков, наибольшей частотностью в медиа обладают следующие (см. Таблицу 2, в которой указан прецедентный знак со ссылкой на издание или сайт и год публикации, определён тип и средство трансформации, а также дана интерпретация прецедентного знака в контексте всей статьи.):

Таблица 2 – Востребованность с точки зрения массового цитирования
(по данным газетного корпуса НКРЯ и материалам ручной выборки)

1. Самые цитируемые
<ul style="list-style-type: none"> ▪ «Преступление и наказание» (Раскольников, Соня Мармеладова, старуха-процентщица) ▪ «Братья Карамазовы» (Смердяков, отец и сыновья Карамазовы) ▪ «Бесы» (Николай Ставрогин, Пётр Верховенский, Шатов, капитан Лебядкин) ▪ «Идиот» (князь Мышкин, Настасья Филипповна) ▪ «Униженные и оскорблённые»
2. Обладающие средней степени частотностью
<ul style="list-style-type: none"> ▪ «Бедные люди» (Макар Девушкин) ▪ «Подросток» (Аркадий Долгорукий и Версилов) ▪ «Записки из подполья» ▪ «Записки из Мёртвого дома»
3. «Единичные»
<ul style="list-style-type: none"> ▪ «Игрок» (топоним Рулетенбург) ▪ «Двойник» (титулярный советник Голядкин) ▪ «Село Степанчиково и его обитатели» (Фома Опискин, дворовый мальчик Фалалей) ▪ «Бобок», «Сон смешного человека», «Неточка Незванова», «Мальчик у Христа на ёлке», «Чужая жена и муж под кроватью», «Дядюшкин сон», «Скверный анекдот»

Общий объём прецедентных антропонимов и названий произведений, выступающих в качестве прецедентных знаков, составил более 1000 единиц. Проанализируем некоторые прецедентные знаки с точки зрения типа трансформации и той роли, которую играет трансформированный знак в контексте всей публикации (см. таблицы 3, 4).

3.2.1. Прецедентные антропонимы

Таблица 3 – Типы трансформаций прецедентных антропонимов с источником «Достоевский»

№	Пример	Тип трансформации / Способ трансформации	Интерпретация
	<i>В Донецке старушка погибла от рук «раскольникова» в юбке.</i>	Структурный / пунктуационный + морфологический (антономазия)	Прецедентное имя в характеризующей функции употребляется со строчной инициальной буквы (таких примеров употребления антропонима чрезвычайно много: при отборе материала для нашей работы вариант «раскольников» встретился нам более чем в 100 контекстах).
	<i>Приморский «Раскольников» убивал старушек ради браги. Батайский «Раскольников». Липецкий «Раскольников» расправился со старушкой.</i>	Структурный / пунктуационный + атрибутивный	Чрезвычайно распространены контексты, в которых определённый поступок или человек обозначен географически, т.е. наряду с прецедентным именем <i>Раскольников</i> используется топоним.
	<i>Новый Раскольников? Старый Раскольников нынешним не чета. У каждой эпохи свой Раскольников: из какой среды появился лубянский стрелок.</i>	Структурный / атрибутивный	Использование при прецедентном антропониме определений «новый», «свой», «старый», «современный» придают имени особый смысл, свидетельствующий об актуальности прецедентного имени, а также событий и явлений с ним связанных.

<p><i>К власти всё-таки пришли нигилисты, «новые Ставрогины», и Россия вновь захлебнулась кровью, да такой, что потери Первой мировой кажутся цветочками¹⁴¹.</i></p> <p><i>О поправках, а также обобщённый новый Смердяков со своей паствой как продукт наших СМИ¹⁴²</i></p>		
<p><i>Колумнист New York Times: Трамп наивен и эгоистичен, как Родион Раскольников.</i></p> <p><i>Уральский Раскольников... И при чем тут Ройзман?¹⁴³</i></p> <p><i>Ефремов хочет в тюрьму, у него синдром Раскольникова¹⁴⁴.</i></p>	<p>Структурный / эксплицитное и имплицитное сравнение</p>	<p>Прецедентный антропоним <i>Раскольников</i> используется в метафорическом значении, в качестве «символа» определённых качеств, событий. Введение прецедентного имени в состав сравнительного оборота позволяет актуализировать личностно-психологические качества известных людей, а также выразить отношение автора к ним:</p> <ul style="list-style-type: none"> – наивность и эгоизм Раскольникова – у Трампа; – актуализация прецедентной ситуации убийства старухи-процентщицы (о чём сообщает подзаголовок статьи: «<i>Депутату гордумы Екатеринбурга и экс-соратнику Ройзмана Олегу Киневу предъявили обвинение в организации убийства</i>

¹⁴¹ https://aif.ru/culture/person/pisatel_na_vyrost_pochemu_k_ponimaniyu_dostoevskogo_prihodyat_ne_srazu, 11.11.2021

¹⁴² Журнал Прибайкалье, 27 марта 2020

¹⁴³ <https://novayagazeta.ru>, № 84 от 1 августа 2014

¹⁴⁴ <https://iz.ru>, 12 августа 2020

			<p>пенсионерки»);</p> <p>– попытки Раскольникова признаться в убийстве метафорически обыгрываются в виде лексемы «синдром», и этот синдром приписывается Михаилу Ефремову, который признал свою вину в совершённом ДТП со смертельным исходом.</p>
	<p><i>Россия – это и есть вечный “Раскольников”, распинающий себя на кресте собственного покаяния. Мы – снова великие и нас все боятся</i>¹⁴⁵</p>	Семантический / пунктуационный	<p>Имя Раскольникова употребляется в значении ‘раскаявшийся грешник’. Такое употребление менее частотно (по сравнению со значением ‘Раскольников = убийца’) и свойственно аналитической прессе</p>
	<p><i>Наши двадцать первый век кишит Раскольниковыми и Свидригайловыми. А чего стоит один из последних примеров – ученый-историк Соколов, мнящий себя Наполеоном и расчленивший свою молодую жертву. Тут уже не Достоевский, а скорее достоевщина</i>¹⁴⁶;</p> <p><i>У Диккенса, кстати, работают почти все</i></p>	Структурный / морфологический	<p>Употребление в медиатексте имён собственных в форме множественного числа свидетельствует об их прецедентном характере.</p> <p>Употребление имён собственных в форме множественного числа указывает на совокупность каких-либо признаков прецедентного имени и указывает на «типичного представителя той или иной социальной или профессиональной группы».</p>

¹⁴⁵ <https://maxpark.com/user/1309235128/content/671508>, 10.02.2011

¹⁴⁶ «Московский комсомолец», 21.01.2020

<p><i>персонажи. Подростки-сироты кормят себя и младших стиркой. Девушки-сестры пекутся о семьях. Его «разумихины» – моряки, архитекторы, врачи, инженеры. На решение «последних вопросов» у них как-то нет времени¹⁴⁷.</i></p>		
<p><i>Съесть “Родиона Раскольников”: в меню сурового сибирского ресторана 12 видов brutальных бургеров»¹⁴⁸</i></p>	<p>Семантический / метонимия</p>	<p>В меню бургерной «МЯСОРООВ» в Красноярске присутствует бургер «Родион Раскольников», который подают на стилизованном топоре. На употребление прецедента в переносном значении (на основе метонимии) указывает графический признак – кавычки.</p>
<p><i>Доктор, опер и студент</i></p>	<p>перифраз</p>	<p>Прецедентный антропоним <i>Раскольников</i> заменяется словом <i>студент</i> или словосочетанием <i>студент с топором</i>. В статье с таким заголовком речь идёт о трёх сериалах, транслирующихся каналами «Первый» и «Россия» («Личная жизнь доктора Селивановой», «Ликвидация» и «Преступление и наказание» соответственно).</p>

¹⁴⁷ <https://novayagazeta.ru/articles/2011/10/05/46176-171-strashno-byt-aleshey-karamazovym-133-187>

¹⁴⁸ <https://news.myseldon.com/ru/news/index/199254264>, 23.11.2018

<i>В гости к Соне Мармеладовой. Гид по петербургским борделям XIX века</i> ¹⁴⁹ .	семантический	Прецедентный антропоним <i>Соня Мармеладова</i> становится в статье, которая имеет экскурсионный характер и связана с историей Петербурга, неким собирательным образом публичной женщины. Такое использование широко известного прецедентного онима является, на наш взгляд, неэтичным.
<i>Князь Мышкин избавился от припадков</i> ¹⁵⁰ .	Метонимический перенос	Статья о лечении генетических форм эпилепсии, основанном на исследовании «подвида лабораторных мышей», которых назвали « <i>мышами Мышкина</i> » на основании того, что они обладают ярко выраженным дефектным геном, вызывающим у них эпилепсию. Связь заголовка с подопытными мышами обнаруживается в подзаголовке: « <i>Разгадка тайны болезни Петра Первого, Наполеона и Ван Гога – эпилепсии – не за горами: последние исследования позволили вызывать и предотвращать эту болезнь у мышей на генетическом уровне</i> ». Кроме того, в лиде присутствует невербальное средство, актуализирующее смысл заголовка – изображение мыши.
<i>Но Федор Михайлович понимает, что Мышкин – человек приболевший, русский и, конечно же, нежно, нервно, сильно и возвышенно связанный</i>	семантическая	При интерпретации образа князя Мышкина чаще всего обнаруживаются значения ‘идиот’, ‘эпилептик’, но в ряде случаев контексты реализуют значения ‘божий человек, юродивый, чудака’ ¹⁵² .

¹⁴⁹ <https://luna-info.ru/discourse/marmeladova/>

¹⁵⁰ https://web.archive.org/web/20090925164405/http://www.gazeta.ru/science/2009/08/08_a_3234502.shtml

¹⁵² «Положительно прекрасный человек» Мышкин предстаёт в виде «идиота», «чудака», «дурака», «юродивого», «сумасшедшего», «олуха», «пентюха» и т. п.» [Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2008. С. 95].

<p><i>с Христом. Я бы сказал, что это – посланец, который исполняет какую-то миссию и остро чувствует ее. Человек, заброшенный в этот перевернутый мир. Юродивый. И тем самым святой¹⁵¹.</i></p>		<p>В данном фрагменте интервью с художественным руководителем Государственного Пушкинского театрального центра и театра «Пушкинская школа» Владимиром Рецепттером эксплицитно актуализируется значение юродства, что выражено лексемами «приболевший», «юродивый», «святой».</p>
<p><i>Христос – Лев Иудеи или Мышь человечества?¹⁵³</i></p>	<p>Структурно-семантическая трансформация</p>	<p>Антонимические отношения имени и фамилии персонажа (Лев Мышкин) иронически обыгрываются в тексте, сохраняя характер амбивалентности, что демонстрирует текст статьи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – образ Мышкина связан с образом Христа («Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. ... На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос»); – для свящ. Томаса Шпидлика, о котором и идёт речь в публикации, «божественная сила» – главное в Евангелии. «Мышкин не может исцелить умирающего Ипполита, а “Наш – может!” Значит, Мышкин антихрист».
<p><i>Кунгуров – типичный представитель смердяковщины, бунтующего лакейства. Смердяковщина, это особая разновидность</i></p>	<p>Словообразовательная Прецедентный антропоним</p>	<p>В качестве аргумента распространено употребление прецедентных антропонимов и производных от них:</p> <p>В приведённом примере сравнение Кунгурова со Смердяковым позволяет выявить исторические параллели, которые оказывают влияние на оценку современной политической ситуации.</p>

¹⁵¹ <https://rg.ru/2016/07/13/vladimir-recepter-krasota-eto-ne-odnorazovyj-shpric.html>, 13.07.2016

¹⁵³ <https://yakov-krotov.livejournal.com/1635750.html>, 7 февраля 2013

<p><i>шовинизма/руссофобии, направленная на свой собственный социальный класс / нацию / биологический вид / иного рода группу</i>¹⁵⁴.</p>	<p>выступает мотивирующим словом</p>	<p>Прецедентное имя Смердяков употребляется как символ руссофобии, что подтверждается развёрнутой аргументацией, выраженной лексемами <i>«шовинизм, оппозиционер, извращённое тщеславие, жалкий раб»</i> (обратим также внимание на то, что в тексте статьи лексема <i>раб</i> выделена капитализацией, что усиливает её экспрессивность и оценочность).</p>
<p><i>«Смердяков как герой нашего времени»</i>¹⁵⁵</p>	<p>Семантический</p>	<p>Автор публикации рассуждает о руссофобских настроениях в обществе, особенно – в политической среде, прямо называет отдельных политиков современными Смердяковыми, аргументируя свою позицию в том числе с помощью фраз персонажей из романа: <i>«Именно поэтому Кунгуров – это Смердяков нашего времени, который презирает и ненавидит русских людей, ненавидит всю Россию»</i> (грамматическая трансформация фразы Смердякова <i>«Я всю Россию ненавижу»</i> – прим. наше).</p>
<p><i>Юмор висельников. Федька Каторжный шутит</i>¹⁵⁶.</p>	<p>Семантический</p>	<p>Статья посвящена комическим сюжетам в произведениях Достоевского. Как пишет автор публикации, <i>«Богоискательство и богоборчество, святые проститутки и чистые сердцем отцеубийцы, верующие нигилисты и монахи-атеисты: в этом жутковатом мире, словно бьющемся в непрерывных судорогах, замаскирован непревзойденный юмор Ф.М. Достоевского»</i>. Внимание привлекает именно сочетание</p>

¹⁵⁴ <https://newsland.com/user/Aregul/content/smerdiakov-kak-geroi-nashego-vremeni/6646026>, 10.02.2019

¹⁵⁵ <https://maxpark.com/community/politic/content/6646019>, 10 февраля 2019

¹⁵⁶ <https://newsland.com/user/3163008919/content/iumor-viselnikovfedka-katorzhnyi-shutit/482939>, 02.04.2010

			несочетаемого: комические, остроумные фразы и «мрачные, вызывающие страх» произведения. Для заголовка неслучайно был выбран персонаж романа «Бесы» Федька Каторжный – беглый разбойник, который грабит, убивает.
	<i>Угловой жилец. Петербургские адреса Федора Достоевского</i> ¹⁵⁷	Структурно-семантический / метафора	Автор статьи рассказывает о том, что для жизни в Петербурге Достоевский выбирал угловые квартиры. В них же были написаны многие из его произведений, например: <ul style="list-style-type: none"> – в доме на углу Владимирского проспекта и Графского переуллка был написан роман «Бедные люди»; – в доме на пересечении Малой Мещанской и Столярного переуллка писатель создаёт «Преступление и наказание» и работает над «Игроком»; – в доме на углу Лиговского проспекта и Гусева переуллка написал роман «Подросток»; – в доме на Кузнечном переулке на углу с Ямской улицей, теперь носящей имя Достоевского, где располагается музей-квартира писателя, создавались «Братья Карамазовы».
	<i>Михаил Бударагин: Вирус ФМД</i> ¹⁵⁸	Структурно-семантический / усечение имени путём	В заголовке используется сложносокращённая номинация – имя писателя подвергается аббревиации, что довольно часто можно встретить не только в медиатекстах, но и в научных работах. Помещение аббревиатуры в контекст со словом «вирус» необычно: автор статьи таким образом даёт оценку роли

¹⁵⁷ https://spb.aif.ru/culture/person/uglovoy_zhilec_peterburgskie_adresa_fedora_dostoevskogo, 11.11.2016

¹⁵⁸ <https://vz.ru/columns/2014/2/7/671403.html>, 7 февраля 2014

		инициальной (буквенной) аббревиации	творческого наследия Достоевского. Эта идея раскрывается в лиде: <i>«9 февраля умер Федор Михайлович Достоевский, единственный русский классик, кроме Пушкина, которого можно не читать. Нужно не читать. Нельзя читать. Он и так у нас в крови, как вирус, который научился адаптироваться».</i>
	<i>Артист-парадоксалист / Умер Виктор Гвоздицкий</i> ¹⁵⁹	Структурно-семантический	Некролог сообщает о смерти народного артиста России Виктора Гвоздицкого, одной из знаменитых ролей которого был Парадоксалист в спектакле Камы Гинкаса «Записки из подполья» в конце 1980-х годов. Заголовок выполняет информативную функцию, поскольку сообщает об актёрской профессии и сыгранной известной роли. Кроме того, автор текста публикации обыгрывает слово «парадоксалист», выражая свою оценку творческому дарованию актёра: <i>«Его [Виктора Гвоздицкого] игра всегда была парадоксальной, в ней необычайным образом сочетались какая-то праздничная легкомысленность и знание мрачной изнанки жизни».</i>
	<i>Парадоксальность подпольного русского человека в отношении к элите “лишних людей”</i> ¹⁶⁰	Структурно-семантический / контаминация	В заголовке соединяются варианты имени одного и того же персонажа повести «Записки из подполья» – <i>Подпольный человек = Парадоксалист</i> . При этом от имени собственного образовано абстрактное существительное <i>парадоксальность</i> , а <i>«подпольный человек»</i> деонимизируется и становится собирательным образом русского человека.

¹⁵⁹ <https://www.kommersant.ru/doc/767338>, 22.05.2007

¹⁶⁰ <https://moj-golos.livejournal.com/5000851.html>, 31 августа 2018

3.2.2. Названия произведений

Таблица 4 – Типы трансформации названий произведений Ф.М. Достоевского

Трансформированные			
№	Пример	Тип трансформации	Интерпретация
«Преступление и наказание»			
	<i>Наказание без преступления</i> ¹⁶¹	перестановка компонентов высказывания	Замена союза <i>и</i> на предлог <i>без</i> (замена сочинительного сочетания на подчинительное – с предложным управлением) в заглавии романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» частично изменила синтаксическую модель номинации, но не привела к формированию необходимого смысла. Вполне можно предположить, что в статье с таким заголовком речь идёт о судебном деле, несправедливо вынесенном приговоре, в то время как публикация посвящена присуждению технического поражения футбольной команде в матче за нарушение регламента.
	<i>Преступление за наказание</i> ¹⁶²	субституция (замена союза <i>и</i> предлогом <i>за</i>)	В отличие от предыдущего примера замена союза <i>и</i> предлогом <i>за</i> не только меняет синтаксическую конструкцию, но и приводит к нарушению причинно-следственных связей, что соответствует содержанию статьи: восьмиклассник из отцовского ружья расстрелял родителей из-за того, что его

¹⁶¹ <https://novayagazeta.ru/articles/2011/04/14/6065>

¹⁶² <https://iz.ru/news/295458>

			наказали за неуспеваемость. Такой заголовок (несмотря на страшное событие, о котором идёт речь в статье) представляется нам удачным, так как отражает содержание публикации.
	<i>Преступления без наказания: с чем сталкиваются женщины в современной Индии</i> ¹⁶³	замена союза <i>и</i> предложом <i>без</i>	Статья о положении женщин в индийском обществе, в котором они ежедневно становятся жертвами преступлений самого разного рода (от действий сексуального характера и убийств до традиционных для Индии многовековых ритуалов и обычаев – ритуалы самосожжения женщин после смерти супруга, невозможность повторного брака и ношение траурной одежды до конца дней, убийства младенцев женского пола и другое)
	<i>«Преступление на Казани»: Кому понадобилось сравнивать казанского стрелка с Раскольниковым</i> ¹⁶⁴	«полисемантика», основанная на актуализации омонимов (фоносемантическое сближение)	Статья о спектакле «Преступление и наказание», в центре сюжета которого – «казанский стрелок», устроивший стрельбу в одной из школ Казани. Трансформация названия романа Ф.М. Достоевского построена на паронимической аттракции субстантива <i>наказание</i> и предложно-падежной формы <i>на Казани</i> .
«Униженные и оскорблённые»			
	<i>Итак, Олимпиада. Какую задачу мы решим, участвуя в ней, как безродная скотина? Без</i>	семантическая	Высказывание генерал-майора ФСБ Александра Михайлова об участии в Олимпийских играх сборной России под нейтральным флагом без государственного гимна

¹⁶³ <https://ria.ru/20180807/1526060931.html>, 07.08.2018

¹⁶⁴ <https://life.ru/p/1429322>, 18 августа 2021

	<i>символов России, униженные и оскорблённые? Никакой <...>¹⁶⁵</i>		
	<i>Очевидно, что ваша героиня – униженная и оскорбленная страстотерница – образ России¹⁶⁶.</i>	грамматическая трансформация + расширение состава	Комбинация нескольких типов трансформации: расширение состава номинации и изменение морфологических признаков
	<i>Униженная оскорбленными¹⁶⁷</i> (подзаголовки статьи)	грамматическая	В статье описываются события, произошедшие в Иркутской области: одному из старейших иркутских вузов – Восточно-Сибирской государственной академии образования – силой навязывают ректора со стороны [Юлию Маланину]. Профессорско-преподавательский состав и студенты встали на защиту ректора академии: на расширенном заседании учёного совета присутствующие в зале категорично высказывались против назначения Ю. Маланиной с требованием отказаться от должности. Автор статьи называет профессорско-преподавательский состав вуза «глубоко оскорблёнными » решением о назначении нового ректора, а Маланину – выдержавшей « <i>принародную, безжалостную, унижительную экзекуцию</i> ». Таким образом, грамматическая трансформация прецедентного клише (сочинительная связь заменяется подчинительной) в подзаголовке публикации представляется нам оправданным, т.к. отражает содержание статьи.

¹⁶⁵ издание «Russia Today», 16 декабря 2019

¹⁶⁶ «Новая газета», 29.05.2017

¹⁶⁷ «Байкальские Вести», 2011.06.27

«Бесы»		
<p><i>Как же так, мать-Россия, как же допустила ты, что эти ироды управляли тобой, морили тебя голодом, разоряли и насиловали? Фёдор Михайлович! Разве ж в твоё время были “бесы”? То были бесенята. Бесы вот они, в этом вагоне.</i></p> <p>(В.В. Жириновский, «Последний вагон на север, 2016 год).</p>	<p>семантическая</p>	<p>Трансформация с образованием деривата, вступающего в отношения противопоставления с исходной лексемой, является одним из способов выражения авторской оценки описываемых событий и лиц: называя лиц диминутивом <i>бесенята</i>, передающим субъективно-оценочное значение ‘малая степень проявления какого-либо признака’, автор текста считает их более безобидными, менее опасными по сравнению с нынешними «бесами». Ср. значение лексем в толковом словаре: «<i>бесёнок</i>, мн. <i>бесенята</i> – 1. Маленький бес; сын беса; чертёнок. 2. Разг. О бойком, озорном ребёнке, шалуне или шалунье»; «<i>бес</i> – 1. По религиозным представлениям: злой дух, искушающий человека; нечистая сила, чёрт, дьявол. 2. Разг. О быстром, ловком или хитром, коварном, своенравном человеке» [БТС 2000: 72].</p>
<p><i>Испытание Достоевским: как в России бесы становятся мракобесами / Почему наш XXI век кишит Раскольниковыми и Свидригайловыми¹⁶⁸.</i></p>	<p>структурно-семантическая</p>	<p>Аналогично предыдущему контексту: «<i>мракобес</i> – ‘ярый враг прогресса, культуры, просвещения, науки; реакционер, обскурант’» [БТС 2000: 561]</p>
<p>“Бесы” попутали</p>	<p>семантическая трансформация</p>	<p>Заголовок статьи представляет собой трансформированный при помощи формы множественного числа фразеологизм. При этом лексема <i>бесы</i> взята в кавычки именно потому, что отсылает к названию романа, что и актуализирует содержание статьи (о</p>

¹⁶⁸ «Московский комсомолец», 21.01.2020

			продаже экземпляра романа «Бесы», который оказался «букинистическим мифом»).
<i>Екатерина Сальникова: Мелкие «Бесы»</i> ¹⁶⁹	расширение состава прецедентного высказывания		Рецензия Екатерины Сальниковой на сериал «Бесы» режиссёра Феликса Шультесса. Автор использует название романа в каноническом виде, однако помещает в контекст с оценочным прилагательным <i>мелкие</i> , выражая своё отношение к фильму, что подтверждается текстом самой статьи: <i>«Нечто на уровне пустоватого дипломного спектакля по чужой классике. <...> В целом сериал получается выставкой богатой артистической фактуры, которую режиссер так и не смог насытить хоть каким-нибудь внятным содержанием».</i> Кроме того, такой заголовок отсылает к названию романа Фёдора Сологуба «Мелкий бес».
«Идиот»			
(1) <i>Чтобы стать «Идиотом», Миронов похудел на 10 кг;</i> (2) <i>Евгений Миронов – «идиот» нашего времени;</i> (3) <i>Идіотъ в вашем доме;</i> (4) <i>Богомолов решил стать идиотом</i>	семантическая трансформация		(1), (2) Об экранизации романа «Идиот» с Евгением Мироновым в главной роли. (3) Об экранизациях произведений Ф.М. Достоевского: о показе сериала «Идиот» на телеканале «Россия». (4) В статье сообщается о постановке на сцене «Ленкома» спектакля «Князь», в котором К. Богомолов сыграл главную роль – князя Мышкина. Обращает на себя внимание различие в написании лексемы <i>идиот</i> : кавычки и написание с заглавной буквы (примеры 1, 2),

¹⁶⁹ <https://vz.ru/columns/2007/12/23/133578.html>, 23 декабря 2007

			а также с использованием дореволюционного алфавита (пример 3) способствуют актуализации онима как прецедентного, отсылая к произведению; а написание без кавычек со строчной буквы (пример 4) создаёт возможность двойного прочтения заголовка, не вполне этичного.
	<i>Село Степанчиково без обитателей</i> ¹⁷⁰	лексическая субституция	Замена союза <i>и</i> на предлог <i>без</i> в заглавии романа «Село Степанчиково и его обитатели» изменяет синтаксическую модель; заголовок отражает содержание статьи, посвящённой проблеме урбанизации: когда все переселятся в города, кто останется в деревне?
	<i>Братки Карамазовы</i> ¹⁷¹	деривационная трансформация + семантическая	О спектакле «Братья Карамазовы» Льва Додина. Автор статьи использует в заголовке дериват <i>братки</i> , который выполняет оценочную функцию. При этом лексема обладает множественной мотивацией (<i>ласк. или уничиж. к брат</i>), что и реализуется контекстом статьи. 1. <i>фам.</i> обращение к лицу мужского пола: «По Додину <...> выяснится, что семья Карамазовых практически монолитна. <u>Хорошая, дружная семья</u> ». 2. <i>жарг., крим.</i> член преступной группировки: «Наконец-то не сюсю-мусю, не «русская душа нараспашку» <...> и не залито всё Алёшей, как патокой. <...> Додин <u>загнал всех в чёрную комнату и заставил разговаривать друг с другом</u>

¹⁷⁰ https://www.kvadrat.ru/articles/20151023_selo_stepanchikovo_bez_obitateley, 23 ОКТЯБРЯ 2015

¹⁷¹ <https://bantaputu.livejournal.com/643409.html>, 28 мая 2021

			<i>репликами из разных эпизодов дела – как на перекрёстном допросе».</i>
	<i>Слова ничего не значат. Террористы, сепаратисты – бобок, бобок. Какие могут быть сепаратисты на территории, на которой нет государства?</i> ¹⁷²	семантическая	<p>Персонаж рассказа «Бобок» бродит по кладбищу и слышит разговоры мертвецов, которые способны издавать лишь «бессмысленные булькающие звуки “бобок, бобок, бобок”».</p> <p>В медиатексте бессмысленность этих звуков сравнивается со словами, которые произносят люди на тему политических событий: «Однако, чтобы все это воспринять, нужен соответствующий понятийный аппарат. Украинская элита его попросту не имеет. О гражданах и говорить нечего. Поэтому они произносят постоянно какие-то слова, а <u>изо ртов вылетают только мыльные пузыри</u>».</p> <p>Журналист, используя приём синтаксического параллелизма («террористы, сепаратисты – бобок, бобок»), эксплицитно выражает свою оценку: «Слова ничего не значат».</p>
	<i>Дядюшкин сон. Байден простит США?</i> ¹⁷³	семантическая	<p>Статья о том, что президент США Джо Байден уснул в ходе важных переговоров с премьером Израиля Нафтали Беннетом.</p> <p>Заголовок представляет собой полипредикативную конструкцию: первая часть – название повести Достоевского, которое иронично переосмысливается, на что указывает вторая часть «<i>Байден простит США?</i>».</p> <p>В повести дядюшка, князь К. – «господин весьма почтенного возраста», страдающий, по мнению горожан, старческим слабоумием.</p> <p>В тексте статьи персонаж сопоставляется с президентом США Джо Байденом, возраст которого вполне можно считать «почтенным»</p>

¹⁷² <https://vz.ru/columns/2014/7/17/695901.html>, 17 июля 2014

¹⁷³ <https://nsn.fm/policy/dyadushkin-son-baiden-prospit-ssha>, 29 августа 2021

			<p>(1942 г. р.); кроме того, Байден нередко становится объектом насмешек со стороны общественности¹⁷⁴.</p> <p>Обратим внимание и на то, что лексема <i>дядюшка</i>, употреблённая по отношению к Байдену, отсылает к знаменитой фразе «<i>дядя Сэм</i>» – образу, который традиционно ассоциируется с США (зачастую дядю Сэма изображают пожилым мужчиной). Использование этой фразы создаёт комический образ американского правительства, что и отражает содержание статьи.</p>
--	--	--	---

¹⁷⁴ В своём ли уме Байден: пять признаков деменции, которые можно найти у президента США (<https://www.kp.ru/daily/27380.5/4573670/>, 16.04.2022)
Невидимый суфлёр Байдена: кто управляет Америкой (https://tsargrad.tv/articles/nevidimyj-sufljor-bajdena-kto-upravljaet-amerikoj_531218, 18.04.2022)
Болезнь Альцгеймера или слабоумие. Конгрессмены США усомнились в адекватности Байдена (<https://www.gazeta.ru/politics/2022/02/09/14517061.shtml>, 09.02.2022)
«Выглядел как больной слабоумием»: Байдена снова высмеяли за чудачества (<https://www.mk.ru/politics/2022/04/15/vyglyadel-kak-bolnoy-slaboumiem>, 15.04.2022)

Несмотря на то, что антропонимы и онимы, использованные в названиях произведений, рассматриваются нами в одной группе (т.к. они относятся к зоне ономастики – в широком смысле) мы отмечаем существенные различия в механизмах их трансформации:

- прецедентные онимы как вторичные знаки подвергаются семантической трансформации, т.е. переосмыслению для обобщения, связанного или с метафорой, или с употреблением имени собственного в значении нарицательного. При этом написание с большой буквы, как правило, сохраняется; во многих случаях на наличие трансформации указывают кавычки. Распространённой моделью семантической трансформации антропонима, оформленной кавычками, является модель с определением-прилагательным, образованном от топонима («Балтийский Раскольников»);

- по отношению к антропониму *Раскольников* важной является актуализация значения прецедентного знака, связанного с более глубоким идеологическим содержанием образа (в отличие от предыдущих примеров, где синонимом этого антропонима является слово *убийство*). В этих случаях в отмеченной выше модели «определение + антропоним» употребляются прилагательные *новый, старый, свой, современный, вечный* («Вечный *Раскольников, распинающий себя на кресте собственного раскаяния*»). Кроме того, для употребления прецедентных антропонимов в сфере городской номинации характерна метонимия («*Родион Раскольников*» – бургер);

- прецедентный оним часто выступает в качестве производящих для обозначения абстрактных существительных (*смердяковщина*).

На основании проанализированных употреблений создаётся медиаобраз, отражающий лишь часть классического художественного образа.

Как видно из приведённых примеров, трансформации подвергаются названия, представляющие собой конструкции с сочинительной связью: по типу субституции соединительный союз заменяется противительным или предлогом. Кроме того, возможно изменение самого типа связи – сочинительной на подчинительную. Такие названия конструкций дают

возможность актуализации падежных значений (например, «*Униженная оскорблёнными*»).

Некоторые случаи находятся в приграничной зоне прецедентного знака: так, в выражении «*бесы становятся мракобесами*» можно видеть и переход номинации в существительное (форма множественного числа с обобщающим значением), и просто отсылку к собирательному образу романа.

Обращают на себя внимание случаи графической трансформации существительного *идиот*. На отсылку к названию романа указывают контексты типа «*Евгений Миронов – идиот нашего времени*», к пограничным можно отнести «*Богомоллов решил стать идиотом*».

3.3. Прецедентное высказывание

Трансформации прецедентных высказываний обладают большим разнообразием.

В данном параграфе продемонстрируем некоторые способы актуализации и трансформации прецедентных высказываний, обладающих наибольшей частотностью в профессиональных и социальных медиа, которые мы называем «прецедентными клише»:

- *тварь я дрожащая или право имею*
- *красота спасёт мир*
- *Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей*
- *Если Бога нет, всё позволено,*

а также проанализируем несколько контекстов с менее частотными прецедентными единицами (см. Таблицу 5).

Таблица 5 – Типы и способы актуализации прецедентных высказываний с источником «Достоевский»

Трансформированные			
№	Прецедентное высказывание	Тип трансформации	Интерпретация
«тварь я дрожащая или право имею»			
	<p>(1) <i>Тварь я дрожащая или право имею?</i>¹⁷⁵;</p> <p>(2) <i>Тварь ли я дрожащая или право имею / На вопрос отвечает юрист Андрей Трофимов</i>¹⁷⁶</p>	<p>семантическая / «нулевая транспозиция»</p> <p>на основе приёма «полисемантики»</p>	<p>(1) В статье речь идёт о недовольстве интернет-пользователей нарушением их прав, а также о пределах применимости цензуры в условиях информационного общества.</p> <p>(2) Статья юридического характера с ответами на вопрос: «<i>Какие права имеют жильцы многоквартирного дома на придомовую территорию?</i>».</p> <p>С одной стороны, в обоих заголовках сохранена синтаксическая структура и лексическое наполнение прецедентного высказывания, с другой – содержание статьи актуализирует новый смысл фразы, чему способствует многозначность слова <i>право</i> – происходит смещение семантики: от <i>право</i>₁ 'совокупность моральных норм, правил поведения' в сторону <i>право</i>₂ 'предоставляемая законами государства свобода, возможность действовать, осуществлять что-л. или пользоваться чем-л.' [БТС 2000: 953].</p>

¹⁷⁵ http://www.chaskor.ru/article/tvar_ya_drozhashchaya_ili_pravo_imeyu_32118

¹⁷⁶ <https://don24.ru/radio/yuridicheskiy-likbez/tvar-li-ya-drozhaschaya-ili-pravo-imeyu.html>, 04 июня 2021

<p><i>Тварь ли я дрожащая или права имеющий: Почему в Молдове только каждый третий сдаёт на водительские права, а остальные бесследно исчезают</i>¹⁷⁷</p>	<p>структурно-семантическая / полисемантика + грамматическое выравнивание</p>	<p>«Полисемантичность» позволяет совместить информативную составляющую с экспрессивной.</p> <p>При этом в зону актуализации попадает явление лексикализации форм множественного числа слова <i>право</i> (<i>право</i> – <i>Singularia tantum</i> и <i>права</i> – <i>Pluralia tantum</i>).</p>
<p><i>Тварь я дрожащая или метро имею</i>¹⁷⁸</p>	<p>лексическая субституция</p>	<p>Статья об открытии станции «Достоевская» московского метрополитена, для дизайна которой оформители выбрали из произведений писателя несколько особенно мрачных эпизодов. Такая трансформация (как и текст самой статьи) указывает на критическое отношение автора статьи к выбору средств художественного оформления станции метро: «С насилем, правда, все в порядке, особенно повезло пилону с “Преступлением и наказанием” – с одного края Раскольников, прикончив валяющуюся тут же проценщицу, замахивается топором на её сестру, а сразу за углом как-то торжественно стреляется Свидригайлов».</p>
<p><i>Тварь дрожащая и право имеющий</i>¹⁷⁹</p>	<p>лексическая субституция + грамматическая трансформация</p>	<p>Данный заголовок являет собой пример трансформации высказывания по «грамматическому выравниванию»: личная форма глагола <i>имею</i> заменяется причастием, а</p>

¹⁷⁷ <https://www.kp.md/daily/27151.5/4248509/>, 7 июля 2020

¹⁷⁸ <https://www.kommersant.ru/doc/1391398>

¹⁷⁹ https://echo.msk.ru/blog/nikolay_kofyrin/2240146-echo

			разделительный союз – соединительным. В результате такой трансформации образуются два словосочетания атрибутивного типа, соединённые сочинительной связью, и эта однородность позволяет противопоставить их по смыслу, о чём речь и идёт в статье. Заголовок помещён в серьёзный политический контекст рассуждения о ценности человеческой жизни, о праве жертвовать жизнями сотен людей ради ликвидации одного террориста
	<i>Тварь ли я дрожащая</i> ¹⁸⁰	усечение высказывания	Статья журналиста и политолога Максима Шевченко про феномен Брейвика – норвежского террориста, организатора и исполнителя серии террористических актов, в результате которых погибло несколько десятков и ранено несколько сотен людей. Усечение второй части прецедентного высказывания не изменило его семантики, потому что предполагается, что адресат обладает достаточным уровнем лингвистической компетенции и знает цитату.
	<i>Тварь дрожащая или право имею: откуда берутся террористы нового типа</i>	расширение высказывания	Прецедент употребляется в заголовке аналитического характера в качестве аргумента и как способ интеллектуального обобщения информации, сохраняя исходную смысловую нагруженность.

¹⁸⁰ <https://vz.ru/opinions/2011/8/1/511542.html>

<p>“Тварь ли я дрожащая или <u>антитела</u> имею”: власти Ставрополя пиарят вакцину от коронавируса с помощью классиков литературы¹⁸¹</p>	<p>лексическая субституция</p>	<p>Баннер с трансформированным прецедентным высказыванием в Ставрополе как часть агитационной кампании по вакцинации. Замена компонента прецедентной единицы представляется не вполне корректной.</p>
<p><i>Тварь я дрожащая, или плед принесёте?</i> <i>Тварь я дрожащая, или отопление дадут?</i> <i>Тварь я дрожащая, или пуховик надену?</i> (вербальная часть интернет-мемов)</p>	<p>лексическая субституция + буквализация</p>	<p>Фраза «<i>тварь я дрожащая</i>» актуализирует прямое значение лексемы <i>дрожать</i> – ‘испытывать дрожь, трястись от холода’, что конкретизируется заменой второй части прецедентного клише</p>
«Красота спасёт мир»		
<p><i>Красота спасёт мир... наружной рекламы</i>¹⁸²</p>	<p>добавление компонентов высказывания</p>	<p>Многоточие в заголовке с прецедентным знаком употреблено в функции паузы перед новым компонентом высказывания, достигая при этом эффекта неожиданности, что порождает новый смысл, так как слово <i>мир</i> меняет своё значение: мир₁ как ‘всё, реально существующее на Земле, проявляющееся в её жизни’ и мир₂ как ‘область, сфера действительности’ [БТС 2000: 544–545]. Такое</p>

¹⁸¹ «Блокнот», 17.05.2021

¹⁸² https://re-port.ru/press/krasota_spaset_mir_naruzhnoi_reklamy, 04.09.2015

			семантическое сужение позволяет помещать фразу в бытовой контекст, что очень распространено в современной рекламе.
	Макаревич раскритиковал выросших на его песнях фанатов из-за позиции по Крыму. / <i>«Плохо слушали? Говорите, красота спасёт мир? Ни хера она его не спасёт»</i> , – высказался он ¹⁸³	изменение модальности высказывания	Использование прецедента в контексте с обценной лексикой является грубым нарушением лингвоэтики.
	<i>Но массовое убийство скота вызовет голод, а за ним всё остальное по списку Шваба со товарищи. Может, именно поэтому россияне вступились за «мир во всем мире». Но, походу, <u>жадность</u> спасёт мир. Не красота¹⁸⁴.</i>	лексическая субституция + парцелляция + изменение модальности (противопоставление)	Трансформированное прецедентное высказывание <i>красота спасёт мир</i> выступает в качестве дополнительного аргумента и является своеобразным возражением самому писателю, для чего используется приём парцелляции. В статье используется также прецедентное имя <i>Клаус Шваб</i> как средство оценки трансгуманистических идей ¹⁸⁵ .
	<i>Коронавирус как будто заставляет нас заботиться <...> и о нашем самом</i>	лексическая субституция	В интервью парфюмер Матильда Лоран, рассказывая о своей работе над созданием нового аромата в условиях изоляции, говорит о том, какие уроки нам преподносит пандемия

¹⁸³ <https://lenta.ru/news/2019/03/18/makarevich/>, 18 марта 2019

¹⁸⁴ РИА «Катюша», 02.04.2021

¹⁸⁵ Шваб Клаус Мартин, Маллере Тьерри. COVID-19: Великая перезагрузка. – Издательство Forum Publishing, 2020. – 152 с.

<p><i>примитивном инстинкте – чутье, о котором мы редко даже задумываемся. Я говорю об обонянии. Мы стали осознавать, насколько оно значимо в нашей жизни. Я часто говорю, что обоняние спасёт мир, потому что я убеждена в этом¹⁸⁶.</i></p>		<p>коронавируса, и о важности обоняния как органа чувств. Далее Матильда Лоран даёт развёрнутое обоснование высказанной мысли, используя трансформированный прецедентный знак как средство убеждения: «<i>Обоняние – это чувство завтрашнего дня. Именно благодаря ему мы остаемся людьми. Поскольку зрение и слух – это чувства, связанные с рациональным, они являются чувствами, с помощью которых мы отдаляем себя от своих внутренних эмоций и переживаний. Искусственный интеллект видит и слышит лучше нас, да и физически он сильнее нас. Обоняние – единственное из пяти чувств, связанных в первую очередь с эмоциями. Следовательно, именно обонянием мы будем удерживать эмоциональный характер человеческой души, это чувство обращается к душе, а не к разуму. Обоняние – это чувство, которое будет сохранять человечность в людях. Информация, передаваемая через нос, не всегда воспринимается сознательно, но мы её фиксируем, хотя не всегда можем выразить словами. Это феромоны, это возможность чувствовать запах людей, которых мы любим, наших родителей, наших детей, и все это имеет жизненно важное значение</i>».</p>
<p>«Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей»</p>		

¹⁸⁶ <https://www.kommersant.ru/>, 07.10.2020

<i>Всегда есть добро со злом, а поле битвы – сердце человека</i> ¹⁸⁷	лексическая субституция	В заголовок статьи вынесена фраза, произнесённая протоиереем Димитрием Смирновым в интервью информационно-аналитическому изданию «Русская планета». Вероятно, в данном случае присутствует не трансформация, а неточное цитирование высказывания.
<i>В романах Достоевского дьявол постоянно борется с Богом</i> ¹⁸⁸	усечение второй части высказывания + неточное цитирование	Фраза из интервью литературоведа Марины Соловьевой о творчестве Достоевского и его «пророчествах»
«Если Бога нет, всё позволено»* (*фраза не является точной цитатой и как единая фраза в романе «Братья Карамазовы» отсутствует. Однако существует как прецедентное клише в следующих вариантах: «Если Бога нет, всё позволено »; «Если Бога нет, то всё позволено »; «Если Бога нет, значит , всё позволено »; «Если Бога нет, всё дозволено »; «Если Бога нет, то всё дозволено » и т. д.)		
<i>Украинская смердяковщина: от революции к массовому бандитизму / На Украине пробил час смердяковщины, поэтому теперь там “всё дозволено”</i> ¹⁸⁹ ; “Возомнив, что ему все позволено ” / Почему	усечение высказывания	Прецедентные знаки философского, абстрактного характера или названия произведений (в том числе трансформированные) могут употребляться в самых разных контекстах, в частности, в контексте оценки самых острых политических ситуаций.

¹⁸⁷ <https://pravoslavie.fm/interview/protoierey-dimitriy-smirnov-vsegda/>

¹⁸⁸ <https://iz.ru/1247928/daria-efremova/v-romanakh-dostoevskogo-diavol-postoianno-boretsia-s-bogom>, 11 ноября 2021

¹⁸⁹ «Альтернатива», 10.01.2016

<i>московского градоначальника сочли зарвавшимся</i> ¹⁹⁰		
Другие прецедентные высказывания		
<i>Достоевскому – от благодарных бесов</i> ¹⁹¹		<p>Точное авторство выражения не установлено. Согласно легенде, когда наркома просвещения А.В. Луначарского спросили, какую надпись сделать на памятнике писателю, он ответил: <i>«Достоевскому – от благодарных бесов»</i>.</p> <p>Фраза помещена в заголовок статьи в «Живом Журнале», текст которой представляет собой цитаты известных людей, крайне негативно относящихся к творчеству Ф.М. Достоевского (В. Ленин, А. Чубайс, В. Новодворская, А. Невзоров, Геббельс). <i>«Мне лично Достоевский глубоко неприятен каждой своей строкой, каждой, с позволения сказать, мыслью. Достоевский – человек городских помоек и сам человек-помойка»</i> (С.Л. Лопатников); <i>«На эту дрянь у меня нет свободного времени»</i>. <i>«Морализирующая блевотина»</i>, <i>«Покаянное кликушество»</i> (о «Преступлении и наказании»). <i>«Пахучие произведения»</i> (о «Братьях Карамазовых» и «Бесах»). <i>«Перечитал книгу и швырнул в сторону»</i> (о «Бесах»). <i>«Братьев Карамазовых» начал было читать, и бросил: от сцен в монастыре стошнило»</i> (В.И. Ленин) и другие.</p>

¹⁹⁰ <https://www.kommersant.ru>, 30.11.2019

¹⁹¹ <https://za-dergavy.livejournal.com/5541.html>, 28 января 2021

<p><i>Жил на свете Таракан, Таракан от детства...</i>¹⁹²</p>	<p>Семантическая трансформация</p>	<p>Фраза из стихотворения капитана Лебядкина, персонажа романа «Бесы», который является ярким воплощением образа графомана в русской литературе: <i>Жил на свете таракан, Таракан из детства... Но потом попал в стакан, Полный мухоедства...</i> Однако в статье первые строки стихотворения переосмысливаются и употребляются в прямом значении: речь идёт об описании тараканов как биологического вида, истории их появления на Земле, а также об обнаружении у них «индивидуальных личностных качеств и корпоративной солидарности».</p>
<p><i>САМОУБИЙЦЫ – 9. «Вино скотинит и зверит»</i>¹⁹³</p>	<p>усечение высказывания</p>	<p>Статья о развенчании мифов пользы вина. В качестве заголовка статьи журналист использует фразу Ф.М. Достоевского из «Дневника писателя» (1876): «<i>Вино скотинит и зверит человека, ожесточает его и отвлекает от светлых мыслей, тупит его перед всякой доброй пропагандой</i>».</p>
<p>Идеал Мадонны и идеал содомский*</p> <p>* <...> иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, <i>начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским</i>. Ещё страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала мадонны <...></p>		

¹⁹² <https://philologist.livejournal.com/10542564.html>, 27 октября 2018

¹⁹³ <https://uglov.tvereza.info/knihi/s/9.html>

<p>«Идеал Мадонский» и «идеал Содомский»¹⁹⁴</p>	<p>«грамматическое выравнивание» за счёт словообразовательной игры + семантическая трансформация</p>	<p>Статья рассказывает о скандальном концерте певицы Мадонны, в котором она использовала священные для христианина символы, появившись «распятой» на гигантском кресте и с терновым венцом на голове, что было воспринято общественностью как глумление над Распятием (символично, что концерт состоялся накануне праздника Воздвижения Креста Господня).</p> <p>Фраза восходит к известному монологу Дмитрия Карамазова об амбивалентности красоты, в котором он противопоставляет «идеал Мадонны» как модель человеческой личности, живущей в соответствии с требованиями христианского идеала любви и жертвенного служения ближнему «идеалу содомскому» – человеческой личности, строящей свои отношения с людьми и миром на основе индивидуализма и эгоизма, т.е. принципов, противоположных христианским. Это противопоставление отражается на уровне синтаксической связи между компонентами высказывания: сочинительный союз и выполняет роль противительного (что подтверждается полным контекстом из монолога Дмитрия Карамазова о том, что человек «начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским»).</p>
---	--	---

¹⁹⁴ <https://rusk.ru/st.php?idar=25602>, 01.02.2008

			<p>В контексте всей публикации формальное сохранение синтаксической структуры меняет характер сочинительной связи: противительный союз и становится соединительным, в результате чего компоненты прецедентного знака воспринимаются как тождественные (концерт Мадонны = Содом). Этой равнозначности способствует также образование от лексемы <i>Мадонна</i> прилагательного <i>Мадонский</i>, которое создаёт эффект синтаксического параллелизма. На наш взгляд, потенциальный дериват <i>Мадонский</i> выражает авторскую оценку и обладает пейоративной коннотацией.</p>
	<p>(1) Заголимся и обнажимся! (ибо Достоевский вечен)¹⁹⁵;</p> <p>(2) Заголимся и обнажимся!¹⁹⁶</p>	<p>семантическая</p>	<p>(1) В статье автор рассказывает о скандально известной швейцарской художнице, которая разделась в центре вокзальной площади г. Кёльна: «Она <u>бродит голая</u> везде, где можно засветиться <u>голой</u> под какой-нибудь повод».</p> <p>(2) Автор публикации критически оценивает стремление людей в жаркую летнюю погоду носить слишком открытую одежду.</p> <p>В рассказе Ф.М. Достоевского «Бобок» фразу «Заголимся и обнажимся!» произносят персонажи, подразумевая под этим говорить правду, ничего не утаивая от других (см. фрагмент рассказа: «<i>Но пока я хочу, чтоб не лгать. На земле жить и не лгать невозможно <...>; ну а здесь мы для смеху будем не</i></p>

¹⁹⁵ <https://mysea.livejournal.com/2900010.html>, 11.01.2016

¹⁹⁶ <https://dzen.ru/media/id/5b3b96f3a8204700a9b3f705/zagolimsia-i-obnajimsia-5b3dd8cf4f3fe700a9c4cc0d>, 5 июля 2018

			<p>лгать. <...> Мы все будем вслух <u>рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться</u>. <...> проживём эти два месяца в самой <u>бесстыдной правде!</u> Заголимся и обнажимся! – <i>Обнажимся, обнажимся!</i> – <i>закричали во все голоса</i>».</p> <p>В медиатекстах это прецедентное высказывание переосмысливается и реализует прямое значение глаголов <i>обнажиться</i> и <i>заголиться</i>: ‘снять с себя одежду; носить слишком открытую одежду’ [БТС 200: 675].</p>
	<p><i>«Бобок» – вот, по-моему, лучшее определение малаховских шоу. «Заголимся и обнажимся!» – призывают они телезрителей, вербуя всё новый «человеческий материал» к участию¹⁹⁷.</i></p>	<p>семантическая</p>	<p>Автор статьи критически оценивает многочисленные выпуски ток-шоу «Пусть говорят», посвящённые выяснению отцовства и т.д.</p> <p>Прецедентное высказывание в медиатексте выступает в роли некоего «лозунга-девиза» – отказ от нравственных норм, который демонстрирует публика подобных ток-шоу.</p>

¹⁹⁷ Газета «Завтра» <https://litvek.com/br/239461?p=28>

Необходимо отметить, что важную роль играет семантическая трансформация, т.е. цитирование канонического текста, который рассматривается за пределами литературоведческого анализа, а попадает в медиатекст, в котором семантически трансформируется в зависимости от позиции автора текста.

Прецедентные клише часто становятся предметом языковой игры, их переструктурирование является намеренным, очевидным.

Наиболее распространённым типом трансформации является лексическая субституция, которая сопровождается изменением модальности.

Особый интерес представляют прецедентные высказывания, которые связаны с менее известными произведениями («Подросток») или с менее тиражируемыми фразами (например, «жил на свете таракан...» – фраза из стихотворения капитана Лебядкина, или «идеал Мадонский» и «идеал содомский»), а также высказывания, связанные с именем великого человека (например, «Достоевскому – от благодарных бесов»¹⁹⁸).

3.4. Вербализованные прецедентные ситуации и прецедентные атрибуты имени

Прецедентные ситуации и атрибуты выделяются не всеми исследователями и могут быть отнесены к периферии прецедентности, с одной стороны, а с другой – их особенность состоит в том, что они являются следствием авторской рефлексии и требуют более творческого прочтения. По количеству и степени распространённости в медиатекстах они, конечно, уступают другим прецедентным знакам, находятся за пределами клиширования.

---

¹⁹⁸ авторство фразы приписывают Луначарскому

Таблица 6 – Способы актуализации прецедентных ситуаций с источником «Достоевский»

Трансформированные		
№	Пример	Интерпретация
	<p>(1) <i>Вилле Хаапасало мечтает зарубить старуху-процентщицу</i>¹⁹⁹;</p> <p>(2) <i>Не топором единым: в псковском театре дали по голове Фоме Опискину</i>²⁰⁰.</p>	<p>Заголовки демонстрируют связь сферы театра и кино с медиасферой.</p> <p>(1) О желании актёра сыграть роль Раскольникова в новой экранизации романа</p> <p>(2) О новом спектакле Псковского драматического театра, в котором причудливым образом сочетаются прецедентные знаки из разных произведений Достоевского (Фома Опискин из «Села Степанчикова и его обитателей» и топор как прецедентный атрибут – из «Преступления и наказания»). В спектакле Опискин получает по голове камнем – так режиссёр решил «наказать» персонажа за его самодурство и деспотизм (сцена отсутствует в самом романе). Автор статьи подчёркивает связь этой сцены с убийством старухи-процентщицы: <i>«А у Шерешевского самодур получает (наконец-то!) по голове: не топором, так камнем»</i>. Обращает на себя внимание включение прецедентного атрибута в состав библеизма <i>не хлебом единым</i>, значение которого распадается, дефразеологизируется.</p>
	<p><i>Не стоит забывать, что и место преступления находится недалеко от того дома, где персонаж Раскольников убил старуху-</i></p>	<p>В попытках оправдать преступление Олега Соколова (доцент СПбГУ, историк, убивший и расчленивший свою аспирантку – прим. наше) его адвокат в качестве «смягчающих обстоятельств» приводил фазы луны (<i>«обострение психических заболеваний связано с активностью Луны, – это медицинский факт»</i>), действия нечистой силы (<i>«в это время в мир выходит нечистая сила»</i>), а также непосредственной близостью места убийства, описанного в романе «Преступление и наказание»</p>

¹⁹⁹ <https://sobesednik.ru/post/haapsalo-staruha>

²⁰⁰ <https://informpskov.ru/news/333247.html>, 05.09.2020

<p><i>процентщицу в романе Достоевского</i>²⁰¹.</p>	
<p><i>По словам сотрудника магазина, оно [пиво «Раскольников»] было тёмное и очень крепкое, восемь градусов. Любую старушку вырубят</i>²⁰².</p>	<p>Апелляция к прецедентной ситуации, когда Раскольников убил (=зарубил) старуху-процентщицу топором является средством выражения авторской оценки крепости пива. Структурно-семантическая трансформация возникает в контексте амфиболии, актуализирующей возможность двойного прочтения: стилистически окрашенная (жаргон) лексема <i>вырубить</i> используется в значении ‘лишить сознания ударом или большой дозой спиртного’.</p> <p>Намеренное искажение смысла прецедентного знака в сторону обыденного, уничижительного приводит к этически некорректному его использованию.</p>
<p><i>Тварь дрожащая или право имею? На Сахалине учительница принесла топор на урок чтения во втором классе</i>²⁰³.</p>	<p>В статье описывается ситуация, произошедшая в одной из школ Сахалина: ребёнок ошибся в постановке ударения в слове, после чего учительница принесла на урок топор как средство устрашения школьников. При этом <i>топор</i> как атрибут прецедентного имени и прецедентной ситуации актуализирует в заголовке статьи прецедентное высказывание «<i>тварь дрожащая или право имею</i>».</p>
<p><i>А была ли девочка?</i>²⁰⁴</p>	<p>Статья представляет собой ответ автора на неоднократные высказывания журналиста Александра Невзорова о том, что Достоевский страдал педофилией (основанные на письме Н.Н. Страхова Л.Н. Толстому), например: «[Достоевский] <i>религиозный фанатик XIX века, крепко настоящий на эпилепсии и педофилии</i>», которому «<i>маленьких крестьянских девочек возили в баню для педофильских забав</i>»²⁰⁵.</p>

²⁰¹ https://www.gazeta.ru/social/news/2019/11/19/n_13715444.shtml

²⁰² ok-inform.ru/obshchestvo/obrazovanie...dostoevskij...

²⁰³ <https://life.ru/p/1347538>, 29.09.2020

²⁰⁴ https://www.ng.ru/kafedra/2006-11-09/5_girl.html

²⁰⁵ <https://www.mk.ru/politics/2013/02/25/817538-mertvyie-malchiki-kak-starinnaya-duhovnaya-skrepa.html>

		<p>Автор указывает на бездоказательность и беспочвенность подобных заявлений, что и отражено в заголовке в виде риторического вопроса, призванного пробудить в собеседнике сомнение.</p> <p>Примечательно, что прецедентная ситуация, относящаяся к фактам (хоть и мнимым) биографии писателя, актуализируется в другом прецедентном знаке – фразе «<i>а был ли мальчик?</i>» из романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина», означающей сомнение говорящего в самом факте существования предмета обсуждения.</p>
	<p><i>...И нет старушки</i>²⁰⁶</p>	<p>Статья представляет собой рецензию на спектакль «Преступление и наказание» во МХАТе, в котором убийство старухи-процентщицы вынесено за сцену: в пьесе нет преступления, нет удара топором, как нет и самой процентщицы. Заголовок отражает отсутствие персонажа как действующего лица в спектакле. Однако возможно и иное прочтение заголовка, чему способствует многоточие в препозиции, создавая эффект «обманутого ожидания», – может актуализироваться прецедентная ситуация убийства старухи.</p>
	<p><i>Протащили за нос</i>²⁰⁷</p>	<p>Прецедентная ситуация из романа «Бесы», в котором персонаж Павел Гаганов постоянно повторял фразу «<i>Нет-с, меня не проведут за нос!</i>». <i>Ставрогин, услышав эту фразу, схватил за нос несчастного Павла Павловича и протащил несколько шагов по залу. После этого Гаганову «устроили целую овацию: обнимали и целовали его; весь город перебивал у него с визитом. Проектировали даже в честь его по подписке обед <...>».</i> Публикация посвящена решению номинировать на Нобелевскую премию мира Алексея Навального. Автор статьи использует прецедентную ситуацию для выражения собственной оценки происходящих событий: «<i>Если бы не история с “отравлением”, ни</i></p>

²⁰⁶ <https://iz.ru/news/263568>

²⁰⁷ <https://russian.rt.com/opinion/784577-petrovskii-navalny-nobelevskaia-premiia>, 18 сентября 2020

	<p>на какую Нобелевку Навального бы не номинировали – это очевидно даже самым активным его сторонникам. Но человек пострадал, его “протащили за нос”, и страданием своим он заслужил “обед по подписке”».</p>
<p>Мышь, которую “жидок Ляшин” (маленький почтамтский чиновник из “Бесов”) засунул за киот иконы, – разве это не то же самое, что кощунственная выставка Марата Гельмана “Осторожно, религия!” и многие другие подобные?²⁰⁸</p>	<p>Во фрагменте автор статьи обращается к прецедентной ситуации романа «Бесы». Сближение прецедентной ситуации (мышь в киоте иконы) и события культурной жизни (провокационная антирелигиозная выставка в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова, вызвавшая много споров и судебных разбирательств²⁰⁹) придаёт повествованию саркастическую модальность.</p> <p>(*На выставке «Осторожно – религия!» экспонировались эксцентричные работы около 40 художников: изображение лика Христа на фоне логотипа «Кока-кола» и надписи на английском языке <i>This is my blood</i> («<i>Это кровь моя</i>»); водочные бутылки с надетыми на них луковицами, символизирующими купола; экспонат под названием «Не сотвори себе кумира», имитирующий оклад православной иконы, с прорезью на месте лика (каждый мог вставить свое лицо в отверстие и сфотографироваться); распятая на кресте кукла обнажённой женщины с иконой на животе и другие).</p>
<p>Сериал «Бесы»: Ставрогин крылья распускает²¹⁰</p>	<p>В сериале «Бесы» Владимира Хотиненко Ставрогин, по задумке режиссёра, становится энтомологом: на экране он охотится за бабочками-адмиралами, а в определённый момент в своей фантазии обнаруживает к себя за спиной огромные крылья бабочки.</p>

²⁰⁸ https://tsargrad.tv/articles/tak-i-ne-prochitali-uroki-dostoevskogo-dlja-ljudej-xxi-veka_444919, 11 ноября 2021

²⁰⁹ Из приговора суда: «<...> организованная музеем выставка носила откровенно издевательский и кощунственный смысл, экспозиция носила богохульный и циничный характер... картины, представленные на выставке, унижают чувства граждан, исповедующих православное христианство... Подбор картин сознательно провоцировал зрителя на неприятие христианской веры, оскорблял религиозные чувства». Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2005/03/30/religion/>

²¹⁰ «Комсомольская правда», 24 мая 2014

3.5. «Цитатное письмо» как форма реализации «прецедентного комплекса»

Кроме описанных в параграфах 2.3–2.4 функций важной для нашего исследования является *конструктивная, текстопорождающая функция* прецедентных знаков, которую выделяла в своих работах Н.А. Фатеева в качестве дополнительной, исследуя художественный дискурс [Фатеева 2006: 37–39]. Приведём пример реализации такой функции в медийном тексте (статьи подобного типа, как правило, довольно объёмные, поэтому здесь и далее в параграфе приведём только фрагменты медиатекстов):

Украина – это местность, где востребован «достоевский надрыв стукачей», где капитаны лебядкины становятся авторами концепций национальной безопасности, где «убивец» – это не предосудительно и вовсе не укор» ... Вместе с тем Достоевский понадобится Украине в ближайшее время. Причем именно той её части, которая картинно отмахивалась от этой культурной ветки и зарекалась смотреть в эту сторону. Пациент будет требовать шенгенскую визу, но придется довольствоваться галоперидолом: вот тебе «Преступление и наказание», вот тебе «Бобок». <...> Вариант «путем Раскольниковова» для отдельно взятого украинца означает: зарыть топор АТО, ужаснуться, раскаяться, попробовать жить с этим дальше. <...> Там, где активировать совесть не удастся, на повестке дня оказывается её «свидригайловско-суицидальный» тип. В худшем варианте это «путь Смердякова», эволюционировавшего в серийного маньяка из «Торнадо» и «Азова». <...> Здесь вот-вот восторжествует теория Шигалева... А что как не аллюзия на Крафта – рассуждения Анатолия Стреляного о том, что украинская нация выращивается в нынешней войне? <...> Мысли не новые – и трансплантированы в украинский материал прямым из достоевского «Подростка» <...> Украина – это страна, где вошедший в раж Петруша Верховенский превратился в болезненного игрока, который не остановится, пока не израсходует весь человеческий ресурс. <...>

(статья «Украина достаётся Достоевскому» журналиста Андрея Дмитриева в газете «Известия», 17.09.2015).

Перед нами пример того, что С.И. Сметанина и другие исследователи называют «цитатным письмом», суть которого состоит в организации нового смысла, а также «интеллектуальной, эмоционально-оценочной, формальной переработке “чужого” текста цитаты» [Сметанина 2002: 110–111].

Журналист Андрей Дмитриев использует в своей статье многочисленные отсылки к произведениям Ф.М. Достоевского. Идеино-образная структура текста обусловлена прецедентным рядом: цепочка прецедентов из разных произведений Ф.М. Достоевского и производных от них (*свидригайловско-суицидальный*) рисует субъективную аксиологическую картину современной Украины, которая связывается с отрицательными героями писателя (Смердяков, «убивец» Раскольников с неизменным атрибутом – топором и раскаянием, Шигалёв и Верховенский из «Бесов» и даже эксплицированная аллюзия на менее известные произведения – «Бобок», роман «Подросток» и одного из его героев Крафта) [Ремчукова, Кузьмина, 2022: 47–48]. По нашим наблюдениям, прецедентные онимы (имена персонажей и названия произведений) являются разновидностью цитатного письма.

Под *цитатным письмом* в данной работе мы понимаем *концентрированное* использование в медиатексте нескольких прецедентных единиц, которое интеллектуализирует изложение, направлено на реализацию информативной и воздействующей функций, а также формирует смысловую насыщенность текста, его выразительность и оценочность.

По нашим наблюдениям, приём цитатного письма характерен для текстов профессиональных медиа, в которых сохраняется тенденция к корректному цитированию текстов высокой культуры как попытке интеллектуально-образного и многомерного «осмысления» культурного знака. Кроме того, подобные комплексы прецедентных знаков представлены и в качественных текстах социальных медиа с возможностью обсуждения

пользователями той или иной темы (см. подробнее об этом: Ремчукова 2022)²¹¹.

«Цитатное письмо» в медиатекстах представлено в разном объёме. Это может быть:

1) Комплекс прецедентных знаков из одного источника:

*Российский либерал родился в результате противоестественного союза между лакеем **Смердяковым** и **Иваном Карамазовым**»; одна его половина мечтает, чтобы «**весьма умная нация-с завоевала весьма глупую-с**». Вторая пытается обосновать это **слезинкой ребёнка** («Комсомольская правда», 30.01.2014).*

Для обоснования своего мнения о либералах журналист использует прецедентные антропонимы и высказывания из романа «Братья Карамазовы». Важно подчеркнуть, что используемые фразы принадлежат указанным персонажам: фразу «**весьма умная нация-с завоевала весьма глупую-с**» в романе произносит Смердяков, а «**слезинку ребёнка**» – Иван Карамазов.

2) Комплекс прецедентных знаков из разных источников.

В статье «**Как российская политика рифмуется с Достоевским** (заголовок) / **Политическая достоевщина снова актуальна, но все менее эффективна** (подзаголовок)» используются прецеденты из разных произведений писателя:

*Или вот **Смердяков** – он по профессии повар – подошел бы на роль **Пригожина**, производителя тонких блюд кремлевской кухни, причем не только в кулинарном смысле. Обладатель главной российской профессии – что полвека назад, что полтора столетия назад, что сейчас – **Порфирий Петрович**, возможно, ближе к среднестатистическому представителю российской власти. Смотрит так прямо в глаза и проникновенно шепчет: **“Вы и убили-с!”** <...> Станным образом маленький человек **Макар***

²¹¹ Ремчукова Е.Н. "Цитатное письмо" в медиатексте как прецедентный комплекс знаков высокой культуры со сферой-источником "Достоевский" / Е. Н. Ремчукова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2022. – № 2. – С. 93-103.

Девушкин из «Бедных людей», которому везде виделись враги и заговоры, – тоже коллективный образ российской власти, которая в любом театре видит лишь закулисы. Или герой *«Записок из подполья»*, который, как и *Раскольников*, обкладывает морализаторским орнаментом и большими идеями собственное падение. <...> *Петр Верховенский* с его планами расшатывания России («пустим смуту») вполне соответствует эфэсбэшным представлениям о злых гениях майданов и пятых колоннах, хотя не хватает зарубежного финансирования. Впрочем, *Николай Ставрогин долго жил за границей* – это тот типаж, с кем российская власть борется и за кем гоняется – причем уже не десятилетиями, а веками. *Старец Зосима?* Очень он не похож на наших прагматичных иерархов, в сердца которых милосердие стучится очень редко. А вот *Великого инквизитора* так и видишь на совещании политтехнологов на Старой площади: “И люди обрадовались, что их снова повели как стадо”! <...> Вся наша политика – это *“проблемы поэтики Достоевского”*. <...> Значит, считает патриарх, мировая *“достоевскиана”* будет продолжаться тоже²¹².

Для выражения своей позиции автор статьи использует прецедентные антропонимы (*Смердяков*, *старец Зосима*, *Великий инквизитор* из «*Братьев Карамазовых*», *Пётр Верховенский* – из «*Бесов*»), в том числе с эксплицированным названием произведения (*маленький человек Макар Девушкин из «Бедных людей»*); имена персонажей с принадлежащими им высказываниями (*Порфирий Петрович* – «*Вы и убили-с!*» из романа «*Преступление и наказание*») или с указанием на прецедентную ситуацию (*Николай Ставрогин долго жил за границей* – роман «*Бесы*»).

Кроме того, обращает на себя внимание и отсылка автора статьи к широко известной книге русского философа и теоретика литературы XX века М.М. Бахтина «*Проблемы поэтики Достоевского*», которая считается хрестоматийной, основополагающей работой в изучении творчества писателя.

²¹² <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/08/08/777623-rossiiskaya-politika-dostoevskim>, 08.08.2018

Название книги метафорически переосмысливается журналистом в контексте описания событий политической жизни российского общества.

Для оценки этих событий автор статьи использует также производные от фамилии писателя – *достоевщина* и *достоевскиана*. Суффикс *-щин-* придаёт значению образованного с его помощью слова (часто обозначающего общественные явления, идейные или политические течения) оттенок неодобрения [Русская грамматика 1980: 180], а суффикс *-иан(а)* образует существительные с собирательным значением «произведения, посвящённые историческому лицу, названному мотивирующим словом, а также совокупность изданий сочинений этого лица» [там же: 254], но в статье лексема *достоевскиана* также метафорически переосмысливается в политическом контексте. Аллюзией к прецедентному знаку являются и словообразовательные игры – автор использует труднопроизносимые дериваты ради смысловой нагруженности единиц.

Таким образом, мы видим в данной статье комплекс прецедентных знаков разного типа из нескольких произведений Достоевского (а также отсылку к литературоведческой работе о его творчестве) как яркий пример цитатного письма.

Цитатное письмо использует и автор статьи «*Лабораторный Мышкин*» (заголовок): «*В итоге у Достоевского получился очень «расхристанный», трагикомичный и совершенно уникальный роман, в котором потенциальный кандидат в мессии провалил миссию (может, потому что курил, а может, оттого что идиот). Великий романист тем не менее был азартным Игроком, и в рукаве у него еще имелись другие карты: “русские мальчики”, Алеша Карамазов, старец Зосима – и Пушкин, наше всё²¹³, наш джокер»²¹⁴.*

²¹³ С одной стороны, «*Пушкин – наше всё*» – широко известная цитата из сочинения писателя, литературного и театрального критика Аполлона Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859 г.). С другой – в контексте статьи о Достоевском прецедентное имя Пушкин употреблено как метонимия: имеется в виду знаменитая «Пушкинская речь», произнесённая Ф.М. Достоевским в 1880 году и опубликованная в «Дневнике писателя».

²¹⁴ https://www.ng.ru/ng_exlibris/2018-08-09/12_945_mouse.html, 09.08.2018

В данном тексте также используются прецеденты из нескольких произведений писателя. Обратим внимание на то, что в отличие от предыдущего примера в данной публикации названия произведений и их глав (*идиот*, *Игрок* – из одноимённых романов, *русские мальчики* – известная фраза из главы «Мальчики» романа «Братья Карамазовы») употребляются в качестве антропонимов.

В статье *«Шокирующие Карамазовы»* журналист апеллирует к перифразам прецедентных знаков, а также прецедентным ситуациям из романов «Братья Карамазовы», «Бесы» и «Преступление и наказание»: *«Страшит широта русского человека, совмещение в нем часто несопоставимого, что и составляет то самое поле битвы, где Бог с дьяволом сражается. Та самая икона и топор...»*²¹⁵.

3) Обыгрывание в разных вариациях одного прецедентного знака.

В рамках приёма цитатного письма прецедентный ряд используется в качестве развёрнутого аргументированного доказательства, с помощью которого журналист оценивает определённые события, рассчитывая при этом на диалогическое взаимодействие с потенциальным читателем, владеющим (возможно, даже на поверхностном уровне) тем же набором прецедентов «единого культурного поля» (И.Л. Волгин).

Так, статья открытой электронной газеты (forum.msk.ru – общественно-политический интернет-портал «левой российской оппозиции») *«Как “слезинка ребёнка” помогла контрреволюции и ударила в спину униженных и оскорблённых»*²¹⁶ представляет собой приглашение к дискуссии на тему перестройки как исторически значимого события. В тексте используются отсылки к прецедентным знакам из разных произведений Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Униженные и оскорблённые», «Бесы»):

А «бедных людей», которым он вроде бы сочувствовал – Достоевский предал. Униженным и оскорблённым, о которых он столько сокрушался –

²¹⁵ <https://vnnews.ru/shokiruyushhie-karamazovy/>, 11 января 2022

²¹⁶ <https://forum-msk.org/material/kompromat/12819032.html>, 13.02.2017

Достоевский сделал зло, воткнул нож в спину. <...> Действительно, эта «слезинка» по своему лицемерию – что-то омерзительное. Представьте себе – приходит человек к «бедным людям», к «униженным и оскорбленным». И начинает распинаться – ах, вы мои бедные люди, ах вы, униженные и оскорбленные! Как же мне вас жалко! Какие же вы страдальцы! <...> Но среди униженных и угнетённых нашлись такие, которых роль безропотной жертвы не устроила. Они стали революционерами. ... Достоевский даже стал, как заправский кликуша-обскурант, называть их «бесами».

Своеобразным лейтмотивом является прецедентное выражение *слезинка ребёнка*, которое становится главным способом выражения оценочности, – используется и в заголовке, и варьируется в самом тексте. Прецедентный ряд включает в себя диминутивы: «*слезинка ребёнка*», «*слеза ребёночка*», «*слезинка ребёночка*» (в данном случае экспрессивность усиливается вторым диминутивом). Само прецедентное высказывание подвергается лексико-грамматическим трансформациям, в частности усечению: «*Писатель Достоевский своей “слезинкой” удружил богатым, грабителям, народным злодеям*»; используется в контексте перифраза («*слёзы плакальчиков*») и метафоры («*А знаменитая “слезинка ребёнка” превратилась просто в крокодилову слезу фарисея, в обман и ложь*»).

Трансформации прецедентного высказывания сопровождаются изменением модальности всего текста статьи – он подчёркнуто саркастичен. Это подтверждает использование таких средств, как:

- лексемы с пейоративной коннотацией (*кровопийцы, мерзость*), в ряде случаев подобные лексемы «нанизываются» друг на друга, усиливая отрицательную оценку («*“слезинка ребёнка” превратилась в такую воняющую лицемерием мерзость, что от нее просто тошнит*»);
- стилистически маркированные лексемы («*ворьё и жульё, мечтающее усесться на шею народу*» – презрительное и разговорное; «*свора, которая вопила про слезинку ребенка – ныне обнаглевшая и обожравшаяся сидит*

на шее народа и разбухает от его крови»²¹⁷; «**послали ко всем чертям слезы плакальщиков**» – просторечное, бранное). Представляет интерес словосочетание *заправский кликуша-обскурант*, т.к. в его составе лексемы разного стилистического регистра: «заправский – разг. Такой, каким следует быть; настоящий, истинный» [БТС 2000: 339], «кликуша – 2. разг. Тот (та), кто крикливо выражает что-л.» [там же: 432–433], «обскурант – книжн. Враг просвещения и науки, реакционер, мракобес» [там же с. 686];

– ироническое употребление слов и выражений («*наш сердобольный писатель сперва распинался над униженными и оскорбленными, оплакал их горячими слезами*», «*Достоевский своей “слезинкой” удружил богатым, грабителям, народным злодеям*») – в последнем случае усечённый до одного базового компонента прецедент «слезинка» встроен в ряд однородных членов, которые воспринимается как контекстуальные синонимы);

– риторические вопросы и восклицания («*И вот наш защитник униженных и оскорбленных хватается за волосы, начинает с ужасом восклицать: “Что вы! Что вы! Неужели вы захотите прибегнуть к насилию!? Неужели вы готовы построить ваше справедливое общество на слезинке невинного ребеночка!? ... Опомнитесь!!! Остановитесь!!!”*»).

Тенденция к использованию цитатного письма прослеживается и в блогосфере. Примером может служить опубликованная в «Живом Журнале» статья «*Политическая история слезинки ребёнка*»²¹⁸ о сложившейся PR-модели применения фото плачущих детей в качестве инструмента эмоционального воздействия: «*фэйковая детская слезинка*», «*плачущие дети*», «*детский плач*», «*PR-слезинка-ребёнка*», «*слезинка как абстрактно-эмоциональный PR-инструмент*», «*слезинка ребёнка как лексический вирус (мем)*»).

²¹⁷ Свора – 3. Презрит. Люди, занимающиеся предосудительной деятельностью; банда [БТС 2000: 1163].
Вопить – разг.-сниж. Издавать вопли; громко и протяжно кричать, петь, плакать и т.п. [там же: 149].
Обожраться – грубо = объесться [там же: 678].

²¹⁸ <https://alex-rozoff.livejournal.com/50758.html>, 25.06.2018

Использование модификаций этого известного словосочетания в качестве развёрнутого аргумента (включающего и контраргумент) эксплицируется при помощи лексемы *аргумент*: «Так вот: эмоциональный около-христианский контраргумент о “слезинке ребёнка” (вырванный из контекста романа Достоевского) <...> показался российской пост-феодальной элите очень перспективным. <...> Что делать, если в споре (например, о мигрантах в Германии) ваш оппонент прибегает к аргументу “слезинка ребёнка”?» [Ремчукова, Кузьмина 2021: 376–377].

Отметим, что клише *слезинка ребёнка* чрезвычайно распространено в медиа, в том числе и как основа для цитатного письма. В нашем объёме собранного материала *слезинка ребёнка* встречается 120 раз (из них 35 как «лейтмотив» цитатного письма), в работе описано 7 контекстов.

Данные медиатексты подтверждают мысль о «текстогенном» (М.Г. Шилина) характере прецедентов-клише, использующихся в качестве приёма цитатного письма. Такой текстогенностью обладают прецеденты-клише, к которым относятся высказывания, имена, названия произведений (см. выше).

Например, прецедентное высказывание *красота спасёт мир*, ставшее клише, широко распространённое в мире бьюти-индустрии, понимается буквально – как красота физическая. Однако в медиапространстве встречаются тексты, в которых этот прецедентный знак употребляется не стереотипно. Так, в статье с заголовком «*Красоту спасёт мир / Двухлетней петербурженке Наде поможет американский хирург*»²¹⁹ журналист рассказывает историю девочки, у которой обнаружили редкий и тяжёлый порок сердца, что потребовало сбора средств на операцию для спасения жизни ребёнка.

В статье расшифровывается понимание лексемы *красота*, автор сам даёт ключ к разгадке, комментируя заголовок в основной части публикации,

²¹⁹ <https://www.kommersant.ru>, 12.04.2013

из которой становится понятно, что *красота* – это любой ребёнок: *«Ну вот, скажет читатель, прочитав заголовок и полюбовавшись ребёнком на снимке: ход мысли автора понятен – девочка в самом деле красивая и её действительно надо спасать. О чём же ещё может идти речь на русфондовской странице? Никакой тайны, никакой интриги, разве что Достоевского слегка перефразировали. Ладно, в этом случае скаламбурили, допустим, удачно. А с некрасивыми мальчиками и девочками что делать?!»*.

Трансформация прецедентного знака основана на метонимическом употреблении лексемы *красота*. Кроме того, автор статьи продолжает развёрнутую аргументацию обозначенного в лиде тезиса: *«Знаете, в чем тут тайна и интрига? Некрасивых детей нет. Их просто не бывает. Они все красивые – не только для своих родителей, что само собой разумеется, но и для всякого доброго человека. Так что давайте помогать докторам спасать эту красоту для нашего мира»*. Журналист в конце статьи прибегает к перифразу прецедентной единицы, «закольцовывая» композиционную организацию текста²²⁰.

Материал нашего исследования показывает, что медиатексты с развёрнутым цитатным письмом не единичны и представлены чаще всего в аналитических статьях на политические темы. Так, на сайте информационно-аналитической службы «Русская народная линия» опубликована статья под заголовком *«Смердяков как зеркало?»* объёмом 20 тысяч знаков (более трёх тысяч слов), которая включает не только указание на персонажа, автора и текст-источник, но и актуализирует смыслы, мотивирующие многочисленные отсылки к прецедентным культурным знакам, на которых строится сопоставление описанной в статье политической ситуации и соотносимого с ним литературного персонажа (*«Федор Павлович Смердяков хозяйничает на российских СМИ. “Отречься от Христа – не грех!..”, “Человек имеет право убивать себя еще во чреве матери!..”, “Русский народ надо пороть-с!..”*,

²²⁰ См. об особенностях употребления этого прецедента также статью Е.Н. Ремчуковой [Ремчукова 2022: 8].

“Желаю уничтожения всех солдат!..” И наконец, главное – “Я всю Россию ненавижу!..”»).

Особенностью аналитических медиа является то, что в таких текстах используются и менее частотные знаки культуры со сферой-источником Достоевский («Бобок», «Подросток», «Скверный анекдот» и др.).

3.6. Прецедентный знак как средство языковой игры в жанре интернет-мема

3.6.1. Особенности интернет-мема как жанра социальных медиа

Прецедентные знаки часто реализуются в интернет-мемах. Понятие «мем» было предложено Р. Докинзом в 1976 году для обозначения единицы информации, хранящейся в сознании, распространяемой в культуре благодаря её копированию и мутирующей, подобно вирусу. Впоследствии термин *интернет-мем* стал восприниматься как единица коммуникации и жанр социальных медиа и в настоящее время нередко является центральным в рамках отечественных и зарубежных исследований. Существенный вклад в изучение интернет-мемов внесли И.В. Бугаёва [2011, 2017], Л.С. Гуторенко [Гуторенко 2017, 2019], С.В. Канашина [2017, 2018, 2022], Ю.В. Щурина [Щурина, 2010; 2013, 2014, 2015], М.Е.Г. Archilla, S. Blackmore [Blackmore, 2000], L. Shifman [Shifman, 2014] и др.

Многие исследователи отмечают, что и сам интернет-мем является своеобразным прецедентным феноменом, поскольку представляет собой единицу интернет-коммуникации, «передающуюся от пользователя к пользователю, тиражирующуюся и репродуцирующуюся в интернет-пространстве» [Канашина 2018: 122]. Некоторые интернет-мемы становятся хрестоматийными, т.е. узнаваемыми в широкой среде интернет-пользователей [Гуторенко 2019, Канашина 2017, Щурина 2013, 2015].

В общем виде *интернет-мем* – особый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации, имеющий стандартную форму – картинка и текст в квадратной рамке [Канашина 2017: 9], которые «образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на

комплексное воздействие на адресата»²²¹. Как правило, интернет-мем рассматривается исследователями как специфический для интернет-коммуникации *комический* речевой *жанр*: «комизм – почти обязательная характеристика мемопродукции» [Боева 2021: 78]; современные интернет-мемы выполняют преимущественно развлекательную функцию [Косиченко, 2022: 20], «интернет-мем интегрировал в себя признаки родственных юмористических жанров (карикатура, анекдот, шутка)» [Канашина 2022: 319] и др.

Терминологическое поле меметики разнородно и противоречиво: одни исследователи считают мемы синонимами эдвайса [Нежура 2012] и понимают его узко как «образование креолизованного типа» [Часовский 2015: 125], другие используют термин *мем* как гипероним понятий «демотиватор», «эдвайс», «интернет-комикс», «весёлая картинка» и т.д. [Гуторенко 2019: 20]. Поскольку своей задачей мы видим рассмотрение особенностей использования прецедентных знаков с источником «Достоевский» в мемах как жанре социальных медиа, в рамках данной работы мы не акцентируем внимание на структурных и функциональных отличиях разновидностей мемов и используем термин *мем / интернет-мем* для обозначения всех его типов.

Как мы уже отметили выше, мем как поликодовый текст состоит из вербальной (текст) и невербальной («картинка») частей. Как правило, текстовая часть сопровождается параграфемными средствами – варьированием масштаба шрифта и особенностями размещения текста в меме. Так, на Рисунке 5 представлен мем с частичной креолизацией, в котором изобразительная часть является факультативной для содержания, а основной смысл выражается при помощи вербальной части, разделённой на две фразы, каждая из которых расположена в верхней и нижней плоскостях мема соответственно. Первая фраза представляет собой прецедентное

---

²²¹ Шурина, Ю.В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета / Ю. В. Шурина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2(87). – С. 39-43.

высказывание *красота спасёт мир*, ставшее известным афоризмом, общепринятой «максимой», что на графическом уровне выражено капитализацией всей фразы, подчёркивающей непоколебимость этой установки. Однако эта установка подвергается сомнению, которое выражено во второй части текста с помощью модальности вероятности, выраженной вводным сочетанием *может быть*, которое к тому же написано более мелким шрифтом. Используемый автором мема приём контраста – и на вербальном уровне, и на графическом – создаёт эффект обманутого ожидания.

Рисунок 5

3.6.2. Типы интернет-мемов с прецедентными культурными знаками с источником «Достоевский»

В основу типологии интернет-мемов исследователи кладут различные критерии. В рамках данной работы мы придерживаемся классификации Ю.В. Щуриной, которая выделяет мемы на основе их семиотического кода: текстовые мемы (слово или фраза); мемы-изображения («картинки»); медиамемы (видеосюжеты); креолизованные мемы [Щурина, 2014: 87].

В нашей работе рассматриваются текстовые мемы, мемы-изображения и креолизованные мемы. Последние существенно преобладают в количественном отношении в современных социальных медиа: из отобранных и проанализированных нами 120 интернет-мемов 97 – креолизованные. Именно в них чаще всего реализуются такие основные формы комического,

как ирония, сарказм, абсурд и гротеск, анекдот, «чёрный» юмор, пародия и карикатура [Гуторенко 2019: 10].

Текстовые мемы на Рисунках 6 и 7 представляют собой трансформированное за счёт расширения состава прецедентное высказывание *красота спасёт мир*. Трансформация построена на использовании приёмов сарказма и гротеска: в первом случае автор высмеивает «модную» тенденцию на создание внешней, искусственной красоты человека, а во втором, используя прецедентный знак как тезис, даёт свою оценку обществу с позиции «красоты», имплицитно утверждая обратное (см. также «*Мир спасёт натуральная красота, а не силиконовая*»).

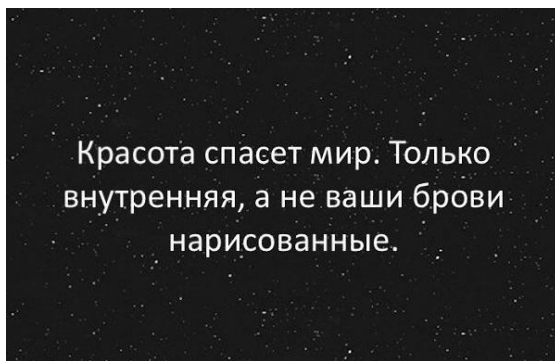

Рисунок 6

Рисунок 7

Мемы-изображения («картинки») представляют собой собственно изображение, в котором главное внимание обращено на визуальную часть, или являются результатом творческой переработки изображения при помощи графического редактора, являясь основой для создания таких жанров, как интернет-комиксы, сатирические открытки и др.

Например, существуют так называемые стартер-пак мемы (Starter pack meme) – мемы в виде коллажа с изображениями разных предметов, связанных с определённой профессией или хобби, социальным типажом или литературным персонажем, которые используются для высмеивания стереотипов. Так, на Рисунке 8 представлены внешние атрибуты Николая Ставрогина: в центре расположено изображение персонажа в виде фотографии актёра М. Матвеева, сыгравшего роль Ставрогина, а вокруг – узнаваемые

атрибуты прецедентного антропонима – верёвка как символ самоубийства через повешение, револьвер как символ дуэли с Гагановым, книга В.В. Набокова «Лолита» как аллюзия к сюжету о растлении девочки Матрёши, изображение бесёнка как прямая отсылка к принадлежности Ставрогина к тайной организации и хрестоматийному восприятию образа персонажа (Ставрогин – главный «бес»²²²), бабочка как символ увлечённости Ставрогина энтомологией, созданной в кинематографе и отсутствующей в тексте романа Достоевского, как и гром и молния – режиссёр (Вл. Хотиненко) окружает персонажа мистическим ореолом.

Рисунок 8

Креолизованные мемы состоят из двух частей разных семиотических кодов – вербального и невербального. Важно отметить, что в мемах часто транслируются базовые стереотипы воспринимающего сознания, т.е. это «свёрнутая зачастую до одной картинки формула рецепции “средним” читателем творчества писателя» [Боева 2021: 78]. Этот «средний читатель» связан с произведениями писателей, включёнными в школьную программу. Непременное условие успешного восприятия мема, посвящённого писателю, – культурная пресуппозиция: знакомство с его творчеством и биографией хотя бы в объёме школьной программы. Этим объясняется, с одной стороны, превалирование мемов, связанных с романом «Преступление и наказание», с

²²² Сайт «Фёдор Достоевский. Антология жизни и творчества»
<https://fedordostoevsky.ru/works/characters/demons/Stavrogin/>

другой стороны, отношение к Достоевскому как «мрачному» писателю (см. Рисунки 9, 10). Подчеркнём, что в данном случае речь идет не о прецедентности, а о базовых стереотипах:

Рисунок 9

Рисунок 10

Очевидно, что в представленных мемах эксплицируется знание адресата о психологизме русской классической литературы, а также отражается стереотип «Ф.М. Достоевский = страдание, мрачность, депрессивность».

Массовое сознание склонно отождествлять автора и его героя, поэтому *топор*, являющийся атрибутом прецедентного антропонима *Раскольников*, в мемах часто оказывается в руках Достоевского (см. Рисунок 11). Кроме того, прочная связь «*Раскольников – топор*» приводит к тому, что в мемах любой случайный персонаж, в руках которого оказывается топор, получает имя Раскольникова (см. Рисунок 12):

Рисунок 11

Рисунок 12

Важным для правильной расшифровки мема оказывается намеренное сужение фокус-группы, на которую он ориентирован: это может быть группа пользователей определенного ресурса, группа людей, объединённых социальными рамками или рамками профессии и т.п. Так, в соцсети «ВКонтакте» есть сообщество «Мемы по Достоевскому и другой литературе»²²³, в котором публикуются мемы, зачастую понятные не каждому пользователю, а ориентированные на определённую группу лиц, знакомых с творчеством Ф.М. Достоевского и других писателей. Например, мемы, изображённые на рисунках 13, 14 будут правильно интерпретированы только теми, кто знает нехрестоматийные (не входящие в школьную программу) произведения писателя («Бесы», «Бедные люди»):

Рисунок 13

Рисунок 14

В меме на Рисунке 13 изображение и текст не являются достаточными для правильного понимания мема. Только указание на фамилию *Верховенский* позволяет связать персонажа с принадлежащей ему известной фразой, интерпретировать смысл и вызвать комический эффект: «*Ставрогин, Вы красавец! <...> Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...*».

Мем на Рисунке 14 представляет собой вариацию целой серии мемов, построенных по шаблону, в котором вербальный компонент остаётся неизменным, как и первые два изображения (при этом используется приём

²²³ https://vk.com/dostmem?from=quick_search

градации), а третье подвергается замене – либо объектом, либо фразой, как правило, более простого содержания, что создаёт контраст и вызывает у адресата эффект обманутого ожидания. В приведённом примере подвергающийся замене объект представляет собой фразу о том, что для почитателей творчества Достоевского отличать двух героинь по имени Варвара из разных произведений автора «бесценно»: Варвара Алексеевна – главная героиня романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», а Варвара Петровна – персонаж романа «Бесы», мать Николая Ставрогина.

Стоит также отметить, что в представленном выше меме лексема *бесценно* также отсылает к тексту произведения: «*Бесценная моя Варвара Алексеевна! Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив! Вы хоть раз в жизни, упрямица, меня послушались <...>*» (из письма Макара Девушкина Вареньке Доброселовой). В анализируемом меме использована игра слов, основанная на многозначности прилагательного *бесценный*: 1. ‘очень дорогой, ценный; неоценимый, уникальный’ [БТС 2000: 76]; 2. ‘высок. дорогой, милый’ [там же] – по отношению к человеку и его чувствам.

Для адекватной интерпретации мемов необходимо совпадение составляющих культурного багажа коммуникантов, общность соответствующих пресуппозиций. Несовпадение элементов апперцепционной базы автора и адресата может привести к коммуникативному сбою – отсутствию комического эффекта [Щурина 2012: 406].

Представленный ниже мем (см. Рисунок 15) в изменённом виде продолжает «серийность» мема на вербальном уровне «дорого – очень дорого – бесценно». При этом текст осложнён прецедентными ситуациями, связанными с персонажем Николаем Ставрогиным, каждой из которых соответствует своя «цена»: его исповедь отцу Тихону, ситуация, когда Ставрогин схватил за нос помещика Павла Гаганова и протащил его несколько шагов по залу, растление девочки Матрёши и т.д.

Рисунок 15

Безусловно, список рассмотренных типов интернет-мемов со сферой-источником «Достоевский» не является исчерпывающим: существуют и компаративные мемы, и мемы-комиксы. Они встречаются реже и построены по схожему с перечисленными выше типами мемов принципу «текст/картинка» (за исключением количества изображений), поэтому мы не выделяем эти разновидности для подробного рассмотрения в рамках данного диссертационного исследования. Более важной задачей для настоящей работы представляется анализ способов актуализации прецедентных культурных знаков. Рассмотрим их подробнее.

3.6.3. Способы актуализации прецедентного знака в интернет-меме

Отметим, что в интернет-мемах встречаются все типы прецедентных знаков с источником «Достоевский»: прецедентные имена (Рисунок 16), прецедентные высказывания (Рисунки 16, 17), прецедентные ситуации (Рисунок 18).

Рисунок 16

Рисунок 17

Рисунок 18

Прецедентные знаки со сферой-источником «Достоевский» в интернет-мемах, как и в традиционных медиатекстах, чаще всего используются в трансформированном виде (на уровне как структуры, так и семантики – см. об этом в параграфе 3.1.). При этом трансформации, как правило, имеют своей целью создание комического эффекта, который связан с языковой игрой, основанной преимущественно на таких приёмах, как *гротеск*, *абсурд*, *сравнение*, *метафора*, *метонимия*, *каламбур*, *паронимическая аттракция*, *эффект обманутого ожидания* и т.д. [Канашина 2022: 319]. Таким образом, прецедентный культурный знак формирует (так же, как и в других пространствах медиа) игровое пространство мема, в котором трансформация играют большую роль.

Приведём примеры различных видов трансформаций.

1) Дефразеологизация + субституция

Самым распространённым примером является использование в мемах прецедентного высказывания *тварь я дрожащая или право имею*. В этом случае в меме, как правило, присутствует первая часть фразы, в которой лексема *дрожать* используется в значении ‘вздрагивать, тряситься от холода’, а вторая подвергается субституции («или право имею» – «или отопление дадут» / «иль скоро потеплеет» / «или плед принесёте») или усечению (Рисунки 19–21). Кроме того, лексема *тварь* также приобретает иные смысловые акценты: ‘*книжн.* Живое существо (о животных)’ (Рисунок 19),

‘презрит. О подлом, мерзком человеке’ [БТС 2000: 1308] (Рисунок 20). Варьирование прецедентного знака увеличивает экспрессивный потенциал единицы, а визуализация создаёт комический эффект.

Рисунок 19

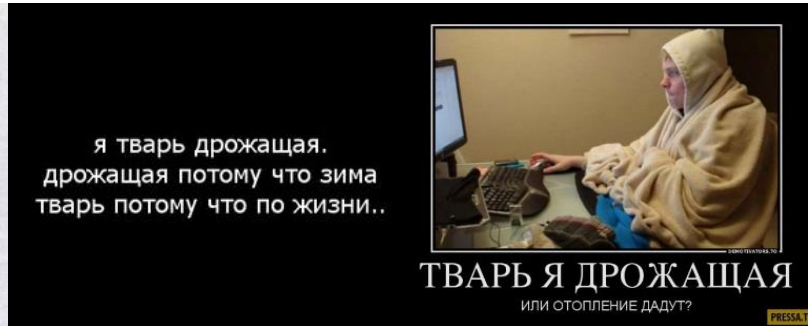

Рисунок 20

Рисунок 21

2) «Полисемантика»

В меме на Рисунке 22 текстовая часть представлена диалогом «– *Что мне делать?* / – *Просто забей*», в котором глагол *забить* употребляется в форме императива, что в молодёжном сленге означает ‘забудь, не обращай внимания, игнорируй’ [Словарь молодёжного сленга]. Однако визуальный семиотический код – изображение Раскольникова с топором в руках – отсылает к прецедентной ситуации, что создаёт возможность двойного прочтения диалога, актуализируя прямое значение лексемы *забить*₄ – ‘побоями довести до смерти’ [БТС 2000: 310].

Аналогичным образом приём «полисемантики» использован и в меме на Рисунке 23: фраза «*рублю бабки*» со значением ‘*жарг.* зарабатывать деньги’²²⁴ из уст Раскольникова с топором в руках актуализирует значение ‘убить топором старуху’.

²²⁴ Большой словарь русских поговорок. – М: Олма Медиа Групп. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. 2007.

Рисунок 22

Рисунок 23

Подобные случаи использования прецедентных знаков нарушают рамки лингвэтики. Подобный пример изображён на Рисунке 24: в канун Нового года в паблике, посвящённом литературе, был опубликован мем, представляющий собой ёлочную игрушку с изображением Максима Матвеева, сыгравшего в кинофильме роль Николая Ставрогина. Публикация сопровождалась надписью «повесили бы?». В данном случае автор мема использует приём «полисемантики»: смеховой эффект вызван возможностью двойного прочтения фразы, чему способствует визуальный семиотический код: акцент смещается от значения ‘повесить игрушку на ёлку’ до значения ‘лишить жизни через повешение’.

Рисунок 24

3) Субституция на основе приёма паронимической аттракции

Рисунок 25

Рисунок 26

Трансформация прецедентного знака связана с субституцией – лексема *мир* заменена лексемой *мыра* (в форме р.п. мн.ч., что сохраняет звуковую и ритмическую организацию текста). Столкновение на основе фонетического сближения паронимазов *мир* и *мыр* (Рисунок 26) в совокупности с невербальной частью мема является комплексным средством создания комического эффекта. Поскольку лексемы разнокорневые и удалены друг от друга семантически, эффект их соединения становится сильнее: происходит «своеобразное смысловое отталкивание, вызывающее эффект иронии»²²⁵ [Карпушкин, Шмелёва 2018: 127]; аналогичный пример представлен на рисунке 25.

4) Метонимия

Рисунок 27

²²⁵ В.Г. Карпушкин, Т.В. Шмелёва. Не путай комическое и каноническое: креатив на ровном месте. – Глава II. Пространство языкового креатива. С. 104–135.

Трансформация прецедентного высказывания при помощи добавления компонентов может приводить к созданию нового содержания и порождать комический эффект на основе метонимического переноса. На Рисунке 27 лексема *красота* используется не как абстрактное существительное со значением ‘красивое, привлекательное, прекрасное’, а как конкретное – в значении ‘красивая женщина’.

5) Нулевая транспозиция, или семантическая трансформация

Нередко комический эффект возникает или усиливается благодаря гротеску, возникающему за счёт транспозиции прецедентной ситуации на бытовой план и совмещения в рамках одного текста аллюзии к произведению классической литературы и элементов повседневной жизни (Рисунки 28, 29).

Рисунок 28

Рисунок 29

Приёмы создания языковой игры при трансформации прецедентных культурных знаков в мемах не ограничиваются рассмотренными выше, однако они являются самыми распространёнными.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что в интернет-мемах встречаются все типы прецедентных культурных знаков со сферой-источником «Достоевский»:

– прецедентные онимы (*Достоевский, Раскольников, Ставрогин, Верховенский, старуха-процентщица*), их атрибуты (топор Раскольникова); а также названия произведений – «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы»);

– прецедентные высказывания («*красота спасет мир*», «*тварь дрожащая или право имею*», «*если Бога нет, то всё позволено*», «*Ставрогин, вы красавец!*»);

– прецедентные ситуации (убийство старухи-процентщицы, самоубийство Ставрогина).

С точки зрения частотности употребления источников прецедентности в мемах со сферой-источником «Достоевский» самыми популярными являются прецедентные знаки из романа «Преступление и наказание» – они понятны массовому адресату в силу того, что это произведение включено в школьную программу. С другой стороны, характерно также обращение и к менее узнаваемым культурным знакам, «нехрестоматийным», что наблюдается в специализированных сообществах любителей творчества Ф.М. Достоевского или пользователей, объединённых филологическим образованием и связанными с ним профессиями.

Прецедентные знаки всех типов могут функционировать в любой части интернет-мема – и вербальной, и визуальной. На вербальном уровне прецедентные знаки используются чаще всего в трансформированном виде. Трансформация – и структурная, и семантическая – создаёт комический эффект, чему способствует языковая игра на основе гротеска, дефразеологизации, паронимической аттракции, обыгрывании омонимии и полисемии.

ВЫВОДЫ

– несмотря на то, что прецедентный культурный знак употребляется и в каноническом виде, наиболее частым способом актуализации его исходной семантики и структуры является трансформация;

– тип и способ трансформации прецедентного знака связаны с креативным потенциалом языковых средств на всех языковых уровнях – лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом и т.д.;

– среди прецедентных имён (антропонимов и онимов-названий произведений) в количественном отношении преобладают знаки из романа «Преступление и наказание», среди способов трансформации – использование уменьшительных форм имени, аббревиатур, расширение за счёт прилагательных (*новый, современный*) и усечение до фамиллярной формы;

– наиболее распространёнными способами трансформации прецедентных ситуаций и высказываний являются лексическая субституция и комплексная трансформация, а также трансформации на синтаксическом уровне;

– обесценивание содержания культурного знака связано с использованием его в качестве средства языковой игры в комическом контексте с варьированием шкалы от иронии до стёба, а в сфере нейминга – с нарушением лингвоэтики; степень обесценивания знака культуры различается в аналитической прессе и жанре интернет-мема.

– актуализация значений прецедентного знака при помощи трансформации может быть связана не только с собственно игровой функцией, но и с более глубокой интеллектуально-образной рефлексией над содержанием произведений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многообразие интертекстуальных связей современной медиакommunikации проявляется в разнообразии смысловых и формальных отсылок к значимым для национальной культуры произведениям русской классической литературы, особое место в которой занимает творчество Ф.М. Достоевского. Прецедентные культурные знаки, источником которых являются произведения Ф.М. Достоевского (их названия, образы, высказывания персонажей, ситуации, предметы-символы), идейные и философские и общественные взгляды писателя, которые в них отражены, а также факты его биографии, активно используются в современных медиатекстах. Все эти знаки входят в сферу «прецедентного мира» писателя как совокупность вербальных и невербальных культурных знаков, вступающих в ассоциативно-смысловое взаимодействие друг с другом.

В современном медиaprостранстве, которое характеризуется трансформацией жанров, наиболее популярными жанрами медиа, которые апеллируют к сфере «Достоевский», являются аналитическая статья, интервью, комментарий, новости, интернет-мемы, а также такие разновидности медиа, как реклама и нейминг.

В целях воздействия на массовое сознание современные медиа обращаются к актуальным и значимым для человека ценностям, отражённым в русской классической литературе, которая остаётся нравственным авторитетом для российской культуры, поэтому, с одной стороны, её темы, образы и идеи востребованы в аналитической публицистике, с другой – подвергаются трансформации в «игровом поле» медиа.

Массовая эксплуатация прецедентных культурных знаков со сферой источником «Достоевский» в медийном тексте приводит к их деканонизации – обесцениванию культурных и идеологических смыслов, что типично для общественно-политических изданий и социальных медиа.

Усиление личностного начала медийного текста предполагает личный отклик автора на общественно значимые актуальные события. При освещении «вечных вопросов» и вопросов социально-политических (социальная несправедливость, духовное обнищание, противостояние «патриотов» и «предателей» родины) обращение к творчеству Ф.М. Достоевского в аналитических медиа, сохраняющих определённую культуру цитирования, позволяет говорить о функции интеллектуально-образной оценки прецедентного знака как средстве выражения позиции автора текста. Наиболее ярко это проявляется в использовании приёма «цитатного письма», включающего разные комбинации прецедентных знаков с одной сферой-источником, в том числе таких, которые относятся к области редкого, «единичного» цитирования, что требует более глубоких знаний текстов Ф.М. Достоевского.

Функции прецедентных культурных знаков часто реализуются в различных комбинациях друг с другом и наиболее очевидны в заголовочном комплексе, в котором отчётливо проявляются способы актуализации прецедентного знака: несмотря на то, что прецедентный культурный знак употребляется и в каноническом виде, наиболее частым способом актуализации его исходной семантики и структуры являются разные типы трансформации – структурные, семантические и смешанные.

Тип и способ трансформации прецедентного знака связаны с креативным потенциалом языковых средств на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Наиболее распространёнными способами трансформации прецедентных культурных знаков являются лексическая субституция и комбинированная трансформация, которая включает в себя буквализацию, «полисемантику», грамматическую трансформацию, усечение и расширение состава прецедентного знака, изменение модальности, парцелляцию.

При всём многообразии способов отражения в современных масс-медиа «прецедентного мира» Ф.М. Достоевского выделяются две важные

тенденции: с одной стороны, стремление к индивидуально-авторскому трансформированию как смысла, так и структуры прецедентного феномена, с другой – тенденцию к игровой спекуляции на массовой узнаваемости хрестоматийного культурного знака, приводящую к стереотипизации определённых трансформаций широко известных прецедентов и их клишированию, при котором знак полностью утрачивает сложные смысловые и даже формальные связи с источником. Обесценивание прецедентного знака при этом может быть связано с использованием его в качестве средства языковой игры в комическом контексте с варьированием шкалы от иронии до сарказма.

Прецедентный знак высокой культуры становится одной из форм комического в современной медиакommunikации, которая характеризуется разнообразием комических речевых практик. Важной формой реализации комической функции прецедентных знаков высокой культуры являются интернет-мемы и демотиваторы.

Использование прецедентного знака высокой культуры в современных медиатекстах, в Интернете, в частности интернет-мемах, а также в сфере рекламы и нейминга связано с вопросами этического характера, которые могут обсуждаться в рамках лингвоэтики.

Перспективу исследования можно видеть в более подробном изучении и описании употреблений прецедентных знаков в аспекте лингвоэтики; изучении функционирования прецедентов в социальных сетях, сфере рекламы, нейминга и брендинга; описании особенностей реализации эстетической функции культурного знака, участвующего, например, в порождении метафорических смыслов законченного текста в жанре рецензии на экранизации и театральные постановки, в профессиональной и непрофессиональной литературной критике, для которых характерен более высокий уровень культуры цитации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н.А. Купина. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – 334 с.
2. Анализ «прецедентных феноменов» в лингвистической экспертизе российских медиатекстов / Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов, И.Ю. Гранева, Н.В. Наговицына // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете. – Barcelona: Trialba Ediciones, 2018. – С. 544-554.
3. Аникина, Э.М. Интертекстуальность VS прецедентность / Э.М. Аникина // Проблемы современной науки. – 2014. – №15. – С. 21–29.
4. Анненкова, И.В. Язык современных СМИ в контексте русской культуры / И. В. Анненкова // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 69 – 78.
5. Анненкова, И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ / И. В. Анненкова. – Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова" Издательский Дом (типография), 2011. – 391 с.
6. Анненкова, И.В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель (Лингвофилософский аспект): дисс. докт. фил. Наук: 10.01.10 / Анненкова Ирина Васильевна. – Москва, 2012. – 440 с.
7. Анненкова, И.В. Национально-архетипическое и универсально-медийное в современном российском медиадискурсе / И.В. Анненкова // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации / ГрГУ им. Я. Купалы. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2018. – С. 53-57.
8. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. / И.В. Арнольд. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 443 с.

9. Артамонова, Ю.Д., Кузнецов, В.Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – С.99–117.
10. Асмус, Н.Г. Прецедентность интернет-мемов / Н.Г. Асмус // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы VIII Международной научной конференции. – 2016. – С. 165–168.
11. Ахренова, Н.А. Интернет-лингвистика: доминантный подход / Н.А. Ахренова. – Москва: "Русайнс", 2022. – 178 с.
12. Багаева, Д.В., Гудков, Д.Б., Захаренко, И.В., Красных, В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 1997. – № 3. – С. 62-85.
13. Базылев, В.Н. Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 15. – С. 163–167.
14. Балашова, Л.В. Метафора и языковая картина мира носителя слэнга (на материале прецедентного мира «Детство») / Л.В. Балашова // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – 2008. – № 2. – С. 4–9.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Фатеева Н.А. Идиостиль Ф.М. Достоевского: направления изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 374–389.
16. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. 2-е издание / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 592 с.
17. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
18. Барт, Р. От произведения к тексту // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413-423.

19. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с.
20. Бердяев, Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского / Николай Бердяев. – Москва: Издательство «Э», 2016. – 512 с.
21. Березович, Е.Л. Прецедентный топоним в русской языковой традиции: механизмы формирования и функционирования / Е.Л. Березович // Ономастика Поволжья: тез. докл. IX междунар. конф. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.147–149.
22. Беспалова, Е.А. Прецедентные феномены в газетном тексте (на примере названий литературных произведений) / Е. А. Беспалова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2019. – Т. 9. – № 1(30). – С. 28–36.
23. Бирюкова, Е.О. Особенности языковой игры в телевизионном дискурсе. – М.: Вестник Волгоградского государственного университета. – 2015. – №2. – С. 164-168
24. Богатырева, О.В. Реклама как носитель и транслятор культурных ценностей / О.В. Богатырева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №8. – С.31–33.
25. Боева, Г.Н. Образ Достоевского в рекламном дискурсе / Г.Н. Боева // Швейцарские тетради: Сборник статей. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2021. – С. 77-87.
26. Боярских, О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004-2007 гг.): дисс. ... канд. фил. Наук: 10.02.01 / Боярских Оксана Сергеевна. – Нижний Тагил, 2008. – 232 с.
27. Брагина, Н.Г. «Демотиваторы со смыслом» и наивные толкования: о соотношении вербального и визуального / Н.Г. Брагина. – Санкт-Петербург: Народная лингвистика. – 2014. – С. 49-66.

28. Бугаева, И.В. Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика / И.В. Бугаева // *Стиль*. – 2011. – № 11-1. С. 23–27.
29. Будаев, Э.В. Литературные персонажи как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании / Э. В. Будаев // *Научный диалог*. – 2020. – № 8. – С. 52–68.
30. Будаев, Э.В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования / Э.В. Будаев // *Политическая лингвистика*. – 2021. – № 3(87). – С. 22–36.
31. Валгина, Н.С. Теория текста. – М.: «Логос», 2003. – 173 с.
32. Вартанова, Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. – М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019. – 224 с.
33. Вартанова, Е.Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы / Е.Л. Вартанова // *Меди@льманах*. – 2022. – № 1(108). – С. 8-13. – DOI 10.30547/medialmanah.1.2022.813.
34. Вашунина, И.В. Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста: монография / И.В. Вашунина. – Институт языкознания РАН; НГПУ. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2007. – 421 с.
35. Вежновец, Е.А. Комментарии в социальных сетях: производство и воспроизводство интернет-дискурса / Е.А. Вежновец // *Современный дискурс-анализ*. – 2016. – № 2 (15). – С. 35–58.
36. Вешнякова, А.В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов / А.В. Вешнякова // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2016. – № 6-4. – С. 34-40.
37. Викторова, О.А. Демотивационные постеры с включением прецедентных феноменов / О.А. Викторова // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. – 2015. – №2. – С. 123–128.
38. Волгин, И.Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского / И.Л. Волгин. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. – 736 с.

39. Волкова, С.Н. Ономастическая лексика как средство реализации интертекстуальности художественного текста / С.Н. Волкова // Текст, контекст, интертекст: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XV Виноградовские чтения. В 3-х томах / Ответственный редактор И.Н. Райкова. – Москва: «Книгодел», 2019. – С. 103-107.

40. Воркачев С.Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 255-279.

41. Воробьев, В.В. Теоретические и прикладные аспекты современной лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. № 13(724). – С. 217–226.

42. Ворожцова, О.А. Прецедентные имена в российской и американской печати / О.А. Ворожцова, А.Б. Зайцева // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – № 45. – С. 222–229.

43. Ворожцова, О.А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских федеральных выборов 2004 г.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ворожцова Ольга Александровна. – Екатеринбург, 2007. – 215 с.

44. Воронцова, Т.А. «Деформация информации» в заголовках интернет-СМИ / Т.А. Воронцова // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: Сборник научных трудов Международного научного симпозиума. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. – С. 745–753.

45. Воронцова, Т.А. Прагматическая эффективность аллюзивного заголовка в медиатексте / Т.А. Воронцова // Медиалингвистика: Материалы V международной научной конференции. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2021. – С. 258-261.

46. Врублевская, О.В. Прецедентные антропимы политического дискурса как средство социальной оценки / О.В. Врублевская // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5(77). – С. 132-139. – DOI 10.26170/pl19-05-13.

47. Выровцева, Е.В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных массмедиа / Е.В. Выровцева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 5(360). – С. 207-213.

48. Выровцева, Е.В. Прецедентность как способ выражения позиции автора в медиатексте / Е.В. Выровцева // Мультимедийная журналистика: медиакommunikации и медиаиндустрия: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Минск: Белорусский государственный университет, 2019. – С. 266-270.

49. Выровцева Е.В., Щеглова Е.А. Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43. – № 1. – С. 31–40. doi: 10.15393/uchz.art.2021.565.

50. Высоцкая, И.В. Типология способов трансформации прецедентного текста в газетном заголовке / И.В. Высоцкая, Е.Ю. Перфильева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9. – № 6. – С. 118–124.

51. Высоцкая, И.В. О прецедентном знаке / И.В. Высоцкая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – № 6. – С. 134–141.

52. Высоцкая, И.В. Спорные вопросы теории прецедентности / И.В. Высоцкая // Критика и семиотика. – 2013. – № 18. – С. 117–137.

53. Гимранова Ю.А. Тургеневский интертекст в постмодернистской прозе конца XX – начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Гимранова Юлия Александровна. – Челябинск, 2018. – 180 с.

54. Гладкая, Н.В. Логоэпистемы в креолизованных текстах интернет-дискурса / Н.В. Гладкая // Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. – Серия: Лингвистика. – Т. 21, №2. – С. 424–437.
55. Гридина, Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография / Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2008. – 165 с.
56. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
57. Гудков, Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации / Д.Б. Гудков // Язык. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 11. – С. 40-46.
58. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
59. Гуторенко, Л.С. Прецедентность в креолизованных текстах комического характера в современной интернет-коммуникации (на материале английского языка) / Л.С. Гуторенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-3(69). – С. 82-85.
60. Гуторенко Л.С. Комические креолизованные Интернет-мемы в русско-, испано- и англоязычной виртуальной коммуникации: лингвистический аспект и социокультурные особенности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гуторенко Лидия Сергеевна. – Москва, 2019. – 391 с.
61. Данилина, А.В. Особенности прецедентных феноменов в романе Д. Брауна «Утраченный Символ» / А.В. Данилина // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 12. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61736>
62. Дзялошинский И.М. Медиатизация культуры в цифровой цивилизации: учебное пособие / И.М. Дзялошинский. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 477 с.
63. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие / Т.Г. Добросклонская. – Москва: Флинта, 2008. – 263 с.

64. Добросклонская, Т.Г. Массмедийный дискурс: теория и методы изучения // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Белгород, 2014а. – С. 48-57.
65. Добросклонская, Т.Г. Язык средств массовой информации: учеб. пособие. – М., 2014б. – 116с.
66. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т.Г. Добросклонская. – Москва: «КДУ», «Добросвет», 2020. – 178 с.
67. Дускаева, Л.Р. Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития / Л. Р. Дускаева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2018. – № 6. – С. 48-74. – DOI 10.30547/vestnik.journ.6.2018.4874.
68. Дускаева, Л.Р. Стилистический анализ в медиалингвистике: Монография / Л.Р. Дускаева. – Москва: «ФЛИНТА», 2019. – 340 с.
69. Дускаева, Л.Р. Анализ комического в медиакommunikации в аспекте критики медиаречи / Л.Р. Дускаева // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: Сборник трудов III международной научно-практической конференции. – Белгород: "ПОЛИТЕРРА", 2021. – С. 15-18.
70. Еременко, Е.Г. Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе / Е.Г. Еременко // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. – 2012. – № 6. – С. 130-140.
71. Ерофеева, И.В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века): автореф. дис. ... докт. фил. наук: 10.01.10 / Ерофеева Ирина Викторовна. – СПб., 2010. – 54 с.
72. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... докт. фил. наук: 10.02.19 / Желтухина Марина Ростиславовна. – М., 2004. – 691 с.
73. Жирар, Р. Критика из подполья / Пер. с фр. Н. Мовниной. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 256 с.

74. Замалетдинова, Л.Р. Современные русские урбанонимы в аспекте лингвокреативной речевой деятельности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Замалетдинова Ляйсан Рафатовна. – Москва, 2016. – 214 с.
75. Засурский, Я.Н. Коммуникация в обществе знаний. Российская журналистика: 2008 – 2013. – М.: МедиаМир, 2013. – 296 с.
76. Захаренко, И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте. Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: «Филология», 2017. – С. 92–99.
77. Захаренко, И.В., Красных, В.В., Гудков, Д.Б., Багаева, Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. Язык. Сознание. Коммуникация: сб. ст. – М.: «Филология», 2017. – С. 82–103.
78. Захаров, В.Н. Актуальность Достоевского / В.Н. Захаров // Известный Достоевский. – 2021. – Т. 8. – № 1. – С. 5–20.
79. Землянова, Л.М. Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке. – М.: МедиаМир, 2012. – 188 с.
80. Земская, Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е.А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. – М., 1996. – С. 157–168.
81. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность. / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
82. Иванов, В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том III. Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стихovedение / В.В. Иванов // М.: Языки славянской культуры, 2004. – 816 с.
83. Иванова, М.В. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации / М.В. Иванова, Н.И. Клушина // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 1(103). – С. 52–62. – DOI 10.22204/2587-8956-2021-103-01-52-62.

84. Иванова, М.В. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития / М.В. Иванова, Н.И. Клушина // Русистика. – 2021. – Т. 19. – № 4. – С. 367-382. – DOI 10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382.

85. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 250 с.

86. Ильченко, С.Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ. – Ростов-на-Дону, «Феникс», 2021. – 188 с.

87. Ильясова, А.Ж. Креативные рецепции произведений Ф.М. Достоевского в современной прозе / А.Ж. Ильясова // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2020. – № 3. – С. 133-148. – DOI 10.26170/ufv20-03-11.

88. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов / Коллективная монография; науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 352 с.

89. Ионова, С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Ионова Светлана Валентиновна. – Волгоград, 2006. – 40 с.

90. Иссерс, О.С. Медиафейки: между правдой и мистификацией / О.С. Иссерс // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 2(2). – С. 112-123.

91. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О.С. Иссерс. М.: ЛЕАНД, 2015. – 304 с.

92. Иссерс, О.С. Массовая речевая культура в аспекте медиатизации социальных коммуникаций / О.С. Иссерс // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 6. – С. 177-187. – DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-177-187.

93. Иссерс, О.С. Речевое воздействие / О.С. Иссерс. – 5-е издание. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2020. – 240 с.

94. История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / В.В. Виноградов; Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М., 1999. – 1138 с.
95. Кабанков, А.И. Прецедентный мир В. Высоцкого в дискурсе новых медиа: семантико-аксиологический и регулятивный аспекты: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Кабанков Артём Игоревич. – Томск, 2017а. – 225 с.
96. Кабанков, А.И. Дискурсивная эволюция прецедентного мира В. Высоцкого в новых медиа и «чужие» тексты // Коммуникативные исследования. – 2017б. № 3 (13). – С. 80–88.
97. Казак, М.Ю., Махова, А.А. Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности / М.Ю. Казак, А.А. Махова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – №24 (95), т.12. – С. 175–182.
98. Казак, М.Ю. Специфика современного медиатекста / М. Ю. Казак // Современный дискурс-анализ. – 2012. – № 1(6). – С. 30–41.
99. Казак, М.Ю. Разнотипные интертекстемы в журналистском тексте: опыт функционального описания / М.Ю. Казак, А.А. Махова // Медиалингвистика. – 2015. – № 2(8). – С. 93-103.
100. Канашина, С.В. Эффект обманутого ожидания в интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия С.В. Канашина // Вестник ТГПУ. – 2017. 10 (187) – С. 9–14. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-9-14
101. Канашина С.В. Интернет-мем и прецедентный феномен // Вестник ТГПУ. – 2018. 4 (193). – С. 122–127. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127
102. Канашина, С.В. Интернет-мем и юмор / С.В. Канашина // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2022. – Т. 41. – № 2. – С. 317–328.
103. Кара-Мурза, Е.С. Лингвистическая экспертиза / Е.С. Кара-Мурза // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): словарь-справочник. / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2014. – С. 275-276.

104. Кара-Мурза, Е.С. Медиатекст: конфликтогенность поликодового и мультиканального творчества / Е.С. Кара-Мурза // Медиатренды. – 2017. – № 52, С.6.

105. Карасик, В.И. Аксиологическая лингвистика: перспективы развития / В.И. Карасик // Ментальность и изменяющийся мир: коллектив. моногр.: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 13–20.

106. Карасик, В.И. Культурогенные тексты: функции, жанры, авторы / В.И. Карасик // Социальные и гуманитарные знания. – 2020. – Т. 6. – № 1(21). – С. 82–91.

107. Карасик, В.И. Оценочная квалификация медиафакта / В.И. Карасик // Медиалингвистика: Материалы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня – 02 2022 года / Науч. редактор Л.Р. Дускаева, отв. редактор А.А. Малышев. Том Выпуск 9. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2022. – С. 625–629.

108. Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. – М.: Наука, 2013. – С. 105-126.

109. Караулов, Ю.Н. От словаря языка писателя к познанию его мира: о некоторых базовых концептах в творчестве Ф.М. Достоевского / Ю.Н. Караулов, И.В. Ружицкий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4(45). – С. 16–22.

110. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Книжный дом «Либроком», 2019. – 264 с.

111. Карпушкин, В.Г., Шмелева, Т.В. Не путай комическое и каноническое: креатив на ровном месте / В.Г. Карпушкин, Т.В. Шмелева // Лингвистика креатива-4: Коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 104-135.

112. Касаткина, Т.А. Богословствование Достоевского посредством библейской и литургической цитаты // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2021. Вып. 39. – С. 238–260.
113. Касперова, Л.Т. Стилистические и жанровые особенности интернет-комментариев / Л.Т. Касперова // Русская речь. – 2018. – № 1. – С. 63-68.
114. Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. – СПб.: ИД "ПЕТРОПОЛИС", 2013. – 432 с.
115. Кибальник С.А. Гипертексты «Преступления и наказания» в русской литературе конца XIX – начала XXI века // Текст и традиция. Альманах 6. Гл. Ред Е. Водолазкин. – СПб., 2018. – С. 128–139.
116. Кириллова, Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н.Б. Кириллова. – Изд. 2–е, перераб. и доп. – М.: Академический Проект, 2006. – 448 с.
117. Кириллова, Н.Б. Концепт постмодерна как явление культурного полифонизма // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 11 (27) – С. 155–162.
118. Кирия, И.В., Новикова, А.А. История и теория медиа. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2017. – 422 с.
119. Клушина, Н.И. Стилистика публицистического текста / Клушина Н.И. – М.: МедиаМир, 2008. – 242 с.
120. Клушина, Н.И. Медиастилистика / Н. И. Клушина. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2018. – 184 с.
121. Клушина, Н.И. О статусе интернет-жанра в современной медиастилистика / Н.И. Клушина // Язык. Текст. Дискурс. – 2020. – № 18. – С. 50-59.
122. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов / М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
123. Коньков, В.И. Система презентации медиатекста // Медиалингвистика. 2015. № 2. С. 35–44.

124. Коняева Ю.М. Номинация персоны как способ передачи саркастической оценки // MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность: Материалы V Международной научной конференции. – Челябинск: Челябинский государственный университет. – 2020. – С. 86–89.

125. Косиченко, Е.Ф. Интернет-мем как жанр комического // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. Вып. 2 (857). – С. 16–23. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_16

126. Костомаров, В.Г. Из наблюдений над языком газеты: газетные заголовки. // Из опыта преподавания русского языка нерусским. – М.: Мысль, 1965. –С. 163-181.

127. Костомаров, В.Г., Бурвикова, Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 297–302.

128. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2003. – 288 с.

129. Костомаров, В.Г. Язык текущего момента: понятие «правильности»: монография / В.Г. Костомаров. – Спб.: Златоуст, 2014. – 220 с.

130. Кошечко, А.Н. Экзистенциальная судьба Ф.М. Достоевского: способы отражения в слове. – Томск: Изд-во ТПУ, 2014. – 160 с.

131. Красноярова, О.В. Текст и медиатекст: проблема дифференциации понятий / О. В. Красноярова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4. – № 1. – С. 85-100. – DOI 10.17150/2308-6203.2015.4(1).85-100.

132. Красных, В.В., Гудков, Д.Б., Захаренко, И.В., Багаева, Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. – М.: Вестник МГУ. Сер.: Филология. – 1997. – № 3. – 65 с.

133. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог МГУ, 1998. – 352 с.

134. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
135. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
136. Кремнева, А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. – Барнаул: АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2017. – 378 с.
137. Кремнева, А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семиотический аспект: на материале английского языка: дисс. ... докт. фил. наук: 10.02.04 / Кремнева Анна Валерьевна. – Барнаул, 2019. – 418 с.
138. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.
139. Кройчик, Л.Е. Система журналистских жанров / Л.Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студентов высших учебных заведений. – Санкт-Петербург: Общество "Знание", 2000. – С. 125–167.
140. Ксензенко, О.А. Лингвокогнитивные вопросы изучения современной медиасферы / О.А. Ксензенко, Е.О. Менджеричкая // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2021. – № 5. – С. 100–110.
141. Кузьмина, Л.А. «Прецедентный мир» Ф. М. Достоевского в современных медиа / Л.А. Кузьмина // Русский язык в поликультурном мире. Том 1. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021. – С. 348–352.
142. Кузьмина, Л.А. Национальный корпус русского языка как инструмент изучения прецедентных знаков высокой культуры со сферой-источником «русская классическая литература» / Л.А. Кузьмина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022а. – Т. 15. – № 9. – С. 2860–2869.

143. Кузьмина, Л.А. Текстогенность прецедентных знаков культуры в заголовочном комплексе / Л.А. Кузьмина // Медиалингвистика: Материалы VI международной научной конференции. Том Выпуск 9. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2022б. – С. 239–242.

144. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – Екатеринбург; Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 1999. – 268 с. – ISBN 5-7525-0699-9.

145. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – Издание 2-е, стереотипное. – Москва: УРСС, 2004. – 267 с. – ISBN 5-354-00889-1.

146. Кузьмина, Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации / Н.А. Кузьмина. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2009. – 228 с.

147. Кузьмина, Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса [Электронный ресурс] / Н.А. Кузьмина // Медиаскоп. – 2011а. – № 1. Режим доступа: URL: <http://www.mediascope.ru/node/755>.

148. Кузьмина, Н.А. Лирический текст в научной и авторской рефлексии // Функциональная семантика: к 80-летию акад. МАН ВШ Л.А. Новикова. Сост. Н.В. Новоспаская, Н.В. Перфильева. – М., 2011б. – С. 222–238.

149. Кузьмина, Н.А. Медиатекст как объект медиалингвистики / Н.А. Кузьмина // Современный медиатекст. – Омск: Полиграфический центр «Татьяна», 2011в. – С. 11–55.

150. Кульчицкая, Д.Ю. Новые медиа в глобальном мире: учебное пособие для студентов вузов / Д.Ю. Кульчицкая. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – 141 с.

151. Кушнерук, С.Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе / С.Л. Кушнерук // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. № 13. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – С. 146–155.

152. Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: дис. канд. фил. наук: 10.02.20 / Кушнерук Светлана Леонидовна. – Екатеринбург, 2006. – 218 с.

153. Кэмп-Фигура, Д. (Интернет-)мем как новый медиажанр. Постановка вопроса // Медиалингвистика, 6 (1). – 2019. – С. 103–121.

154. Лавриненко, Т.А. Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской лингвокультуре: втореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Лавриненко Татьяна Алексеевна. – Волгоград, 2008. – 21 с.

155. Лазутина, Г.В. Жанры журналистского творчества: учеб. пособие для студентов вузов / Г.В. Лазутина, С.С. Распопова. – М., 2011. – 320 с.

156. Левина, Л.А. Авторская песня как явление русской поэзии второй половины XX века: эстетика, поэтика, жанры: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Левина Лариса Александровна. – М., 2006. – 44 с.

157. Лекова, П.А. «Чужое» слово в массмедийном тексте / П.А. Лекова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12. – Ч. 3. – С. 134–137.

158. Лисоченко, О.В. Прецедентные имена как средство компрессии смысла в художественном тексте // Языковые и культурные контакты различных народов. Сборник материалов Всероссийской научной методической конференции. Ч. I. – Пенза, 2002. – С. 120–122.

159. Ломакина, О.В., Нелюбова, Н.Ю. Текст художественной литературы как основа для интернет-мема: из опыта анализа современных рецепций / О.В. Ломакина, Н.Ю. Нелюбова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 437. – С. 36-44. – DOI 10.17223/15617793/437/5.

160. Лотман, Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн, 1992. – 478 с.
161. Лотман, Ю.М. Семиосфера. – СПб: «Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.
162. Лотман, Ю.М. Текст в тексте // Ю.М. Лотман. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2004. – С. 62–73.
163. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Litres, 2017. – 21 с.
164. Любимцева-Наталуха, Л.Н. Драматургический ремейк в литературе XX–XXI веков: жанр, типология, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08 / Любимцева-Наталуха Лариса Николаевна. – Горловка, 2020. – 371 с.
165. Лютая, А.А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лютая Анна Алексеевна. – Волгоград, 2008. – 21 с.
166. Майданова Л.М., Калганова С.О. Практическая стилистика жанров СМИ: учебное пособие. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2006. – 334 с.
167. Малышева, Е.В. Интернет-коммуникация как инструмент формирования общественного мнения / Е.В. Малышева, А.А. Бынев // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 5 (42). – С. 129–133. – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/042/14_42.pdf
168. Малышева, Е.Г. «Гибридный» публицистический текст в региональных печатных СМИ (на материале публикаций С. Шкаева) [Электронный ресурс] / Е.Г. Малышева // Медиаскоп 2014. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1552>
169. Маркелова, Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография / Т.В. Маркелова. – Москва: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. – 297 с.

170. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста / Л.Г. Антонова, Е.Г. Борисова, Л.Г. Викулова. М.: Флинта, 2019. – 164 с.

171. Медiateкст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова (отв. ред.) – Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010. – 226 с.

172. Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы: материалы II научно-практической конференции / под ред. Я.В. Солдаткиной. М.: МПГУ, 2017. – 200 с.

173. Михеева, Е.С. Прецедентные вербальные феномены в информативно-привлекательных заголовках современных российских СМИ / Е.С. Михеева // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. – Нур-Султан, Казахстан: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2019. – С. 1682–1687.

174. Михеева, Е.С. Стилистический приём полисемантики в текстах СМИ: на материале русскоязычных газетных заголовков и рекламных слоганов: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Михеева Елена Сергеевна. – М., 2013. – 152 с.

175. Михина, Е.В. Чеховский интертекст в русской прозе конца XX – начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Михина Елена Владимировна. – Екатеринбург, 2008. – 199 с.

176. Михновец, Н.Г. Прецедентные произведения и прецедентные темы, их место и роль в творчестве Ф.М. Достоевского: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Михновец Надежда Геннадьевна. – СПб, 2007. – 522 с.

177. Морозова, М.Е. Явление прецедентности в романах Д. Брауна: функциональный и культурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Морозова Евгения Леонидовна. – Ставрополь, 2010. – 25 с.

178. Москвин, В.П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология // Известия ВГПУ. – 2013. – № 2. – С. 54-62.
179. Муренина, Е.К. Литературная классика на театральной сцене: проблемы канонизации и креативности в движении эпох / Е.К. Муренина // Бахрушинские чтения: Коллективная монография. – Москва: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2017. – С. 16–25.
180. Наумова, И.А. О прецедентных феноменах из сферы-источника «русская классическая литература» в средствах массовой информации Российской Федерации / И.А. Наумова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14, № 2. – С. 81–87.
181. Наумова, И.А. Прецедентные феномены из сферы-источника «Русская литература конца XIX–XX вв.» в российских СМИ // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2019. – Т. 3. – № 2. – С. 42–50.
182. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – 207 с.
183. Нахимова, Е.А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1(67). – С. 41-46. – DOI 10.26170/pl18-01-04.
184. Нахимова, Е.А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1(67). – С. 41–46.
185. Негрышев, А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ: учебное пособие. – Владимир: ВГГУ, 2009. – 144 с.
186. Негрышев, А.А. Интерпретация в новостях СМИ: потенциал синтагматической структуры текста / А.А. Негрышев // Медиаальманах. – 2014. – № 1. – С. 78–84.
187. Николина, Н.А. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка / Н.А. Николина, Л.В. Рацибурская, В.Г. Фатхутдинова // Вестник Волгоградского

государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 5–19.

188. Новикова, М.Л. Норма и языковые аномалии в медиапространстве (праксиологический аспект) / М. Л. Новикова // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. – С. 63-69.

189. Новые медиа в России: Активные процессы в языке и коммуникации / Е.Г. Малышева, Е.А. Никитина, Н.В. Орлова [и др.]. – Издание 2-е, дополненное. – Москва: URSS, 2019. – 400 с.

190. Общая и русская лингвоаксиология / М.С. Милованова, К.Я. Сигал, В.И. Карасик [и др.]; Российская Академия наук. Институт языкознания; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. – 390 с.

191. Омеляненко, В.А., Ремчукова, Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности / В.А. Омеляненко, Е.Н. Ремчукова // Коммуникативные исследования. – 2018. – Том 17. – № 3. – С. 66–78.

192. Отева, К.Н. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современных театральных адаптациях / К.Н. Отева // Языки культуры. – 2020. – № 3(42) – С. 77–84. DOI 10.37386/2305-4077-2020-3-77-84

193. Павлов, М.А. Своеобразие жанра интернет–комментария в социальных сетях / М.А. Павлов // Наука и образование: новое время. – 2017. – № 2 (19). – С. 101–108.

194. Параллели и меридианы медиапространства: К 85-летию Я.Н. Засурского / Я.Н. Засурский, Е.Л. Вартанова, О.А. Бакулин [и др.]. – Москва: Факультет журналистики ФГОУ ВО "Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова", 2014. – 242 с.

195. Пастухов, А.Г. О границах медиа: новые медиа и новая медийная культура / А.Г. Пастухов // Учёные записки Орловского государственного

университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – №1. – С. 182–188.

196. Пикулева, Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Пикулева Юлия Борисовна. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

197. Повалко, П.Ю. Творчество Ф.М. Достоевского в современной постмодернистской литературе: метаморфозы и трансформации / П.Ю. Повалко // III Международная научная конференция «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее, будущее», Скопье (Македония). – 2021. – С. 133–139.

198. Повалко, П.Ю. Трансформация образа Достоевского в литературе постмодерна: фигура ФМД в пространстве текстов В. Сорокина / П.Ю. Повалко // Материалы конференции «Четвёртые Григорьевские чтения “Семантические преобразования в художественном тексте”». – М., 2022а [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/grigoriev2022/Poval.pdf>

199. Повалко, П.Ю. «Прецедентный мир» Достоевского в постмодернистской парадигме современного текста / П.Ю. Повалко // Медиалингвистика: Материалы VI международной научной конференции. Том Выпуск 9. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2022б. – С. 438–441.

200. Полонский, А.В. Современный массмедийный текст и его параметры / А.В. Полонский // Стилистика сегодня и завтра: материалы конф. Ч. 1. – М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. – С. 190–197.

201. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.

202. Радбиль, Т.Б. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета / Т.Б. Радбиль, А.И. Помазов

// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 1. – С. 140–153.

203. Радбиль, Т.Б. «Культурный фон» как имплицитный культурный компонент в семантике языковых знаков / Т.Б. Радбиль // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 2(45). – С. 283–293.

204. Радбиль, Т.Б. Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода / Т. Б. Радбиль, Л. Ясаи, И. В. Палоши // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 1. – С. 101–121.

205. Рацибурская, Л.В. Активные деривационные процессы как отражение языковой картины мира / Л.В. Рацибурская // Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: Коллективная монография / Под редакцией Л.В. Рацибурской. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 35–49.

206. Рацибурская, Л.В. Словообразовательные средства выражения субъективной модальности в современном медийном словотворчестве / Л.В. Рацибурская // Модальность. Коммуникация. Текст: Сборник научных трудов международной научной конференции. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. – С. 152–158.

207. Ремчукова, Е.Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива» / Е.Н. Ремчукова // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2016. – № 7. – С. 157–168.

208. Ремчукова, Е.Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта / Е.Н. Ремчукова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 2. – С. 83–89.

209. Ремчукова, Е.Н. Стилистические приемы в медиатекстах: полисемантика vs амфиболия / Е.Н. Ремчукова, Е.С. Михеева // Медиалингвистика / Под редакцией Л.Р. Дускаевой. Выпуск 4. – Санкт-

Петербург: Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. – 2015. – С. 92–96.

210. Ремчукова, Е.Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива» / Е.Н. Ремчукова // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2016. – № 7. – С. 157–168.

211. Ремчукова, Е.Н. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города / Е.Н. Ремчукова, Т.П. Соколова, Л.Р. Замалетдинова // Ценности и смыслы. – 2017. – № 6(52). – С. 94–108.

212. Ремчукова Е.Н., Апостолиди А.А. Малоформатные медиатексты «новостного потока» в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 651–668.

213. Ремчукова, Е.Н. Трудности перевода русской классики: роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин" на английском и французском языках / Е.Н. Ремчукова, Е.М. Недопекина // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – Т. 24. – № 4. – С. 945-968. – DOI 10.22363/2687-0088-2020-24-4-945-968.

214. Ремчукова, Е.Н., Соколова, Т.П. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города / Е.Н. Ремчукова, Т.П. Соколова // Лингвистика креатива-5. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. – С. 327–341.

215. Ремчукова, Е.Н. «Романы Достоевского дописывает жизнь»: прецедентные культурные знаки как актуальный отклик на социально значимые события / Е.Н. Ремчукова, Л.А. Кузьмина // Достоевский в смене эпох и поколений: материалы II Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. – С. 373–379.

216. Ремчукова, Е.Н. «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социокультурном и «игровом поле» современных медиа / Е.Н. Ремчукова, Л.А. Кузьмина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 45–67.

217. Ремчукова, Е.Н. «Цитатное письмо» в медиатексте как прецедентный комплекс знаков высокой культуры со сферой-источником «Достоевский» / Е.Н. Ремчукова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2022. – № 2. – С. 93–103.

218. Ремчукова, Е.Н. Динамика прецедентного знака в медиатексте: прецедентное клише как стандарт, прецедентный комплекс как творчество комплексе / Е.Н. Ремчукова // Медиалингвистика: Материалы VI международной научной конференции. Том Выпуск 9. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2022. – С. 254–256.

219. Рецепция Достоевского в мировой культуре: история и современность: коллективная монография / под ред. В.Е. Багно, В.М. Дмитриева. – СПб: Изд-во Пушкинского дома, 2021. – 207 с.

220. Ружицкий, И.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского: Лексикографическое представление: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Ружицкий Игорь Васильевич. – Екатеринбург, 2015. – 57 с.

221. Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / Коллектив авторов под ред. И.А. Есаулова, Ю.Н. Сытиной, Б.Н. Тарасова. – М.: «ИНДРИК», 2017. – 488 с.

222. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова [и др.]. – Москва: «ФЛИНТА», 2021. – 328 с.

223. Русский язык и культура речи: Учебник / Т.И. Сурикова, Н.И. Клушина, И.В. Анненкова, Г.Я. Солганик. – 1-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2016. – 239 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-5723-5.

224. Савицкая, Т.Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры / Т.Е. Савицкая // Информационные технологии. – 2017. – № 1. – С. 1–17.

225. Сараскина, Л.И. Кириллов / Л.И. Сараскина // Энциклопедия литературных героев: Зарубежная литература XVIII – XIX веков / под общей редакцией А. М. Зверева. – Москва: Олимп: АСТ, 1997. – С. 196–197.
226. Сараскина, Л.И. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). – М.: Русский путь, 2006. – 608 с.
227. Сараскина, Л.И. Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. Монография / Л.И. Сараскина. – Москва: Прогресс-Традиция, 2010. – 600 с.
228. Сараскина, Л.И. Достоевский / Л.И. Сараскина. – 2-е издание. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 825 с.
229. Сараскина, Л.И. Образ Достоевского в эпоху политических реабилитаций. Критика, экран, сцена / Л.И. Сараскина // Художественная культура. – 2019. – № 4(31). – С. 426–459.
230. Сараскина, Л.И. Федор Достоевский в плену обыденности и повседневности / Л. И. Сараскина // Текст и традиция. – 2020. – Т. 8. – С. 220–253.
231. Свешникова, Н.В. Художественные тексты как источник прецедентности современных российских СМИ / Н.В. Свешникова // Новые горизонты русистики. – 2019. – № 8. – С. 64–69.
232. Свистун, Т.И. Прецедентные явления: трансформационные процессы / Т.И. Свистун, И.Л. Ильичева // Дискурс. – 2021. – Т. 7. – № 6. – С. 109–119.
233. Семенец, О.П. Прецедентный текст в газетном заголовке и современная текстовая картина мира / О.П. Семенец. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 117 с.
234. Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета / Н.И. Клушина, Н.В. Смирнова, Л.Т. Касперова [и др.] // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 50-54. – DOI 10.24411/2499-9679-2018-10134.

235. Сидорова, В.В. Прецедентный мир Дж. Р.Р. Толкина в политическом дискурсе американских и российских СМИ / В.В. Сидорова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3(41). – С. 170-177.
236. Сковородников, А. П. Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет / А. П. Сковородников // Русская речь. – 2004а. – № 6. – С. 68 – 76.
237. Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира: Коллективная монография / Ю.Н. Караулов, Е.Л. Гинзбург, М.М. Коробова [и др.]; Под общей редакцией Е.А. Осокиной. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ЛЕКСРУС», 2014. – 528 с.
238. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
239. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М.: Academia, 2013. – 29 с.
240. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 212 с.
241. Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры (Динамические процессы в языке и стиле журналистики): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Сметанина Светлана Ивановна. – Санкт-Петербург, 2002. – 378 с.
242. Смирнов, И.П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака) / И.П. Смирнов. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1995. – 193 с.
243. Смулаковская, Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе / Р.Л. Смулаковская // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12. – 137 с.
244. Современный медиатекст / Н.А. Кузьмина, Н.И. Клушина, Т.В. Шкайдерова [и др.]. – Омск: Полиграфический центр «Татьяна», 2011. – 413 с.

245. Современные проблемы изучения поэтики и биографии Достоевского: Рецепция, вариации, интерпретации / под ред. В.Н. Захарова, К.А. Степаняна, Б.Н. Тихомирова. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016. – 368 с.

246. Солганик, Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX веке / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2002. – № 2. – С. 39-53.

247. Солганик, Г.Я. К определению понятий "текст" и "медиатекст" / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7-16.

248. Солганик, Г.Я. Язык СМИ и политика. – М. Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. – 2012. – 952 с.

249. Солганик, Г.Я. Существуют Ли художественно-публицистические жанры? / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 127-131.

250. Солдаткина, Я.В. Медийные свойства русской литературы XX-XXI веков: в поисках нового художественного языка // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы: материалы научно-практической конференции / под ред. Я. В. Солдаткиной. – М.: МПГУ, 2015. – С. 28–37.

251. Солдаткина, Я.В. Понятие «медиасловесность» и актуальные процессы в современной культуре // Преподаватель XXI век. – 2017. № 2-2. – С. 356–368.

252. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: Монография. В 2-х томах / Т. А. Алтухова, В. В. Бульдяева, А. Б. Бушев [и др.]; Под научной редакцией Н.Д. Голева, отв. ред. Л.Г. Ким. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. – 430 с.

253. Строева, Ю.Ю. Интертекстуальность в медиадискурсе и способы ее перевода на русский язык // Культура и цивилизация. – 2017. – Том 7. – № 6А. – С. 58-64.

254. Темникова, Л.Б. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Л.Б. Темникова // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". – 2016. – № 4. – С. 571-579.

255. Темникова, Л.Б. О многообразии медиа жанров в современной Российской и зарубежной журналистике / Л.Б. Темникова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 115. – С. 999-1008.

256. Темникова, Л.Б. Жанровые системы в современном медиа и интернет-пространстве / Л.Б. Темникова, А.В. Вандышева // Общественные науки. – 2017. – № 6. – С. 453-460.

257. Терских, М.В. Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Терских Марина Викторовна. – Омск, 2003. – 26 с.

258. Терских, М.В. Интертекстуальность как инструмент создания креативной рекламы / М.В. Терских // Научный диалог. – 2019. – № 10. – С. 232–248.

259. Терских, М.В. Делимитативная функция интертекстуальных включений в современной социальной рекламе / М.В. Терских // Омские научные чтения – 2020: материалы Четвертой Всероссийской научной конференции. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2020. – С. 986–991.

260. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 310 с.

261. Тихомиров, Б.Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. – СПб.: Серебряный век, 2012. – 504 с.

262. Тороп, П.Х. Проблема интекста // Труды по знаковым системам XIV. Текст в тексте. – Тарту: Ученые записки Тартуского госуниверситета, 1981 – С. 33–44.

263. Трофимова, Г.Н. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации): монография / Г.Н. Трофимова, В.В. Барабаш. – Москва: РУДН, 2020. – 273 с.

264. Трофимова, Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 300 с. – 2-е издание, исправленное и дополненное.

265. Трунин, С.Е. Рецепция Достоевского в русской прозе рубежа XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Трунин Сергей Евгеньевич. – М., 2008. – 24 с.

266. Тырыгина, В.А. Жанры в информационно-массовом дискурсе. – М.: Прометей, 2007. – 359 с.

267. Тырыгина, В.А. Медиажанры в когнитивной интерпретации. Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Логос, 2013. – № 1. – С. 58-69.

268. Фатеева, Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – №5. – С. 12–21.

269. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – Издание 3-е, стереотипное. – Москва, 2007. – 280 с.

270. Филинский, А.А. Стратегия манипуляции в политическом дискурсе / А.А. Филинский // Языковые подсистемы: стабильность и динамика. – Тверь, 2002. – С. 171 – 178.

271. Филичкина, Т.П. Идеологическая модальность прецедентных феноменов в англоязычном политическом дискурсе / Т.П. Филичкина //

Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 3, № 2. – 244–252.

272. Флейшер, Е.А. Основы прецедентности имени собственного: дис. ... канд. фил. Наук: 10.02.01 / Флейшер Екатерина Андреевна. – Санкт-Петербург, 2014. – 164 с.

273. Фокин, С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. – СПб.: РХГА, 2013. – 396 с.

274. Цветова, Н.С. Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики // Медиалингвистика. – 2020. № 7 (3). – С. 280–292.

275. Чемезова, И.А. Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чемезова Ирина Анатольевна. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.

276. Черноморец, М.В. Лингвокультурные концепты германских канцлеров: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Черноморец Максим Владимирович. – Волгоград, 2010. – 20 с.

277. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 248 с. – ISBN 978-5-397-00289-9.

278. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская. – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – 208 с.

279. Чернявская, В.Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В.Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 50. – С. 135-148. – DOI 10.17223/19986645/50/9.

280. Чеснокова, О.С. Интерпретация художественного текста: русско-испанский диалог / О.С. Чеснокова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2018. – 174 с. – (Научная мысль). – ISBN 978-5-16-013840-4. – DOI 10.12737/monography_5a93b4d9d3a855.54396012.

281. Чичерина, Н.В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. – М.: Изд. Стереотип, 2018. – 232 с.
282. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
283. Чудинов, А.П. Российская политическая метафорика в начале XXI века / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. 2008. – № 24. – С. 86–93.
284. Чулкина, Н.Л. «Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы «Словарю языка Достоевского. Идиоглоссарий») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 390–416.
285. Чумак-Жунь, И.И. Функционирование прецедентного образа в поэтическом дискурсе / И.И. Чумак-Жунь // Художественный текст и языковая личность: материалы IV Всерос. науч. конф. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2005. – С. 83–87.
286. Чумак-Жунь, И.И. Понятие прецедентность в контексте дискурсивных исследований / И.И. Чумак-Жунь // Журналистика и медиаобразование в XXI веке. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 315–319.
287. Чумак-Жунь, И.И., Мальцева, Г.Ю. Игровая направленность прецедентного текста в свете теории интертекстуальности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 38 (2) – 2019. – С. 253–262.
288. Шаклеин, В.М. Сжатый текст в современной лингвокультуре / В.М. Шаклеин // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2018. – № 6. – С. 551-556.
289. Шаклеин, В.М. Лингвокультурология. Прошлое. Настоящее. Будущее / В.М. Шаклеин. – Воронеж: Наука - Юнипресс, 2013. – 320 с.
290. Шваб, К.М., Маллере, Т. COVID-19: Великая перезагрузка. – Издательство Forum Publishing, 2020. – 152 с.

291. Щетинина, Е.В. Художественная интерпретация произведений Ф.М. Достоевского в современной массовой культуре / Е.В. Щетинина // Вестн. Ом. ун-та. 2011. № 1. – С. 209–214.

292. Шимко, В.Г., Борискина, О.О. Вариации прецедентных феноменов в медиадискурсе, или еще одна попытка «поверить алгеброй гармонию» / В.Г. Шимко, О.О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. № 3. – С. 15–24.

293. Шмелева, Т.В. Медиалингвистика на фоне сферной дифференциации науки о языке / Т.В. Шмелева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3(67). – С. 220–226.

294. Шмелева, Т.В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – 2018. – № 4(20). – С. 270–276.

295. Шмелева, Т.В. Поликодовость городского ономастикона / Т. В. Шмелева // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 51–66.

296. Шмелева, Т.В. Метакоммуникация в социальных сетях / Т.В. Шмелева // Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: Монография. В 2-х томах / Под научной редакцией Н.Д. Голева, отв. ред. Л.Г. Ким. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. – С. 52–61.

297. Щукина, К.А. Прецедентные феномены в пирожках и порошках – новых жанрах современной интернет-поэзии / К.А. Щукина // Мир русского слова. – 2015. – №4. – С. 49–54.

298. Щурина, Ю.В. Интернет-мем как прецедентный феномен / Ю.В. Щурина // Язык в различных сферах коммуникации: материалы международной научной конференции. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2014а. – С. 102-108.

299. Щурина, Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии / Ю. В. Щурина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014б. – № 6(59). – С. 85-89.

300. Щурина, Ю.В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета / Ю.В. Щурина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014в. – № 2(87). – С. 39–43.

301. Щурина, Ю.В. Демотиватор как комический речевой жанр Интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I международной научной конференции. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2012. – С. 405-407.

302. Щурина, Ю.В. Интернет-мем как жанр и "нюсмейкер" в современном медиапространстве / Ю.В. Щурина, М.Б. Харохорина // Медиалингвистика. – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 263-275.

303. Эпштейн, М. Постмодерн в России. Литература и теория. – М.: Издание Р. Элинина, 2000. – 368 с.

304. Albay, M., Serbes, M., Intertextuality in the Literature / International Journal of Social Sciences & Educational Studies, Iraq, vol. 3 / issue 4, pp. 208-214, 2017.

305. Annenkova, I.V. The System of Russian Contemporary Media Discourse Media Toposes as a Reflection and a Transformation of Russian Cultural Archetypes / I.V. Annenkova // Media Linguistics. – 2019. – Vol. 6. – No 1. – P. 87-102. DOI: 10.21638/spbu22.2019.107

306. Annenkova, I.V. Mediatization of the Legal Sphere in Russia: A New Digital Culture of Law in the Media Space / I.V. Annenkova, L.V. Stebeneva, N.M. Golovina // Kutafin Law Review. – 2022;9(2) – 277-308. DOI: 10.17803/2713-0525.2022.2.20.277-308

307. Bogoyavlenskaya, Y.V., Nakhimova, E.A., Chudinov, A.P. Precedent utterances in the national historical memory: A corpus study // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2016. № 2 (47). Pp. 39–48.

308. Boriskina, O.O. A corpus-based study of noun cryptotypes in English // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегод. Междунар. конф. М., 2011. С. 135–145.
309. Bruthiaux, P. The Discourse of Classified Advertising: Exploring the Nature of Linguistic Simplicity / P. Bruthiaux. – New York: Oxford University Press, 1996. – 224 p.
310. Budaev, E., Chudinov, A.P. Transformations of precedent text: Metaphors we live by in academic discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1 (50). С. 60–67.
311. Chesnokova, O.S. Pragmatics of confidence in the short novel "the eternal husband" by Fyodor Dostoevsky / O.S. Chesnokova // Multidimensional Language Worlds: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, 28 октября 2015 года / Peoples' Friendship University of Russia. – Moscow: Российский университет дружбы народов, 2015. – P. 96-105.
312. Chesnokova, O.St. De madres y maridos: formas de tratamiento en Unamuno y Dostoievski. Un enfoque traductológico / O.St. Chesnokova, R.V. Monforte Dupret // Cuadernos de Rusística Española. – 2019. – Vol. 15. – P. 237-250. – DOI 10.30827/cre.v15i0.8688.
313. Cook, G. The Discourse of Advertising / G. Cook. – London; New York: TJ Press (Padstow), 1992. – 251 p.
314. Davies, M. Corpus of News on the Web (NOW): 6+ billion words from 20 countries, updated every day. Provo, 2013. URL: <https://www.english-corpora.org/now/>
315. Dyer, G. Advertising as communication. – London: Methuen, 1995. – 176 с.
316. Kotler, P., Armstrong, G., Saunders, J., Wong, V. Principles of marketing. – New Jersey: Prentice hall, 1999. – 1031 с.
317. Flew, T. New Media. – Oxford: Oxford University Press, 2014.
318. Fuchs C. Social Media: A Critical Introduction. – London: Sage, 2017.

319. Graham, A. *Intertextuality* / A. Graham. – London: Routledge, 2002. – Pp: 238
320. Koller, V. *Brand images: Multimodal metaphor in corporate branding messages* / V. Koller // *Multimodal Metaphor*. – Berlin, 2009. – P. 45-72.
321. Kress, G. *Literacy in the New Media Age* / G. Kress. – London; New York, 2003. – 251 p.
322. Kress, G. *Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication* / G. Kress. – L.: Routledge, 2010. – 212 p.
323. Kristeva Julia. *Dostoïevski: Pages choisies*. – Paris: Buchet; Chastel, 2019. – 256 p.
324. Kuzmina Luiza, Remchukova Elena. *Russian classical literature text as a precedent phenomenon of the modern media space*. // *NORDSCI International Conference Proceedings, Bulgaria, 12–14 October 2020*. – Bulgaria: SAIMA CONSULT LTD, 2020. – Book 1, Volume 3. – Pp. 173–181.
325. Küng, L., Picard, R., Towse, R. (eds.) *The Internet and the Mass Media*. – London: Sage, 2008.
326. Lennon, P. *Allusions in Press: An Applied Linguistic Study*. – New York. – 2004. – 297 p.,
327. Martin, J. R., Rose, D. *Working with Discourse. Meaning beyond the clause*. – London, New York. 2003.
328. Montgomery, M. *Discourse of Broadcast News. A Linguistic Approach*. – Routledge, 2007. – 246 p.
329. Temnikova, L.B. *Social media as an integral element of modern communication* / L. B. Temnikova, A. V. Vandisheva // *Communication Studies*. – 2022. – Vol. 9. – No 2. – P. 274-284. – DOI 10.24147/2413-6182.2022.9(2).274-284.
330. Zolotarev, M., *Precedent phenomena: the role of cultural reference in Dostoevsky's novel Demons*. – University of Missouri-Columbia, 2013. – 86 p.

Энциклопедии и словари:

331. Баженова, Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
332. Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.
333. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
334. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д.Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2014. – 960 с.
335. Григорьев, В.П., Колодяжная, Л.И., Шестакова, Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. – М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 448 с.
336. Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2008. – 470 с.
337. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.efremova.info/>
338. Ильин, И. Постмодернизм: словарь терминов. – М.: INTRADA, 2001. – 384 с.
339. История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ./ Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М., 1999. – 1138 с.
340. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой; редколл.: В.В. Васильева, Ю.М. Коняева, А.А. Малышев, Т.Ю. Редькина. – М., ФЛИНТА, 2018. – 440 с.
341. Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 586 с.

342. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М: «Олма Медиа Групп», 2007. – 784 с.

343. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.: А Темп, 2006. – 440 с.

344. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века // Библиотека BookZ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bookz.ru/authors/rudnev-vadim/slowar.html>

345. Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др.]. – М.: Наука, 1980. – 783 с.

346. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2001 – 508 с.

347. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Н–По / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; главный редактор Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2017. – 856 с.

348. Стилистический энциклопедический словарь русского языка/ Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

349. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.–сост. В. Серов. – М.: Локид–Пресс, 2005. – 880 с.

350. Энциклопедия литературных героев: Зарубежная литература XVIII–XIX веков / под общей редакцией А. М. Зверева. – Москва: Олимп: АСТ, 1997. – 766 с.

Источники:

351. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В.В. Виноградов и др.] – Наука. Ленинградское отделение, 1972-1990.

352. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том четырнадцатый. Братья Карамазовы. – Ленинград, «Наука», 1976. – 514 с.
353. Достоевский, Ф.М. Бесы; «Бесы»: Антология русской критики / Сост., подгот. текста, посл., коммент. Л.И. Сараскиной. – М.: Согласие, 1996. – 743 с.
354. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя. В 2 т. / Вступ. ст. И. Волгина, коммент. А. Архиповой, А. Батюто, А. Березкина, В. Ветловской, Г. Галаган, Е. Кийко, В. Рака, Г. Степановой, В. Туниманова. – М.: Книжный клуб 36, 6. – 2011. Т. 1. 800 с. Т. 2. – 752 с.
355. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в тридцати пяти томах. – 2-е издание испр. и доп. Том шестой. Преступление и наказание. – Санкт-Петербург, «Наука», 2016. – 482 с.
356. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в тридцати пяти томах. – 2-е издание испр. и доп. Том восьмой. Идиот. – Санкт-Петербург, «Наука», 2019. – 570 с.

Электронные ресурсы

357. Генеральный Интернет-корпус Русского Языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.webcorpora.ru/>
358. Медиалогия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mlg.ru/>
359. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>
360. Федор Достоевский. Антология жизни и творчества. Режим доступа: <https://fedordostoevsky.ru/>